

Протоиерей Константин Островский

БЕСЕДЫ О БОРЬБЕ СО СТРАСТЯМИ

СНЮПСИСЬ
Москва • 2020

Издательство «Христианская библиотека»
Нижний Новгород • 2020

УДК 27-4
ББК 86.372-2я44
О77

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-003-0096*

О77 Константин Островский, протоиерей
Беседы о борьбе со страстями. — М.: «Синописи»,
Н. Новгород: Издательство «Христианская библиоте-
тека» 2020. — 240 с.

ISBN 978-5-905472-69-5

В новую книгу протоиерея Константина Островского включены беседы, в которых обсуждаются вопросы становления на духовный путь, о целях этого пути, о препятствиях и ловушках, о страстях и о том, как противостоять им.

Книга адресована семинаристам, молодым священникам и всем христианам, вставшим на путь ко спасению.

УДК 27-4
ББК 86.372-2я44

Художник: Марат Шестаков

ISBN 978-5-905472-69-5

© Прот. Константин Островский, 2020
© Синописи, 2020

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чем мы будем заниматься?

Блаженной памяти митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге «Божии люди», в главе «Зосимова пустынь», вспоминает о беседе с её настоятелем преподобным Германом Зосимовским (Гомзиным): «Среди вопросов он задал и такой: "Что вы будете преподавать в академии?" Я начал с более невинного предмета: "Гомилетику" (учение о проповедничестве).

— А ещё? — точно следователь на допросе, спрашивал он.

Я уже затруднялся ответить сразу.

— Пастырское богословие, — говорю.

А самому стыдно стало, что я взял на себя такой предмет, как учить студентов быть хорошими пастырями.

— А ещё? — точно он провидел и третий предмет.

Я уже совсем замялся.

— Аскетику, — тихо проговорил я, опустивши глаза...

Аскетику... Науку о духовной жизни... Легко сказать! Я, духовный младенец, приехавший сюда за разрешением собственной запутанности, учу других, как правильно жить... Стыдно было. После мой духовный отец в Петрограде, когда я рассказывал всё это в деталях, сказал мне: "Вы уж лучше умолчали бы об этом предмете"».

С моей стороны было бы не менее нелепым объявлять, что вот я пришёл учить студентов семинарии, или кого бы то ни было, духовной жизни. Мы собрались, потому что

я — уже приходский священник, а вы — будущие пастыри; мы призваны Богом быть руководителями или хотя бы помощниками наших прихожан в их становлении и движении по духовному пути. Мы сами немощны и неопытны — это так, но куда же деваться? Назвался груздем — полезай в кузов; священники по должности обязаны иметь некоторый личный опыт борьбы со страстями. Хотя духовный опыт обретается только на практике, ведь муж неискушен неискусен (ср. Иак. 1, 2–4), и эта практика далеко выходит за пределы наших бесед, но на занятиях мы с вами хотя бы поговорим на духовные темы, хотя бы познакомимся с ними.

Начнём мы с цели духовного пути — с любви. О ней нас учат заповеди Божии: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всю душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 37–39).

Потом обсудим вопросы становления на духовный путь, поговорим о молитве, которая в совершенной мере есть богообщение, а в меньших мерах — постепенное приобщение к богообщению. Затем обратим внимание на то, что препятствует нам исполнять заповеди Божии и молиться Богу, то есть на греховные страсти; поговорим о борьбе с ними.

Корень всех страстей — гордость, а противоположная ей добродетель — смирение, которое в своей совершенной мере есть сосуд, способный принять в себя благодать Святого Духа. Борьба с гордостью и стяжание смирения и будут последними темами наших бесед о борьбе со страстями.

Приёмы одни — цели разные.

Развивать или умерщвлять ветхого человека?

Прежде чем перейти к обсуждению наших основных тем, давайте очень коротко обсудим вопрос об аскетизме в других духовных традициях. Тема обширнейшая, мы ею по-настоящему заниматься не будем, только обратим внимание на один момент. Знакомясь с другими религиями и христианскими конфессиями, можно обнаружить немало сходства в их аскетических практиках и, соответственно, наставлениях с наставлениями православных святых отцов. Вот, к примеру, отрывки из сочинений древнекитайских философов: «Выставлять напоказ свои добродетели то же, что вытащить рыбу из воды. ...Нет ничего хуже неведения своих грехов. Нет ничего опаснее стремления к высоким состояниям», — это из книги Лао-цзы «Дао дэ цзин». А вот из книги Кун Фу-цзы «Лунь юй»: «Учиться и не размышлять — напрасно терять время, размышлять и не учиться — губительно. ...Изучение неправильных взглядов вредно». Приведём притчу из книги «Мэн-цзы»: «Некто, озабоченный тем, что его всходы не растут, стал тянуть их. Вернувшись утомлённым, он сказал своим домашним: "Я устал сегодня — помогал всходам расти". Его сын побежал посмотреть и увидел, что всходы завяли».

Все приведённые высказывания глубоки и правдивы. Тогда, может быть, и вовсе нет разницы между религиями? Ведь все учат доброте и дают людям мудрые наставления. Действительно, много общего в подвижнических приёмах и даже моральных правилах, которые предлагают разные религии.

Но много также общего в боевой и даже моральной подготовке солдат воюющих между собой армий. Почти всё общее — цели противоположные.

«Противоположные цели» — звучит, пожалуй, резко, но обратите внимание: когда многие духовные течения

предлагают нам заняться самоусовершенствованием, речь идёт о совершенствовании своего ветхого человека. Цель же христианской жизни — не развить, обогатить и украсить духовными дарованиями ветхого человека, а с Божией помощью умертвить его в душе, чтобы в ней родился, вырос, укрепился и духовно обогатился новый человек.

А нужен ли христианину аскетизм?

Следующий предварительный вопрос: зачем вообще христианину аскетизм? Зачем все эти ограничения, напряжения, борьба? Ведь Сам Христос нам заповедал только любовь к Богу и ближним (см. Мф. 22, 37–39). Так давайте же будем просто любить Бога и друг друга, и всё будет хорошо.

Всё будет хорошо? Вот я люблю Толю, а он у меня просит конфету, я ему с любовью даю. А он просит ещё раз, я ему ещё раз даю, тоже с любовью. Но мне ведь тоже хочется конфет, а Толя всё просит и просит... Он ведь тоже должен меня любить, не только я — его. И получается, что я люблю, кроме Толи, ещё и конфеты. Это раз. И я хочу иметь уверенность в конфете на завтра. Это два. И я хочу справедливости. Это три. И я считаю себя лучше Толи. И так далее... И что осталось от моей продекларированной любви к ближнему? И это всего лишь из-за конфет!

А о Боге мы тут даже и не вспомнили. Может быть, и к лучшему, потому что к Богу у нас ещё больше претензий, чем друг к другу. Потому что о людях мы знаем, что они не всемогущи, а о Боге мы верим, что Он всемогущ. Так почему же он не исполняет наших желаний? Даже благих, как мы уверены, желаний!

Оказывается, наша душа пропитана желаниями, то есть страстями, такими любвями, которые не дают нам поистине любить никого: ни ближних, ни дальних, ни Бога, а только самих себя, точнее свои хотения, то есть

страсти. Для того чтобы увидеть свои страсти, постараться освободиться от них, познать на деле своё бессилие перед ними, но не впасть в отчаяние, а призвать Бога на помощь и в конце концов получить помощь Божию — для этого необходим подвиг.

Подвизаться нужно правильно

Итак, мы поняли, что нужно подвизаться, при этом подвизаться нужно правильно. Об этом писал апостол Павел: *Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы — нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным (1 Кор. 9, 24–27).*

Но в Послании к Римлянам тот же апостол Павел пишет: *Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха (Рим. 7, 15–25).*

То есть наскоком решить проблему у нас не получается. Любовь, которую мы продекларировали, оказалась в нас какой-то ненадёжной. Собрались вроде бы с апостолом Павлом заняться аскетическими подвигами, но и у него не всё сразу вышло, о чём он и сам написал римлянам в своём послании. Поэтому давайте сделаем шагок назад и поговорим сначала о цели нашего аскетического подвига, а тогда станут понятнее и его методы, предлагаемые нам Церковью.

О ЛЮБВИ И БЛАГОДАРНОСТИ

ЛЮБОВЬ — ЧТО ЭТО?

Во-первых, не «что», а «Кто»

Любовь — цель христианского подвига. Поэтому, кстати, на вопрос «что такое любовь?» нужно сразу заметить, что любовь — это «Кто». Бог есть Любовь (см. 1 Ин. 4, 8), и познание истинной Любви даруется по мере познания Бога, то есть по мере благодатного единения с Ним. Такое единение — цель жизни христианина, что и выражается в заповеди о любви к Богу всем сердцем и всей душой, и всей крепостью, и всем разумением (см. Лк. 10, 27). Эта заповедь дана Богом ещё в Ветхом Завете и повторена затем Христом.

Но как это — возлюбить Бога всем сердцем? Эмоции здесь ни при чём, потому что они из области плоти. Интеллектуальные выкладки очень мало помогают: размышления о любви далеки от любви. Так что же это такое «любовь»?

Узнаешь любовь, когда полюбишь

На самом деле, ответ на поставленные вопросы может быть дан, но мы пока не способны его получить. Приведём земной пример. У пятилетнего мальчика старший брат полюбил девушку и переживает: то предаётся радости, то печали, с младшим братом не хочет в шахматы играть. Младший огорчается, спрашивает старшего: «Ну, чего ты?» Но, как бы старший ни пытался ему объяснить свои чувства, тот не сможет его понять из-за недостатка своего жизненного опыта.

Или вот ещё пример. Бывает, какой-нибудь юноша читал, слышал о любви; ему нравится любовь, он хочет полюбить кого-нибудь, даже полуосознанно пытается влюбиться и, наконец, внушает себе, что влюбился. Но когда, если так случится, он влюбится по-настоящему, тогда поймёт разницу между чувством, пронизывающим и пленяющим всю душу человека, и представлением о чувстве.

Когда Бог откроет наше сердце для истинной любви, тогда поймём, что хотя раньше мы слышали и читали о ней, но любви совсем не знали.

С ревностью любит Бог

Давая нам спасительную заповедь о любви, Бог неслучайно сказал *всем сердцем твоим* (Лк. 10, 27 и ещё целых 8 мест в Библии), потому что Он хочет нашего неразделённого сердца. В Евангелии Царство Небесное сравнивается с сокровищем, скрытым в поле, и с драгоценной жемчужиной (см. Мф. 13, 44–46); человеку для приобретения их пришлось продать всё, что он имел. Не случайно сказано: «всё», и апостол Иаков прямо пишет: *До ревности любит дух, живущий в нас* (Иак. 4, 5). А в предыдущем стихе он обличает: *Прелюбодеи и прелюбодейцы! Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4, 4).

Почему апостол Иаков называет нас прелюбодеями? Потому что мы изменяем своему Небесному Жениху, предаваясь самым разным вожделениям. Бог же любит нас истинно, а значит, с ревностью. Он отдаёт нам всего Себя во Христе, но и от нас ожидает полной самоотдачи. (Кстати сказать, полная самоотдача Богу отнюдь не мешает христианину исполнять свои гражданские и семейные обязанности.) Он не удовлетворится тем, что мы отдаём Ему какой-то кусочек своей жизни, а большую часть жизни отдаём земле и суете. Если мы что-то и отдаём Богу, то обыч-

но для своего спокойствия (тоже для земли), а вовсе не желая войти в общение с Ним и быть в Царстве Небесном.

Поэтому, даже если представить, что мы получили бы от Бога дар любви к Нему, мы не перестали бы Ему изменять. Но Бог на это никогда не согласится. Хотя Он нас и любит, и желает нам вечного блаженства, но по кротости и целомудрию Своему Бог попустит нам навеки остаться с нашей любовью к суетным вещам, которая проявится в вечности как огонь геенский. Так что к принятию дара Божественной любви нужно сначала подготовиться — постараться исполнением заповедей Господних очистить свою душу от страстей.

Неверная душа

Далеко не безобидны все те простые привязанности, которыми мы опутаны. И то нужно, и это нужно, и это не грешно, и тем я никого не обидел... Вышла девушка замуж, идёт с молодым супругом по улице. То одному встречному подмигнёт, то к другому невзначай прижмётся. А что она такого сделала? Да ничего. Просто она неверная жена.

Как бы ни были привычны и благовидны наши страсти, лучше будем честно называть их греховными страстями, а не простительными слабостями, мол, все мы люди. Будем со страстями бороться — тогда Бог нам поможет и нас простит, и признает своими, хоть и немощными, но всё же верными чадами.

Мы по-разному ждём встречи с Господом

Всем нам — рано или поздно, во временной жизни или уже в вечности — предстоит встретиться с Богом лицом к лицу, но по-разному мы ждём этой встречи, как, бывает, по-разному ждут жёны своих на время удалившихся мужей.

Одна так тоскует по мужу, что ничто её не может утешить, она и пищу-то принимает, только чтобы дожить

до встречи с ним. Вот образ совершенной любви к Богу. Но эта любовь — дар Божий, мы не можем и даже не должны пытаться искусственно в себе её возбудить.

Но есть другая жена. Она не так тоскует без мужа, как первая, однако и не осуждает её, не завидует ей, а, укоряя себя за недостаток любви, старается подражать истинно любящей подруге и тоже, хотя и не естественно, а с усилием, воздерживается от утешений, надеясь получить их с лихвой, когда вернётся супруг. Надежды этой доброй жены оправдаются, и её встреча с мужем будет радостной. Таков подвижник, не достигший совершенства, но стремящийся к нему.

Есть и третья жена, не имеющая к мужу горячей любви и не жалеющая об этом. Она живёт в своё удовольствие, избегая явных беззаконий. Ей всё равно, вернётся он или нет. И есть ещё женщина, которая не хочет и боится встречи с мужем, потому что когда он придёт, то прекратит её блудные и злые дела да ещё и накажет за них. Эти неистинные жёны лишаются семейной радости. Теплохладность и беззаконие не наследуют Небесного Царства.

Сначала Бог, потом — ближний

Любовь к Богу порождает любовь к ближнему подобно тому, как юноша, любя девушку, сердечно располагаетя и к её близким и, когда не видит её, рад видеть их, потому что они ему о ней напоминают. А когда возлюбленная рядом, душа его поглощена только ею.

Похожее состояние находим у великих святых, которые, любя ближних, убежали от них ради любви к Богу.

«Люби меня, как Бога»

Но обе заповеди — о любви к Богу и о любви к ближнему — зачастую искажаются в нашем сознании до противоположности. Ведь нам дана заповедь: возлюби Господа Бога

Твоего всем сердцем своим и ближнего, как самого себя. А мы, наоборот, требуем от ближнего: возлюби меня, как самого себя, и даже — как Бога.

Не по хорошу мил, а по милу хорош

Мы нередко путаем наши человеческие привязанности с любовью к ближним по второй заповеди. Заповедь о любви к ближним исполняет человек, сердце которого исполнено любовью к Богу, и этой любовью он любит всех одинаково, подобно Христу, Который пострадал даже до смерти за весь род человеческий. Поэтому, если говорить о любви по заповеди Божьей, кто кого-то не любит, тот и никого не любит. Так что не будем обольщаться относительно наших привязанностей.

Плотская любовь (к жене, детям, родине и тому подобному) разделяет людей на своих и чужих. Своих мы любим, нам с ними легко и хорошо, даже когда они нас в чём-то стесняют и доставляют нам какие-то неприятности. А с чужими нам и с хорошими тяжело.

Вот типичный пример разделения на своих и чужих. У женщины сын и зять оба пьют и бьют своих жён, но она не хочет, чтобы добрая невестка бросила её злого сына, а только хочет, чтобы он бросил пить и исправился. А дочь она же уговаривает развестись с мужем. Здесь мы видим не любовь к ближним по заповеди Божией, а привязанность к родственникам по плоти. Привязанность к своим: детям, супругам, родителям, друзьям — доброе чувство; только не нужно путать его с духовной любовью.

«Для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6, 14)

Как в личных отношениях, так и в отношении к своему народу. Если я горжусь своим народом, то должен и каяться в его грехах. А если говорю: «Это грехи не мои», то, значит, и народ не мой, и слава его не моя.

Вспомним призвание Богом праотца Аврама стать родоначальником избранного народа: *И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего и иди в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение* (Быт. 12, 1–2). Так говорит Господь и всякому человеку: «Оставь твой род, ибо, каков бы он ни был, это род Адама, ветхого человека. Оставь его и будь от рода Христова».

Когда преподобному Серафиму Саровскому явилась Матерь Божия с апостолами Петром и Иоанном и сказала: «Этот нашего рода», ему просто не пришло в голову, что нет, мол, я не вашего рода, я русский, а вы — евреи. И Матерь Божия, и апостолы, и Серафим Саровский — все они родные во Христе. Если у нас не хватает великодушия, чтобы видеть в каждом человеке брата или сестру, то хотя бы не будем чуждаться людей за то, что они нам не близки по плоти.

Отвергнуть всякое земное родство и привязанность, как это делали отшельники, о которых мы читаем в древних патериках, и исповедовать словом и делом, что «я рода Христова и другого рода не знаю», значит распять себе мир (по слову апостола). Но тогда необходимо и себя распять миру (по его же слову), то есть не ждать и не искать от мира (в том числе от родственников и соплеменников) поддержки и утешения. Нам далеко до такой духовной меры, мы нуждаемся в помощи людей и в их душевном тепле, поэтому и ближним не откажем в этом. Будем бороться со своей самостью, и тогда со временем нам откроется путь к исполнению заповеди Божией о любви.

Блаженные радость и печаль

Одна и та же духовная любовь может порождать различные переживания. Преподобный Серафим Саровский любил Бога и был с Ним в непрестанном утешительном общении. Старец Силуан Афонский тоже любил Бога, но переживал разлуку с Ним, богооставленность и потому писал: «Скучает душа моя о Господе, и слёзно ищу Его». А когда нет ни радости от общения, ни постоянной печали от разлуки, это не любовь всем сердцем, и всею душою, и всею мыслью, как требует первая заповедь.

Станьте как дети

Размышляя о любви, вспомним слова Спасителя: *Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном* (Мф. 18, 2–4). Почему такая льгота для детей? А давайте взглянемся. Чем ребёнок заслуживает материнскую любовь? Ничем. Он матери доставляет только хлопоты. А что он думает в распашонке и ползунках о своих заслугах перед матерью или о своём сыновнем долге? Ничего не думает. Зато он тянет к маме ручки и радостно улыбается, и она радуется и обнимает его. Вот, кто так умалится, тот и исполнит заповедь о любви.

Но человек не может и не должен просто возвратиться в младенчество, и мы не должны оставаться неразумными и неопытными, как дети, а должны в борьбе со страстями, получив помощь и свободу от Бога, прийти в состояние младенческой любви и простоты. Путь к Богу — это становление: мы должны не **оставаться**, как дети, а **стать**, как дети.

Так что же делать?

Что же тут можно сделать? А не нужно ничего нарочитого делать, придумывать. Не нужно пытаться внушить себе: «Я люблю Бога, я люблю Бога, я люблю Бога...» Не нужно,

и даже грешно, пытаться возбудить в себе любовь, изобразить свою (отсутствующую) любовь. Это было бы лицемерием, о котором Господь сказал: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры* (Мф. 23, 13).

Хотя, с другой стороны, в каждом из нас сохранилось что-то от райской любви к Богу. Это «что-то» проявляется иной раз в искреннем чувстве благодарности к Богу, искренней молитве, искреннем сострадании ближнему — любовь сохранилась в нашем естестве. Но с сожалением надо признать и никогда нельзя об этом забывать, что, перефразируя народную поговорку, мёд дарованного нам Богом естества отравлен дёгтем наших страстей. Как ни горька эта правда, но те следы любви, о которых мы сказали, годятся лишь как утешительное свидетельство, что любовь возможна, и сами по себе они — растворённые страстями — не спасительны для нас, и напрямую очистить их нам не удастся. Нет другого выхода, как встать на путь покаяния, долгий (на всю жизнь) и трудный (крестный), но именно на этом пути обретается подлинная любовь.

НЕ ТОРГУЙСЯ С БОГОМ

Возмещение ущерба в любви

Сознавая или не сознавая, мы чувствуем недостаток своей любви к окружающим и — сознательно или бессознательно — пытаемся как бы расплатиться (обычно лишь в своём воображении) за её недостаток. Муж может отвечать на упреки жены: «Чего ты от меня хочешь? Зарплату приношу, не изменяю, не пью, матом не ругаюсь». Так же и жена возмущается: «Я ему готовлю, рубашки по утрам глажу, верчусь целые дни, как белка в колесе, а он всё недоволен». И вместе они удивляются о ребёнке: «Он у нас записан во все секции; одет, как англичанин; смартфон —

последней модели, и всё равно смотрит волчонком». Оба они, в общем-то, правы, но за этой правдой стоит недостаток любви, который ничем не возместишь. Так бывает у нас с людьми, так и с Богом.

Любящий не знает, чем гордиться

Всякий верующий и совестливый человек чувствует свою вину перед Богом, ведь мы всё время нарушаем Его заповеди. Но мы боремся со страстями, стараемся как бы возместить Богу ущерб, перекрыть содеянное нами зло — добром, недостатки — добродетелями, и рады, если видим, что наше доброе перекрывает наше злое. Мы не можем этим не гордиться.

А вот если человек духовно приходит в меру любви, он уже не может гордиться, он и не знает, чем ему гордиться. Подобно тому как любящая жена всю себя отдаёт своему мужу и всего его принимает в себя, но они не гордятся и не считаются друг с другом.

Заповеди — дар Любви

Заповеди Божии многими воспринимаются как досадная ляжка, которая зачем-то нас связывает и давит, а без неё было бы жить легче и лучше. Легче? Может быть... Известно, что в падающем лифте человек испытывает невесомость. Только хороша ли эта лёгкость? С другой стороны, действительно, «тянуть ляжку» и вяло уклоняться от грубых грехопадений — это не путь в Царство Любви. Ведь заповеди Божии — это не узы, а милость Господа к нам, они даны в помощь и указание, что делать, на что обратить внимание, чего избегать, чтобы не повредить своей душе, чтобы она выросла в возможную для неё меру и была способна исполниться Святым Духом и вечно блаженствовать.

Страшный Суд всепрощающей любви

Нам не следует торговаться с Богом, подсчитывать свои добрые и злые дела... А разве Бог не подсчитывает? Откуда тогда вечные муки, обещанные нарушителям заповедей? Ведь если Бог бесконечно любит Своё творение, то Он не станет наказывать грешников за их злые дела вечной мукой – разве не так? Бог действительно не хочет никому ничего плохого, Он одинаково любит и праведных, и грешных, и ангелов, и демонов, *Бог есть Любовь* (1 Ин. 4, 8). Он всем дарует спасение, но оно не может никому быть навязано против его воли.

Дело не в Боге, а в нас самих. На Страшном Суде каждый из нас услышит только один вопрос: «Любишь ли Меня?» И нельзя будет ни солгать, ни уклониться от ответа, ни что-нибудь приукрасить, ни изменить. Не будет уже места ни похвальбе, ни скромности, а просто откроется вся глубина человеческого сердца, и у праведников оно сразу радостно затрепещет от встречи с Любимым.

А грешникам, всем без исключения, на Страшном Суде всемилостивый Господь дарует безусловное прощение, но... не все захотят его принять. Все увидят любящего, прощающего, милующего Христа, но одни грешники бросятся к Его ногам, избирая и принимая незаслуженное прощение, а другие в ужасе и злобе побегут от Него, избирая и принимая заслуженное наказание, потому что в первых найдётся немного веры в любовь Христову, а во вторых не найдётся. И они навеки замкнутся в темнице самости, чтобы там, в безлюбивой пустоте, не сгорая, гореть от лютой злобы и обиды, холодеть от абсолютного и безнадежного одиночества. И червь бесплодного раскаяния будет вечно грызть гордое сердце после Страшного Суда.

Все мы получим по своей вере. Одна и та же бесконечная и всепрощающая любовь для одних будет вечным блаженством, а для других – причиной вечной муки.

Наш Бог – тихий, скромный и целомудренный. Он стоит у двери нашего сердца и стучит (см. Откр. 3, 20), так что мы можем открыть Ему или не открыть, любить Его или не любить. Он любит человека, но не насилует его свободную волю и поэтому не может соединиться с тем, кто этого не хочет.

Так бывает и в обычной жизни. Прекрасный во всех отношениях молодой человек любит девушку и предлагает ей руку и сердце. А ей нравится некто иной, который хочет лишь попользоваться ею, а не жениться, но – сердцу не прикажешь, и девушка губит свою жизнь, а замуж за прекрасного юношу не выходит. И если даже представить, что этот юноша – самодержавный царь, он, именно потому, что любит девушку, не станет брать её в жёны против её воли.

Так и Бог – всемогущий Царь Вселенной, но не насильник и не соблазнитель. Это сатана старается обольстить, обмануть, ввести в грех, потом полностью и уже насильно овладеть несчастным и по возможности довести до самоубийства. Бог же хочет от нас не чего-то внешнего, а только любви.

Чем больше любовь, тем страшнее суд

Вот ещё причина не обольщаться бесконечностью Божественной любви. Представьте себе: муж и жена. Муж любит жену и во всех отношениях является её благодетелем, а жена ему изменила, и это вдруг открылось. Как ей станет стыдно! И тем хуже будет на душе у этой падшей женщины, чем лучше её муж, чем больше он её любит и чем больше он сделал ей добра. Вот в таком положении мы окажемся на Страшном Суде. Только в обычной жизни жена может сама себя оправдывать, может на мужа клеветать, может другими способами усыплять свою совесть. А может покаяться и примириться со своим мужем.

Но это сейчас, во временной жизни — на Страшном Суде будет уже поздно.

На Страшном Суде нераскаянным грешникам станет настолько стыдно, что захочется провалиться сквозь землю, как сказано в Евангелии: *Тогда начнут говорить горам: падите на нас! И холмам: покройте нас!* (Лк. 23, 30). Там перед всем миром, ангельским и человеческим, откроется наш блуд, и телесный, и мысленный, и скрытый от нас самих в глубинах наших нечистых душ. Христос-то нас любит, Он-то нас простил бы, но мы сами сгорим от стыда и убежим на вечную муку со своим любовником — дьяволом. И чем больше любовь, милосердие и всепрощение Божии, тем сильнее будет наш стыд и ужаснее вечная мука.

Никак нельзя обольщаться милостью Божией. Она бесконечна и готова поглотить и истребить всякий наш грех, так что душа окажется чистой, но мы должны воспользоваться этой милостью, не откладывая до Страшного Суда.

«Возьми своё и пойди»

Не рассчитывая на любовь Божию, надеяться нужно, однако, только на неё, а не на свои заслуги. В притче о виноградарях (Мф. 20, 1–16) говорится о том, что некий человек насадил виноградник и призвал туда работников. Одних он нанял в начале дня, других — в середине, третьих — в самом конце. А когда стал рассчитываться, то начал с последних работников и кончил первыми. Последним он заплатил столько же, сколько и первым. И когда те, которых он нанял вначале, стали роптать: почему мы проработали целый день, а нам заплатили столько же, сколько и тем, кто проработал один час, — прозвучало такое слово: *Возьми свое и пойди*. Вот такое же слово мы можем услышать у врат Царствия Небесного, если будем считать, что мы это Царство заслуживаем. Царство Небесное — это не

царство торговли, где кто-то что-то кому-то зарабатывает, а это Царство любви.

Если какой-нибудь работник всем сердцем любит своего хозяина, то он и рад потрудиться для него побольше. Он бы и бесплатно работал, а уж если в добавление к счастью послужить доброму господину ещё и деньги какие-то дают, то это повод для сугубой благодарности. Но он работает не за деньги. Если бы ему заплатили, а потрудиться для хозяина не дали, это было бы большим огорчением, — впопых и от денег отказать. *Возьми свое и пойдёшь* — какое слово может быть больнее для любящего сердца?

Бог нам обещает воздаяние за труды и не обманывает нас — расплата будет. А вечное блаженство в Небесном Царстве любви ждёт тех, кто любит Бога бескорыстно.

Не подсчитывай добро

О том, что Богу не угодно, когда мы подсчитываем свои добродетели, есть поучительная история в Ветхом Завете: *И восстал сатана на Израиля, и возбудил Давида сделать счисление Израильтян. И сказал Давид Иоаву и начальствующим в народе: пойдите исчислите Израильтян, от Вирсавии до Дана, и представьте мне, чтоб я знал число их... И не угодно было в очах Божиих дело сие, и Он поразил Израиля. И сказал Давид Богу: весьма согрешил я, что сделал это* (1 Пар. 21, 1–8). Так и мы согрешаем, исчисляя свои дарования и мнимые добродетели.

Если благодать посетила тебя, не надо размышлять — почему. Благодать привлекается смирением, а в таком размышлении есть гордость. Ведь «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3, 8), и мы никогда не бываем Его достойны. А когда благодать оставит тебя, поразмысли, какие страсти отогнали её, и покайся.

О БЛАГОДАРНОСТИ БОГУ

Зачем Богу наши молитвы, хвала и благодарность?

Церковь придаёт благодарности особенное значение, наше главное таинство так и называется Евхаристия, то есть Благодарение. Но, если Бог всемогущ, всеблаг и всеведущ, зачем Ему нужно, чтобы мы Его хвалили, благодарили и непрестанно о чём-то молили? Ведь люди этого обычно хотят по самолюбию и тщеславию. Но Бог не самолюбив и не тщеславен, тогда зачем Ему наши молитвы, хвала и благодарность?

На самом деле всё это нужно не Богу — Источнику истинного блаженства, Который не нуждается ни в чём, — а нам. Это наша вечная участь очень зависит от того, что или кого мы любим. В вечности будет только Царство Небесное или тьма кромешная. Если души наши не возрадуются Богу, не восхвалят Его дела, не возблагодарят Его, если нам в Царстве Небесном не понравится, то куда же мы денемся? Во тьму кромешную.

Вот от этого Бог и хочет нас избавить. Не Он нуждается в нашей хвале и благодарности, а нам необходимо стать такими, чтобы искренне, от всей души хвалить и благодарить Бога.

То же можно сказать и о молитве, в частности, о молитве Иисусовой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Ведь, как сказано в Священном Писании, *от избытка сердца говорят уста* (Мф. 12, 34). Вот Бог и хочет, чтобы сердце наше всегда жаждало милости, и чтобы милости мы искали именно у Него. Вот для чего нужна Богу наша молитва.

Забываем поблагодарить Господа

Неблагодарность относительно Бога для нас так привычна, что нам, как правило, и в голову не приходит, насколько

она некрасива. Но представьте. Какой-то ваш знакомый оказался в крайней нужде, вы решились помочь ему и для этого сами пошли на большие жертвы, но принесли ему необходимую сумму денег. Вот вы стоите на пороге его квартиры, он открывает дверь, берет у вас из рук деньги и со словами: «Деньги — отлично!» — закрывает перед вами дверь. Поступок нехороший, вопиющая неблагодарность. А не так ли мы ведём себя по отношению к Богу, даровавшему нам и временную жизнь, и — ценой Голгофской Жертвы — вечное блаженство?

О самохвалении

Бога мы благодарить забываем, зато сами себя в помыслах постоянно хвалим, даже не обращая на это внимания. Ведь случается, что мы совершаем нечто хорошее, Бог по Своей любви дарует нам для этого благодатную силу. Было бы естественно за это от души благодарить Господа. Но, ослеплённые гордостью, мы приписываем всё хорошее себе, своей мнимой доброте, своей фиктивной праведности.

Однако представим, каково бы нам было слушать человека, который постоянно нам рассказывает о своих заслугах перед нами. «Я тебе вот это сделал, да я тебе вот это сделал. Посмотри, как я тебе послужил, да вот я чем для тебя пожертвовал. Да вот мне как теперь тяжело, да где же твоя благодарность? Почему ты мне не отвечаешь? Есть ли ты?» Да от такого человека захочется убежать без оглядки! И не нужны никакие его добрые дела и услуги! Но ведь это типичный монолог гордой души перед Богом. А если ещё учесть, что по большей части наши заслуги существуют лишь в нашем воображении, а оставшаяся малая часть осквернена грубыми страстями, то поистине следует удивляться Божиему долготерпению и милости к роду человеческому.

Сами дела остаются добрыми (кто-то, положим, ухаживает за больными или благотворит Церкви, кто-то много трудится, много молитвословит), но для вечности они обесцениваются нашим самохвальством.

И болезнь, и исцеление — от Бога

Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Тот, кому послана будет болезнь, должен проводить время в благодарении Богу». Заметим: не в ропоте и не в поиске срочного исцеления любой ценой.

Конечно, по немощи всем нам благословляется медицинское лечение, уж очень немного таких людей, которые могли бы с пользой для себя мужественно терпеть болезнь, не прибегая ни к каким средствам облегчить её. Немощен дух наш, потому обращаться за помощью к врачам мы вынуждены. А бывает, кстати, что и мужественному подвижнику, даже святому Бог благословляет идти общим для всех путём и лечиться у врачей. Неисповедимы пути Господни.

Но в любом случае мы должны исповедовать, что всякий недуг — это посланная нам милость, за которую необходимо благодарить и славословить Бога. Не забудем поблагодарить Господа и после того, как получили исцеление через таблетки, процедуры и операции, ибо через врачей, через аппараты и препараты действует тоже Бог.

Забывая о благодарности, человек рискует подпасть под гнев Божий, а искренне благодаря Бога, человек получает покой и утешение. Это реальный опыт духовной жизни не только святых, но и всякого христианина. Каждый, попытавшись, убедится, что если, не торгуясь с Богом, от души благодарить и славословить Его, то в сердце воцаряются мир и тишина, которые являют собой залог вечного утешения.

Святые благодарили за трудности

Для греха всегда найдётся множество оправданий. Тут и бесы, тут и все вокруг оказываются виноватыми. Меня обидели — поэтому я грешу. Меня не уважили — я запил. Были бы условия — я бы молился Богу. А то я в коммуналке живу, а у меня икон нет, а у меня дети шумят, а мне пенсии не хватает... Но посмотрим на святых отцов. Многие из них жили в тяжелейших условиях. И они сами шли на эти условия, не жалуясь, а радуясь трудностям. Известна история о человеке, который, находясь в концлагере, дошёл до отчаяния. Ему явился преподобный Серафим Саровский и сказал, что подвижники сами искали таких обстоятельств, добровольно уходили в пустыню, в затвор, а тебе их создали, — чего же ты ропщешь? Человек этот ободрился и уже с благодарностью терпел всё, что происходило с ним и вокруг него.

Бог сдерживает свою щедрость

Благодарность за дарования Божии побуждает Бога их умножать. Но беда наша в том, что даже вроде бы искренне говоря: «Благодарю тебя, Господи», — всё же в глубине души мы считаем себя заслуживающими Божиих дарований, и тех, что получили, и ещё больших. Таким образом, Бог даже оказывается нашим должником, а благодарность наша становится смесью неблагодарности и лицемерия.

Бог нас любит, Он с радостью дал бы нам всё, чего мы хотим, и даже всё, о чем мы не можем мечтать, любые утешения, но мы не должны считать себя достойными дарований. Бог по Своей милости, чтобы не умножались наши грехи, удерживает свою щедрость, ожидая нашего исправления. Так ведь и любящий отец, если имеет большое богатство, с радостью отдал бы его своему сыну, но, видя неразумие сына, сдерживает себя, чтобы не повредить ему.

Благодарить, а не роптать

Когда наши желания не исполняются, мы раздражаемся, обвиняем ближних, себя укоряем ни за что или за какие-то мелкие внешние оплошности. Бывает, даже ропщем на Бога. Но задумаемся: если наше желание действительно благо, а всеблагий Бог его не исполняет, значит, Он уготовил нам нечто лучшее. Есть за что благодарить, а не роптать.

Кроме того, у неприятностей бывают разные причины. Одно дело, когда Бог для того, чтобы очистить меня от страстей, посылает скорби и болезни, которые я должен благодушно терпеть. Другое дело — если я, скажем, сам на кого-то разозлился, с кем-то поругался, кого-то оскорбил и этим нажил себе врага. Тут уже я сам виноват и должен каяться в тех злых поступках, а не говорить, что «меня преследуют неприятности».

Или, скажем, юноша хотел поступить в институт, но ленился, мало готовился и не поступил; значит, он сам виноват и ему нужно каяться в лени. А если он серьёзно занимался, но по не зависящей от него причине не был принят в институт, то, на самом деле, огорчаться нет причин. Конечно, по немощи человеческой кто в такой ситуации не огорчится! Но это по немощи. А по существу, следует признать, что не просто не было воли Божией на то, чтобы исполнилось желание юноши, но что есть воля Божия на нечто другое, что для него действительно нужно, полезно и спасительно.

Всё наше богатство — Господне

Никакие наши действия не спасают нас — спасает лично Христос, но, чтобы реально познать это, так чтобы сердце открылось для молитвы, необходимо стать на духовный путь. Человек обращается к Богу, начинает ходить в храм, читать святых отцов, причащаться, обретает

духовника, старается исполнять заповеди Божии — он идёт правильным духовным путём, преуспевает и духовно обогащается. А в Евангелии сказано: *Блаженны нищие духом* (Мф. 5, 3).

Парадоксально: идя правильным путём, мы пришли в противоположную сторону, обогатились, когда сказано: «Обнищайте». Значит, от нас требуется жертва, не отказ, конечно, от милости Божией, Его даров (мы ведь не должны возвращаться к прежним грехам), но признание, что всё наше богатство — Господне, что мы лишь пользуемся Его дарами, сами же, помимо Бога, не имеем никакого добра. Сказать это очень легко, умом согласиться труднее, но можно, а чтобы принять сердцем, нужен подвиг всей жизни.

О СТАНОВЛЕНИИ НА ДУХОВНЫЙ ПУТЬ

О СВОЕВОЛИИ И ПОСЛУШАНИИ

С Богом — в одном направлении

Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце» замечательно сказал: «Любить — это значит смотреть не друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении». Нам нужно научиться смотреть в одном направлении с Богом, хотеть того, чего хочет Бог, стремиться охотно исполнять Божью волю.

Блаженство или мука — в нашей воле

Людам, которые не хотят жить по воле Божией, Господь попускает поступать своевольно, Он как бы сдерживает своё всемогущество. Но это во временной жизни. А в вечности благодать Божия наполнит всё, и благая воля Божия возобладает во всём. Тогда огонь Божественной любви испытает волю каждого, какова она есть (см. 1 Кор. 3, 13). Кто во временной жизни жаждал единения с Богом, в вечности обретёт вожденное и будет блаженствовать. А кто противился волей Божией, тот будет охвачен тем же огнём Божией любви, но... против своей воли. И потому тягостной для своевольного человека станет встреча с бесконечно любящим его Богом.

Очищение или отсечение

Сказал Господь: *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы*

более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам (Ин. 15, 1–3).

Кто — «ветвь, приносящая плод», и кто «не приносящая»? Тот, кто направляет свою волю по воле Божией, того слово Божие, живое и действенное и острее всякого меча обоюдоострого (см. Евр. 4, 12), очищает, чтобы он более принёс плода, а кто идёт против слова Божьего, этого обоюдоострого меча, того оно отсекает, а отсечённая ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе (Ин. 15, 4).

Не доверяй гордому уму

Как же «смотреть с Богом в одном направлении»? И как «направлять свою волю по воле Божией»? Вроде бы, естественно для этого руководствоваться своим умом, ведь он нам для этого и дан Богом? Действительно, если ум, соединившись с сердцем, предстоит Богу в непрестанной молитве, то он оказывается способен к духовному рассуждению: постижению воли Божией и принятию богоугодных решений. Такому уму можно и нужно доверять.

Но беда в том, что наш ум в таком состоянии не только не пребывает постоянно, но редко, а может быть, и никогда не бывает. Он, возгордившись, хочет не предстать Богу, а занять место Бога. За это он и изгнан из сердца, как Адам — из рая, и погружён в суетное мудрование. А такой ум не только не заслуживает доверия, но его, скорее, нужно опасаться.

Кроме того, наш ум нецельный, непростой, кишит множеством помыслов, среди которых если и бывает истинный, выбрать его самому человеку невозможно. Это хуже всего — пытаться выискивать среди многосплетения помыслов тот, который от Бога, и найденному верить, как Божественному. При такой доверии своему мудрованию есть опасность впасть в бесовскую прелесть.

Бог мог бы, кажется, нам помочь и открыто возвещать Свою волю, но в какую бы великую гордость пришёл немощный человек от непосредственного общения с Самим Богом! И стал ли бы ещё Его слушаться? Так что это милость Божия, что Он нам Свою волю возвестил в заповедях, но не возвещает каждую минуту непосредственно.

Житейская опытность подводит

Так ли, однако, всё безнадежно с нашим умом, ведь люди живут, общаются между собой? — Нам не следует путать духовную опытность с житейской.

Житейски опытных людей очень много. Человек рождается немощным, не приспособленным к борьбе за существование, к выживанию во временном мире, но с годами приучается вращаться среди людей, на нём возникает как бы корка житейской опытности, которая помогает ему как-то перебиваться в этой жизни. Но, научившись перебиваться и устраиваться в мирской суете, мы ещё ничего не приобретаем для вечности. Конечно, отбрасывать дарованный Богом опыт общения с людьми не нужно, но в общении с Самим Богом этот опыт нам не пригодится.

Если мы с младенческой простотой и в младенческой незащищённости перед Богом не предстанем, то можем оказаться действительно нагими в Царстве Небесном, не защищёнными одеждой благодати. Поэтому нам не нужно излишне надеяться на свою человеческую мудрость и опытность. Бывает, что житейская мудрость несёт нас по временной жизни, как на крыльях, а потом мы умираем, и оказывается: то, что нам так помогало здесь, во временной жизни, помогало бороться с людьми, помогало занять высокое положение в обществе, помогало получать материальные блага, это же самое и потянуло нас на дно преисподней.

Уповать на Бога надёжнее, чем на себя

Если человек отвергает свою волю ради воли Божией, то обретает силу и мудрость высшего порядка, хотя сам по себе умнее и сильнее не становится, но Бог начинает действовать через него, и человек удивляется: «Надо же, я ошибся, а получилось хорошо». У Бога бывает лучше, чем у нас. Наше гордое упование на собственные силы, наш бесконечный мысленный разговор самих с собой — они-то нас и удаляют от реальности. Вроде бы мы всё хорошо продумали, всё подготовили, и вдруг все наши планы рушатся — это Бог нас смиряет, учит не уповать на самих себя.

Если слепой ведёт слепого

Осознав ненадёжность своего ума в руководстве на духовном пути, мы естественно ищем, кто бы нам помог, кто наставил в борьбе со связавшими, да ещё и ослепившими нас страстями. Но, лишённые духовного рассуждения, мы и в других людях видим лишь их телесную и душевную составляющую. А святой старец внешне часто ничем не отличается от обычного благочестивого человека. Если же он при этом Христа ради юродствует, то его не отличишь и от сумасшедшего или даже от великого грешника, чему мы имеем множество примеров в житиях святых и жизнеописаниях подвижников благочестия.

Мы как бы расплющены в житейской плоскости, лишены духовной вертикали, потому и слепы духовно. Но этот факт можно признавать, а можно отрицать. Слепой, мнящий себя зрячим, смело шагает по жизни, берётся и другими руководить. Чем это кончается, сказано в Евангелии: *если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф. 15, 14).

А слепой, сознающий своё убожество, скорбит о нём, просит исцеления у Бога, смиряется, молит Бога о руководителе, и если Бог посылает, то слушается его; не имея

же наставника, действует с крайней осторожностью и, уж конечно, не дерзает указывать путь другим.

Плотское и духовное рассуждение

Всё познаётся по плодам. Бывает рассуждение на вид духовное, а приводит человека к большому грехопадению. И наоборот, бывает рассуждение вроде бы житейское, а плоды его спасительные. Отрицательных примеров каждый может множество найти в своей жизни, а положительные лучше, видимо, искать в жизнеописаниях святых старцев. И тут дело не только в скромности и уважении к великим именам, а в сути. Духовный человек духовно рассуждает, даже если на вид это не так, а плотской рассуждает плотски. Кто с Богом, тот говорит Божие, а кто со своими помыслами, тот говорит от своих помыслов.

Духовничество — образ Троицы

Где нам найти идеал, совершенство послушания? Конечно, в отношениях между лицами Святой Троицы; о Своём послушании Отцу Сам Христос не раз говорит в Евангелии, и у апостола Павла читаем, что Он *смирил Себя, быв послушным Богу Отцу даже до смерти* (см. Флп. 2, 8).

Поэтому в идеале духовный отец и духовный сын соединяются Духом Святым во образ Святой Троицы. Как Дух Святой исходит от Отца и почивает в Сыне, так Он нисходит и на преуспевшее в смирении духовное чадо по молитвам его духоносного наставника. Духовный отец, подобно Аврааму, должен отречься от всех своих привязанностей ради воли Божией (см. Быт. 22, 1–19), а духовный сын, подобно Исааку, должен даже до смерти довериться духовному отцу. Это, как сказано, в идеале. Обычно и отцы, и чада очень немощны, но немощ ещё не погибель — страшно, когда не Святой Дух, а демон овладевает лжестарцем и через него — его учеником.

Ответственность старших и младших

Если мы находимся с кем-то в иерархических отношениях, и эта иерархия не ложная, а Богом установленная, то мы духовно ответственны перед Ним за её соблюдение. Старшие — начальники, родители, церковные пастыри — дадим ответ: мы ради Бога управляли младшими — подчинёнными, своими детьми, духовными чадами — или ради удовлетворения своих страстей. Младшим же следует помнить, что не кто-нибудь, а Бог вручил их старшим, и значит, во вверенной старшим области через них возвещается Божия воля.

В Послании к Евреям апостол Павел пишет: *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас бесполезно* (Евр. 13, 17). Если духовному отцу приходится смиряться перед духовным сыном, когда тот настаивает на своём, значит, в сыне возобладало своеволие, и духовные отношения готовы разрушиться. Духовному чаду нужно бояться смирения перед ним духовного отца.

Спасительный одр послушания

Образ спасения человека через послушание духовно более опытным братьям можно видеть в евангельской истории исцеления расслабленного. Во второй главе Евангелия от Марка (см. Мк. 2, 1–12) описано, как ко Христу принесли расслабленного, то есть парализованного, человека, и Христос, по вере принёсших, простил ему грехи и исцелил от его телесной немощи, так что тот сразу же встал на ноги.

Как расслабленный телесно не мог сам прийти ко Христу, так и человек, духовно расслабленный, не может сам пройти путь покаяния, а нуждается в помощи. Кто-то сильный и более опытный должен если не поднять его на

свои плечи, то, по крайней мере, поддержать, указать на главные опасности, не дать сбиться с верной дороги.

Конечно, лучше всего, когда христианин живёт в полном послушании у духоносного старца, который имеет от Бога дар рассуждения и может не только молитвенно ходатайствовать за своего духовного сына, а и руководить им во всех его поступках. Но беда в том, что в нас нет необходимой простоты, чтобы, не рассуждая, принимать волю Божию, и нет решимости избавляться от своих страстей ценой любых страданий. А без этого полное послушание невозможно.

Получается, что слушаться духоносных старцев некому, вот Бог их и не даёт или промыслительно скрывает. Поэтому мы не можем надеяться, что нас, как евангельского расслабленного, кто-то возьмёт на руки и донесёт до Христа. И носить некому, и расслабленные слишком своенравны, так и норовят спрыгнуть с одра.

Что же делать? Спаситься без руководства затруднительно, если не сказать невозможно. Вверить себя в полное и безусловное послушание неизвестно кому ещё опаснее, ибо можно обрести волка вместо пастыря. Близкие нам по времени отцы, такие как святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник, советуют идти средним путём, который избавляет и от своеволия, и от опасности ложного руководства. Для этого нужно все свои поступки и желания сверять с евангельскими заповедями, а чтобы душа напиталась их духом, нужно читать Евангелие и святых отцов.

Если есть единомысленный брат, очень полезно открывать друг другу свои помыслы и обсуждать вместе духовные вопросы, стараясь при этом взаимно смиряться. Наконец, очень полезно иметь духовного отца, священника; важно только, чтобы он был доброй нравственности. Когда человек часто исповедуется и в простоте откры-

ваает духовнику свою душу, молясь при этом Богу, чтобы Он Сам через Своего служителя подал ему душеполезное наставление, тогда можно твёрдо надеяться, что милостивый Господь не откажет просящему со смирением.

Конечно, по немощи духовного отца и духовного сына или дочери на этом пути возможны ошибки и даже падения, но если мы, несмотря ни на что, будем держаться заповедей Божиих, с недоверием относиться к своим чувствам и разуму, потому что они помрачены грехом, будем всячески смиряться, отвергая свою волю перед волей духовных братьев, сестёр и отца, то они — сами немощные — всё-таки окажутся теми людьми, которые нас, расслабленных и недостойных, представят пред лицо Господа, Который исцелит наши телесные, душевные, и — главное — духовные язвы.

Духоносный наставник есть у каждого

Недостаток духоносных наставников многих верующих людей вводит в уныние, мол, совсем уже исчезли или скрылись от нас святые старцы. Но это ропотливое «старцев нет» зачастую звучит едва ли не как «Бога нет».

А на самом деле духоносный наставник есть у каждого из нас. Это Господь Иисус Христос. Он, конечно, не общается с нами прямо, как общался с великими святыми (для нас, гордых, это было бы губительно), но через обстоятельства жизни Господь вполне определённо показывает нам Свою Божественную волю. А кроме того, многие блага Он дарует нам тайно от нас самих.

Святые отцы часто сравнивают попечение Божие о человеке с попечением любящей матери о младенце. Это сравнение в наше время так же верно, как было в древние времена. У нас есть заповеди Божии — указания, что делать и от чего уклоняться, чтобы обрести вечное блаженство в единении с Богом. Есть во внутренних и

внешних обстоятельствах иногда явное, а иногда тайное непосредственное вмешательство в нашу жизнь благой Божией воли. Так что путь в Царство Небесное нам отнюдь не заказан.

**Своеволие должно умереть,
чтобы сердце ожило для молитвы**

Без отказа от своеволия духовное возрастание невозможно. Путь ли это монашеский, где инок отсекает свою волю перед настоятелем и братией. Путь ли это послушания духовному отцу. Путь ли человека, рядом с которым нет духовных наставников, познающего волю Божию из обстоятельств жизни. В любом случае путь к спасению лежит через отсечение своеволия.

При этом мы не становимся безвольными, воля человека должна не исчезнуть, а вполне согласоваться с волей Божией. Так, не исчезают голоса певцов в хорошем хоре, хотя и сливаются друг с другом. Избавиться нужно от воли, противящейся Богу. Своеволие должно умереть, чтобы сердце ожило для молитвы.

Отсечение своеволия в разных ситуациях

В «Лестнице» преподобного Иоанна Синайского есть такие слова: «Часто истинный послушник, став на молитву, вдруг исполняется света и радости, потому что подвижник сей был приготовлен к сему и предочищен нелицемерным послушанием» (Слово 19, статья 5). Конечно, «истинный послушник» и «исполняется света и радости» — это не про нас сказано, потому что мы, к сожалению, не «истинные послушники». Но если вспомнить о сути истинного послушания, то мы найдём в словах святого отца наставление и для себя.

Суть истинного послушания в отвержении своей воли ради воли Божией. А это возможно для любого человека,

потому что всем: совершенным и новоначальным, монахам и мирянам, имеющим духовного наставника и не имеющим — воля Божия открывается в обстоятельствах жизни. Известная подвижница рубежа XIX и XX веков преподобная игуменья Арсения (Себрякова) так писала об этом в одном из писем:

«Достигать отречения своей воли может затворник, и послушник, и мирской человек. Но достигать этой цели они все трое должны различными путями. Первый из них видит волю Божию, пред которой он отвергает свою собственную волю, во свете слова Божия; второй — в воле своего духовного руководителя; а третий — в обстоятельствах жизни. Для всех трёх доступна чистота сердца, но первый стремится к ней постоянной молитвой, второй — трудом послушания и исповедания помыслов, третий — честным исполнением служебных обязанностей и семейного долга. Все достигают одной цели, но разными путями». (Здесь под «постоянной молитвой» прп. Арсения имела в виду духовное делание, постоянное упражнение в молитве. А к обретению непрестанной сердечной молитвы должны посылно стремиться все люди.)

Вспомним двух мирянок, о которых преподобному Макарию Египетскому было открыто, что они превзошли его в духовной мере. Они были простыми замужними домохозяйками, души их стремились к монашеству, но отказ мужей они приняли как Божью волю и продолжили, по их собственным словам, разделять ложе с мужьями своими. Смиренное, без ропота принятие своих жизненных обстоятельств дало этим простым женщинам разум и силу нести возможный для них подвиг полного воздержания от пустословия и привело к величайшему духовному преуспеянию.

Так что дело не в обстоятельствах, а в нас самих. На любом месте, в любой ситуации можно помнить о заповедях

Божьих и поступать в соответствии с ними. Не только в храме, в келье или дома перед иконами можно обратиться к Богу, но в любом месте.

Неси крест свой — не берись за чужой

Не нужно путать борьбу со своеволием и отсечение своей воли перед волей старца. Первое обязательно для всех. А отсечение своей воли перед волей старца — великий и редкий подвиг, не только не обязательный, но и далеко не для всех возможный.

Мы восхищаемся мерой послушания преподобного Досифея и других святых послушников, которые без благословения старца даже и спать не ложились, и пищу не принимали. Это был подвиг отсечения своего произволения во всём, не только в злом, но и в по-видимому добром, ради того, чтобы дать простор одному единственному произволению — соединиться со Христом.

Но когда человек не призван Богом к такому великому послушничеству, то нелепо пытаться изображать его. Так же как нелепо человеку, едущему на велосипеде, пытаться «давить на газ». Крутя педалями, он, пусть не скоро, но доедет до места назначения. А действуя так, как будто он ведёт автомобиль, велосипедист не только никуда не доедет, но и рискует разбиться.

Если преподобный послушник, отсекая свою волю, не предпринимает ничего, даже малого, без благословения старца, это свято и богоугодно. Но, если, скажем, мать семейства не берётся за обычные домашние дела, не спросив позволения у духовника, это нелепость.

Для взрослых мирян ответственность за принятие решений — их жизненный путь и крест. Монашеский послушнический крест не возложен на нас, но от своего отказываться мы не должны. Советоваться с духовно опытными людьми по духовным, а иногда и по житейским

вопросам – разумное и благочестивое дело. И хорошо со смирением следовать мудрым советам. Но то, что на нас возложено Богом, мы должны нести сами и не должны пытаться перекаладывать ответственность на своих духовных отцов. В первую очередь имеются в виду наши семейные, служебные и общественные обязанности.

С искреннего, ответственного исполнения этих обязанностей и нужно начинать борьбу со своеволием. Преуспев в этом и потерпев всё, что Богу угодно будет нам послать, непрестанно молясь и никого не осуждая, можем и мы в конце концов очиститься от всех своих суетных желаний и в Царстве Небесном быть вместе со святыми послушниками и их духоносными старцами.

Послушливый услышит Бога

Послушливость – благое свойство человеческой души. Человек может оказаться в такой среде, что и некого слушаться, но, если сердце его послушливо, он будет слушаться Бога. И Бог найдёт, как возвестить ему свою волю. А когда человек предан своеволию, непослушен, то он может жить среди духоносных старцев, и это ничего ему не даст, потому что он будет внимать не им, а своему гордому сердцу.

Если не хватает духу слушаться

Откровение помыслов, послушание – это высокий и прямой, но трудный путь, он многого требует от человека. Если у нас не хватает мужества, самоотвержения, решимости слушаться духовного отца, то нужно со смирением идти не таким эффективным, но тоже спасительным путём терпения скорбей. Ведь мужественным перенесением болезней и других больших и малых житейских неприятностей мы тоже являем смирение своей воли перед волей Божией.

А если и людей слушаться не хотим, и на обстоятельства, посланные Богом, ропщем, то что тут можно сказать в утешение... Тот, кто хочет всегда поступать только по-своему, возможно, и спасается, ведь Бог всемогущ, но только через тяжкие физические или душевные страдания. Потому что своеволие — это, по слову преподобного Пимена Великого, медная стена между душой и Богом, и оно непременно должно быть сокрушено.

О САМООПРАВДАНИИ

Самооправдание лишает оправдания

Именно самооправдание лишает нас оправдания. Ведь для того чтобы признать свой грех, ничего особенного не требуется. Это для поста, например, нужна сила воли, нужно терпение; для того, чтобы делать поклоны, нужны физические силы. А для того, чтобы сознаться, что раз я на кого-то обиделся или разгневался, значит, во мне действует страсть гордости — для этого ничего кроме доброй воли не нужно. Если мы отказываемся принести даже эту малую жертву — сознание, что я сам виноват в том, что нахожусь в греховном состоянии, то этим сами ставим себя в ряды козлиц из евангельской притчи (см. Мф. 25, 31–46).

Там символически описан Страшный Суд. Господь хвалит праведников за добрые дела, а грешников укоряет за отсутствие добрых дел. Праведники и грешники заспорили с Христом. Праведники стали удивляться: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили?» А грешники запротестовали: «Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?» То есть праведники, как всегда, проявили своё смирение, а грешники — самооправдание и нераскаянность, чем и подтвердилась правда Божьего суда.

Справа и слева на мытарствах

После смерти каждому из нас предстоит пройти мытарства, то есть полное обличение своей греховности. Там бесы станут, образно говоря, подступать к нам с двух сторон: с левой будут показывать нам наши злые дела, которые мы покрыли самооправданием, не взыскав прощения у милостивого Бога, а с правой — те хорошие дела, которые мы вменяли себе в заслугу перед Богом, Который ни в чём не нуждается.

«Ты ни холоден, ни горяч»

Самооправдание тесно связано с теплохладностью. Христос обращается ко всем людям: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48), но мало кто откликается. Некоторые и слышать о Боге не хотят, а некоторые рассуждают, как бы по смирению, так: кто я такой, чтобы непрестанно молиться и стремиться к христианскому совершенству? На самом деле это не смирение, а теплохладность.

В Откровении Иоанна Богослова сказано: *Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3, 15–17).

Мы ни холодны, ни горячи. О, если бы мы были холодны (как Савл, который лишь в неведении враждовал против Бога, ревнуя не по разуму) или горячи (как первоверховный апостол Павел)! Но мы говорим: «Я верую в Бога, молюсь утром и вечером и ещё делаю то-то и то-то, а того-то и того-то не делаю», а не знаем, что мы несчастны, и жалки, и нищи, и слепы, и наги.

Лжеправедность хуже греха

Во многих случаях ложные понятия о добре хуже откровенного зла. Почему царь Ирод приказал убить Иоанна Предтечу? Ведь он не так уж плохо к нему относился; даже *многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его* (Мк. 6, 20). Когда дочь Иродиады попросила дать ей на блюде голову Иоанна Крестителя, царь опечалился. *Но ради клятвы и возлежавших с ним не захотел отказать ей* (Мк. 6, 26).

Вот как: «ради клятвы и возлежавших с ним». Эти мотивы — ложная мораль и человекоугодие — возобладали в Ироде. Он знал заповеди Божии (будучи царём Иудеи, не мог их не знать), имел и просто добрые человеческие чувства (о них сказано в Евангелии), но важнее всего этого оказалось суеверное почтение к клятве, хотя и греховной (грешно обещать, а тем более отдавать полцарства развратной девчонке), и тщеславное заискивание перед собутыльниками.

То же самое происходит в среде уголовников, которые не просто нарушают Божии и человеческие законы, но на их место ставят свой злой и очень мелочный закон, который искренне переживают как святыню и ради соблюдения которого идут на новые, часто совсем бессмысленные преступления.

Очень важно признавать свои греховные страсти за греховные страсти, а не за что-нибудь иное. Гордость нужно признать именно за греховную гордость, а не за «чувство собственного достоинства», например, или за «благородное негодование» и т. п. А похотение к чужой жене так и надо называть блудным искушением, а не любовью.

Добро, зло и тёмный двойник

Бывает откровенное зло, а бывает лжеправедность, как тёмный двойник добра. Если двое соблюли, но один

знает, что нарушил Божий закон, а другой лицемерит, что исполнил заповедь о любви, то первый может покаяться, если захочет, а второму как бы не в чем каяться.

Другая хитрость бесовская — внушать нам, что заповеди даны лишь для сильных, а мы, мол, люди немощные, не можем и не будем их исполнять. Отрицать правду Божию — всё равно, что шагать навстречу идущему поезду. Всё в порядке, пока не наступила встреча.

В Евангелии от Иоанна говорится, что люди ослепили свои глаза и окаменели сердца, и потому не обращаются к Христу и не могут получить от Него исцеления от смертельной болезни греха (см. Ин. 12, 40). И мы так же, как те люди, ослеплены лукавым мудрованием, поскольку не хотим в простоте принять заповеди Божии. Мудрование нам больше по душе, потому что оно льстит нашим страстям, оправдывает наши грехи.

Искажая заповеди Божии, мы оцениваем себя и весь мир по лукавым заповедям человеческим, а часто и по сатанинским измышлениям. На самом деле заповеди Божии нужно знать, в Церкви, в опыте святых отцов искать их толкование и стараться судить себя и жить по ним. А то нас будет очень легко обмануть «общечеловеческими ценностями», которые могут в действительности оказаться совершенно противными истинным христианским ценностям.

Лжепростота и лжесмирение

Вот два примера лжеправедности. «Я человек прямой и открытый. Уж если кто меня обидел, я ему сразу всё выскажу. А таить в себе злобу я не люблю, только сердце тяготить. Вспыхну, поругаюсь, зато быстро отхожу». — «А я вот слушаю такого болтуна и презираю. Вспыльчивость — большой грех. Если какой-то ненормальный меня оскорбит, я не буду с ним ругаться, а лучше поклонюсь

молча. Пусть его Бог накажет. Лучше сохранить благочестие и заслуженно войти в Царство Небесное, чем предаваться злобе, как некоторые. Да, мало стало порядочных людей, не с кем и поговорить по-человечески. Люди-то меня уважают, видя мою кротость, да я-то их не уважаю, видя их грубость и бескультурье».

Оба эти человека напрасно оправдывают сами себя. Простота и открытость — это особенности характера, а гнев — греховная страсть, с которой необходимо бороться. И по-настоящему борьба с ней начинается только тогда, когда человек воздерживается от внешних её проявлений. А до тех пор, пока мы позволяем гневу изливаться в словах или даже действиях, страсть не ослабевает, только глубже в нас укореняется. Это относится не только к гневу, а и ко всем страстям. Но, сдерживаясь внешне, мы должны укорять себя за внутреннюю нечистоту, тогда страсти будут постепенно в нас слабеть. Иначе, получится гибельное фарисейство.

Бездна греха: не хотим ни увидеть, ни расстаться

У кого-то грехов больше, у кого-то меньше — но всем нам закрыт вход в Царство Небесное, пока не очистимся. Очищение же зависит не от количества грехов, а от произволения человека: раскаивается ли он в содеянном, хочет ли исправиться, просит ли Бога о милости.

Вот только в чём трудность: чтобы покаяние было действенным, нужно бездну своей греховности всю честно увидеть и согласиться с ней расстаться любой ценой. Смотреть в эту бездну смертельно страшно, и мы отказываемся. А расставаться с ней смертельно больно, потому что мы сердечно привязались к греху. Вспомним сказку Андерсена «Голый король». Короля обманули, оставили постыдно голым. Но ему приятнее было соглашаться с ложью, что он в красивой одежде, чем сознаться в своей наготе.

Также и мы, когда читаем или слышим о том, как глубоко падение каждого человека, просто отвращаемся от этой правды, потому что стыдно и отвратительно применить её к себе. А если бы мы вдруг, неожиданно, увидели всю бездну нашей греховности, то от ужаса сошли бы с ума. Поэтому Бог, хотя и мог бы сразу открыть нам глаза на наши грехи, однако, зная нашу немощь, отчасти скрывает их от нас. Но если мы стараемся исправить в себе то плохое, что видим, тогда Бог постепенно показывает нам нашу греховность и мы движемся по пути покаяния.

ОБ УСКОЛЬЗАЮЩЕМ ВРЕМЕНИ

До вечности три этажа

Все мы предназначены Богом к вечному блаженству в Царстве Небесном, о котором Сам Христос сказал, что оно внутри нас (см. Лк. 17, 21). Но, поскольку оно внутри, а мы сами находимся вовне своими помыслами и желаниями, нам необходимо войти внутрь себя. Это называется духовным путём. Расстояние — внутрь себя — кажется небольшим, а времени впереди — целая жизнь. Но на эту тему есть притча о человеке, который упал с крыши небоскрёба и, пролетая мимо третьего этажа, подумал: «Пока всё, кажется, в порядке».

Страшный Суд уже начинается

Мы думаем о Страшном Суде, что он когда-то ещё будет, но на самом деле Страшный Суд для каждого из нас уже начинается. Причём сами мы и пишем себе приговоры своими делами. Милостивый Судья умоляет нас поменьше вносить в свои приговоры злых дел. Он готов и уже совершённое зло вычеркнуть из приговора, только бы мы сами не отказывались от этого, не отвергали покаяния.

Он стоит у двери нашего сердца и стучит в неё (см. Откр. 3, 20). Кто откроет, к тому Он войдёт. И это будет Царством Небесным для того человека. И тот человек, по слову апостола, совсем не придёт на Страшный Суд, а сразу перейдёт от смерти в вечную блаженную жизнь (см. Ин. 5, 24). Но кто сам не откроет дверь своего сердца для Любящего Судии, для того в конце концов откроется дверь Страшного Суда. И Любящий, но и Праведный Судия произнесёт приговор, написанный человеком самому себе.

И всё это будет не когда-то там, а вот оно уже приближается. Время ускользает от нас, и *времени уже не будет* (Откр. 10, 6), а вечность стоит у дверей.

Нас губит пренебрежение вечностью

Мы забываем о вечности и сердце своё отдаём временным утешениям. Потакаем своим страстям, но ведь страсти неблагоприятны. Мы их кормим, растим, а они нас губят. И Сам всемогущий Бог не может нас от них защитить без нашей воли, ведь мы созданы по образу Божьему, и нам дана неотъемлемая свобода что или кого любить. И вот мы отдаём свою любовь временной жизни с её суетными удовольствиями, а вечностью и Богом пренебрегаем. Но ведь в конце концов всего временного мы лишимся, а в вечности всё же встретимся с отверженным нами Богом.

Островок времени

Известно, что в древности мореплаватели, когда у них возникала нужда пополнить запасы воды, высаживались на какой-нибудь островок, наполняли бочки водой и продолжали плавание.

Время — маленький островок в океане вечности, на этот островок — на время — помещает Бог человека, чтобы

он запасся всем необходимым перед отправкой в вечное плавание. А нам всё кажется — тяжело. Но ведь чем тяжелее во времени, тем, значит, больше мы запасаем для вечности.

Суета суете рознь

Если посмотрим на свою жизнь с точки зрения вечности, то увидим: всё, чем гордимся, чем заняты, чему уделяем своё внимание, — всё это тленно. Случается, дети дерутся из-за песочного пирожка. Вдруг кто-то наступил на него — и нет ничего. Вот так же и все наши временные заботы и привязанности. Набежит вечность, как морская волна, — и ничего от них не останется.

Но суета суете рознь. Живя в миру, мы с необходимостью подвержены суете: у нас есть общественные и семейные обязанности, и вообще мы окружены людьми и не можем не рассеиваться умом, встречаясь с ними. Но эта суета от нас не зависит, и Бог не спросит с нас за неё. Мало того: есть земные дела, вручённые нам Самим Господом, которые мы, ради Бога, должны добросовестно исполнять.

А вот то, что мы и оставшееся свободное время употребляем на суету, это уже наша вина, и горько будет на Страшном Суде осознать, что была возможность что-то приобрести для вечности, было время, а мы его погубили.

Потерянное время

Иногда мы чувствуем, что годы проходят зря. Но зря проходят не годы, а каждая секунда, не посвящённая Богу. А из этих секунд складывается, вернее сказать, на них разваливается вся жизнь.

Многие святые отцы сравнивают подвижничество с торговлей. Безумно поступает купец, который, приехав на ярмарку, вместо того чтобы продавать (расставаться

с тем, что не нужно, — с грехами) и покупать (приобретать необходимые для вечности добродетели), пьёт, веселится, прогуливая полученные от отца деньги (дарованное Богом для покаяния время). Он уедет с ярмарки ни с чем, да ещё потеряет всё, что имел, да ещё будет наказан.

Духовный бизнес

Закон бизнеса: чтобы дело жило, необходимо его развивать, потому что иначе со временем лишишься и того, с чего начал. И так же в духовном деле. Если призванный Богом и получивший благодать человек не будет стремиться её преумножить (смирением, терпением, молитвой, усилием в добродетели), то от него, имеющего мало усердия к Богу, отнимется и то духовное благо, которое он уже считал своим. Как и Господь сказал: *Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь* (Лк. 8,18).

Спасение как бы из огня

Христианин — храм Божий (см. 1 Кор. 3, 16), в основании этого храма — Сам Господь. Но каждый человек пусть смотрит, как он строит (см. 1 Кор. 3, 10–11). *Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасётся, но так, как бы из огня* (1 Кор. 3, 12–15).

Это кажется утешительным, на первый взгляд: ничего, что строил из сена и всё сгорело, главное — сам спасся! Представьте, однако, что у человека обгорела вся кожа, но он выжил, каково ему? Если хотим блаженной, а не мучительной вечности, то нужно строить свой вечный

дом не из сена показных добродетелей, а из золота любви и сердечной молитвы.

Подготовка к Страшному экзамену

Земная жизнь дана человеку для подготовки к вечности. Если мы уклоняемся от труда над своей душой (молитвы, послушания, терпения скорбей), то лишаемся и вечного блаженства.

Это похоже на подготовку к экзамену. Если вместо чтения книг и составления конспектов студент развлекается, он на экзамене провалится.

Как потратить своё время — выбор за нами. Христос никого не принуждает к спасению. Тот, кто поверил в серьёзность экзамена, который предстоит всем нам на Страшном Суде, займётся деланием заповедей Божиих. А тот, кто будет отлынивать, рискует провалиться... в преисподнюю.

Готовимся принять Великого Архиерея

Когда на приходе ожидают прибытия епископа, то готовятся, волнуются, хотят, чтобы владыке понравилось. И так же каждому из нас надо, всерьёз и не теряя зря времени, готовить храм своей души к приходу Великого Архиерея и не столько увешивать этот храм гирляндами внешних дел, сколько расчищать слезами покаяния пребывающий в нём образ Небесного Царя и терпением утверждать сердечный жертвенник для молитвенного жертвоприношения. А то как бы Великий Архиерей на Страшном Суде, войдя в нашу внутреннюю храмину, не выгнал нас оттуда со словами: *Дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников* (Мф. 21, 13).

Время — дар. На что потратим?

Каждый, кто хочет, кем бы и каким бы он ни был — умным или глупым, богатым или бедным, сильным или слабым — может приобщиться к богочеловеческой жизни во Христе. Каждому даётся возможность, и каждый с любовью призывается.

Но, как человек эту возможность использует, зависит от него самого. Как мы откликаемся на призыв любящего Небесного Отца — это дело нашей свободы. Если кто-то, скажем, получил в наследство сто миллионов рублей, он может на эти деньги построить храм, может — дом для своей семьи, может растопить деньгами печку, а может употребить и на злые дела.

Так и время, дарованное нам Богом, мы можем употребить для молитвы, для добрых дел, для труда над очищением своего сердца от греховных страстей; мы можем, потерпев и потрудившись в этой временной жизни, подготовиться к вечной радости в Царстве Небесном. А можем и растратить своё время на погоню за суетными земными приобретениями и наслаждениями. И дело не только в том, что вся эта и сладкая, и горькая суета рано или поздно кончится, а в том, что к ней привыкает душа, сродняется с ней. Помрачённый суетой человек в грехе начинает видеть свою свободу и право, а святость и благодать начинают казаться ему скучными и стеснительными. Бог и вечность становятся чужими для него. Глубокое духовное уныние — таков плод растраты времени на суету.

НЕ ЛЕНИСЬ И НЕ СПЕШИ

Дух праздности и дух уныния

Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12) — сказал Господь.

Как сын даже очень большого начальника, имеющего очень многие связи, не может сделать карьеру, если сам нетрудоспособен, так и молитвы Церкви, и даже сама Жертва Христова, не могут ввести в Царство Небесное того, кто не хочет приложить усилия к этому.

Когда нами овладевает дух праздности, мы тяготимся всяким внутренним и внешним усилием, бежим и от физического, и от душевного труда, и от молитвенного подвига. Дух уныния старается опустошить только душу, и часто одержимый этим духом усердно предаётся внешней деятельности, а молитвенное общение с Богом ему становится тягостным до отвращения. Праздность открывает дверь грубым страстям, а уныние — нередко при сохранении внешнего порядка — делает бессмысленной жизнь человека.

Если отступать, то в порядке

Непрестанная молитва в сердце, чтение только Священного Писания и святых отцов — идеал жительствова, к которому должен стремиться каждый христианин. Не для всех это достижимо, но в духовной брани, как и в бою, если приходится отступать, то нужно это делать в порядке, а не трусливо убежать или — ещё хуже — переходить на вражескую сторону. Не получается жить Библией и Добротолюбием — почитаю что попроще: жития святых, письма Оптинских старцев мирянам. И на это не хватает сил — буду читать книги по истории христианства, религиозных философов.

Ещё больше немощствую — почитаю хорошую художественную литературу: Достоевского, Пушкина, Диккенса. Понятно, что даже высокого уровня светское искусство всё-таки искусство душевное, а не духовное. Поэтому если я смотрю — пусть хорошие — художественные фильмы и читаю — пусть классические — романы, то это моя немощь. Но смотреть порнографию — это уже сравнимо с чтением вражеских листовок во время войны.

Мерить себя по церковным уставам

Не следует путать разумное снисхождение к своей немощи, ради которого в борьбе со страстями иногда приходится «с боями» отступать (об этом было сказано выше), и то, когда люди отказываются от церковных правил, потому что они, дескать, устарели.

На самом деле, когда человек старается поститься по правилам, но у него не получается, то он обретает драгоценный опыт познания своей немощи и смиряется. А если то, что мне нравится и легко даётся, я объявлю нормой, трудное же и неприятное в церковных установлениях отвергну, то как начну гордостью, так и преуспевать буду в гордости.

Если я не выдерживаю без мясного вкуса во рту, поэтому ем сосиски и каюсь в чревоугодии, то могу надеяться на милость Божию. А если я ем их в пост и считаю себя правым, этаким «продвинутым христианином», то это можно сравнить с мытарем из притчи, который встал на почётное место и возвещает, что он лучше прочих людей. Этакий мытарь-фарисей — что может быть хуже!

Аналогично и с мечтами многих церковных людей о сокращении богослужебного устава. Конечно, в подавляющем большинстве храмов службу сокращают относительно Типикона, но от этого мы, видя свою немощь, смиряемся. А если напишем новый типикон «под себя»,

то гордо успокоимся, что строго соблюдаем устав, следующим же шагом будет дальнейшее сокращение уже сокращённого устава.

Нужно мерить себя по Христу и великим святым отцам, тогда увидим своё ничтожество (только не будем терять упования на милость Божию). А если будем мерить всё по себе, то застынем в своей мнимой положительности. Если же за норму возьмём серийных маньяков-педофилов, то увидим себя ангелами. Но что в этом проку?

Мы лежим и не поднимаемся

«Почему святые отцы так пугают разными невинными в общем-то вещами? Ну, поговорил я с приятелем о пустяках, ну подмигнул красивой девушке, мороженое в пятницу съел — да что от этого случилось? Какую-то лишнюю обузу на себя берём, вместо того чтобы радоваться жизни. Я никогда не замечал, чтобы из-за так называемого невоздержания во мне что-нибудь изменилось к худшему».

В ответ на эти мысли приведу пример из своей молодости, когда мы с друзьями катались на велосипедах. Про один трудный участок дороги они между собой говорили, что на нём «сдохнуть можно». А я был очень слабым велосипедистом и ездил-то на велосипеде только ради компании. И вот начался этот участок дороги — долгий подъем. Я от всех отстал, но потихоньку-полегоньку доехал до друзей (они меня дождались) и говорю им: «Ничего оказалось страшного, не сдохли». А ребята мне и отвечают: «Вот так ехать, как ты ехал, это и называется сдохнуть». Так жить, как мы живём, это и называется лежать и никогда не подниматься. Правила церковные даны для сохранения в душе благодати, а мы ничего не имеем и поэтому, что бы ни делали, ничего не теряем. Потому и не замечаем своей бездуховности, что не имеем опыта духовности.

Что же делать? Да то же самое: стараться исполнять заповеди Божии и церковные правила. Хотя нам и нечего сохранять по нашей пустоте духовной, но ведь это ещё нужно познать на опыте, то есть сердцем. Теоретически я согласен, что грешник, но сердчишко-то знает, что я святой. «Ну, я себя святым не считаю», — скажет кто-то. Это очень легко проверить. Хотя я и знаю, что принимать похвалы бесполезно, а терпеть оскорбления полезно для спасения души, но когда меня хвалят, мне приятно, а когда оскорбляют, неприятно. Значит, во мне, несомненно, есть гордость.

Упал — сразу вставай

Общим правилом для всех должно быть: как только согрешили, сразу каяться. Но когда человек, согрешив, начинает «грызть» себя, ругать за оплошность, это не помогает покаянию, а только склоняет к отчаянию. Ни в коем случае нельзя отчаиваться, но нельзя и легкомысленно откладывать покаяние.

В Отечнике есть замечательный, хотя на первый взгляд и странный, рассказ. Некий монах пошёл на реку за водой, встретил там женщину и впал в блуд. Когда возвращался назад, к нему приступили бесы и стали внушать ему: «Ты согрешил, ты погубил свою душу». А он им ответил: «Я не согрешил». Пришёл в свою келью и предался обычному молитвенному деланию. Что тут поучительного? Человек впал в тяжчайший, смертный грех, но поскольку не позволил себе отчаяться, а сразу смиренно покаялся, вернулся к прежним душеспасительным занятиям, то и был сразу прощён.

Не отчаивайся

Причина отчаяния — гордость. Церковь учит, что нет греха непрощительного, кроме греха нераскаянного. Поэтому если мы впали даже в тяжкий грех, то должны искренне в нём раскаяться, оставить его, благодушно

терпеть всё, что пошлёт Бог, и твёрдо верить, что Он нас прощает. Нам, немощным, свойственно заблуждаться, а Богу, милостивому, свойственно нас исправлять. Так что для отчаяния нет оснований.

Бесы, когда втягивают человека в грех, рисуют ему Бога человеколюбивым, всепрощающим и внушают, что можно согрешить, а потом покаяться. Когда же человек согрешит, начинают пугать его Страшным Судом, тем, что грех настолько велик, что уже и простить его невозможно. И то и другое ложь. Когда чувствуем соблазн, тогда как раз и надо вспоминать о Страшном Суде и о том, что ещё неизвестно, успеем ли мы покаяться. А уж если попусшением Божиим согрешили, тогда нужно каяться и твёрдо надеяться на милосердие Божие.

Самогрызение — признак гордости

«Как это я, такой хороший, и вдруг так плохо поступил! И за чем только я сказал такие-то слова и сделал то-то и то-то!» — вот пример неправильного покаяния, так называемого смущения. Самооправдание губительно, но и слишком казнить себя из-за своих греховных поползновений — тоже признак гордости и духовной неопытности. Смиранный подвижник не ожидает от себя ничего хорошего, грехопадение для него, по слову свт. Феофана Затворника, не неожиданная новость. Он укоряет себя, но не предаваясь горьким размышлениям о грехе, а принося покаянную молитву Богу. Искренность его покаяния выражается не в эмоциональном расстройстве, а в благодушном терпении скорбей и неосуждении ближних. Не нужно себя грызть, с этим самоугрызением даже нужно бороться — опять же молитвенным обращением к Богу.

Покаяние — на всю жизнь

Некоторые люди смущаются тем, что они медленно (как им кажется) преуспевают в борьбе со страстями. Это

смущение отчасти идёт от ревности к спасению души (очиститься от страстей и жить безгрешно — желание, конечно, благое), но оно говорит и о духовной неопытности, о неведении того, как глубоко поражено наше естество.

Когда мы попадаем в больницу со сломанными ногами, нас не удивляет длительность лечения, нам понятно: забылся, упал с третьего этажа, теперь лежи лечись. А мы всю жизнь, десятилетиями взращиваем в душе страсти, совершая грехи делом, даём страстям глубоко укорениться в тайниках сердечных и думаем, что можно за два месяца полностью преобразиться. Можно, если Бог благословит, но не с нашей ленью и не с нашей гордостью. Обычно же человек всю жизнь борется с собой, и вся жизнь его, короткая ли, долгая ли, уходит на борьбу со страстями.

Не торопись

Как во всяком деле, так и в деле своего спасения, нельзя лениться, но нельзя и торопиться. А то получится, как у человека, который посадил деревце. На следующий день он увидел, что деревце ещё не выросло, и стал помогать ему расти — потянул вверх. На следующий день — снова. А потом деревце засохло, так и не успев ни вырасти, ни принести плод.

Непрестанно грешешь — непрестанно кайся

Многие считают, что каяться нужно только на исповеди. На самом деле, покаяние не должно ограничиваться таинством Исповеди, оно должно быть постоянным. Нам следует внимать всем нашим помыслам и сердечным движениям. Как только осознали, что согрешили (делом, или мыслью, или чувством), сразу нужно каяться, не дожидаясь встречи со священником.

Ведь если мы, бывает, человека обидели, то стараемся сразу загладить обиду, примириться с человеком. Тем

более нужно спешить примириться с Богом. Кроме того, с людьми мы общаемся не постоянно, значит, и не постоянно перед ними грешим. А перед Богом согрешаем всегда, потому что всегда Он видит нечистоту нашего гордого сердца. Поэтому и наше покаяние перед Богом должно быть постоянным.

Очищение души — Святым Духом

Пророк Моисей, наставляя избранный народ перед вселением в Святую Землю, говорил: *И будет Господь, Бог твой, изгонять пред тобою народы сии мало-помалу; не можешь ты истребить их скоро, чтобы не умножились против тебя полевые звери* (Втор. 7, 22). Так и в духовной жизни: Богу угодно, чтобы мы не одним порывом, а постепенно входили в Святую Землю своего сердца, долгим трудом очищая его от страстей, обретая в этом духовную опытность и смирение.

Если душу, скудную любовью, вдруг совсем освободить от чревоугодия, любви к вещам, плотской похоти и прочих грубых страстей, она не станет от этого святой, а станет пустой. И пустота эта неминуемо будет заполняться бесами. Вспомним притчу Спасителя о злом духе, который вышел из человека, а потом решил вернуться в него, как в свой дом. Вернувшись, он нашёл этот дом «незанятым, выметенным и убраным» (символ очищения от грубых страстей) и вселился в того человека вместе с ещё семью злыми духами. И стало для человека того последнее хуже первого. (См. Мф. 12, 43–45).

Нужно заботиться не просто об избавлении от душевной нечистоты, а о том, чтобы Сам Царь Небесный, Утешитель, Дух Истинный пришёл и вселился в нас и этим — своим вселением, а не как-то ещё — очистил нас от всякой скверны и спас души наши.

Немощь не защита

Существует весьма распространённое заблуждение среди людей старшего возраста: «Мы уже грешить не можем». Ещё как можем! Даже на смертном одре. Не делом, так мысленно. И бесы не перестанут искушать нас до смерти и даже после смерти. Это люди иногда ещё стариков жалеют, а бесы не жалеют никого. Так что старческая немощь от греховности не избавляет. Не на дряхлость свою надо уповать, а на милость Божию.

Молитвенная помощь святых

В Ветхом Завете есть пример с двумя согрешившими царями — Давидом и Саулом, за которых молились святые пророки: за первого — Нафан, за второго — Самуил. Почему же Давид получил прощение, а Саул нет?

Преподобный Макарий Оптинский в письме чело- веку, просившему его молитвенной помощи в борьбе с побеждавшей этого человека страстью, объясняет, ссылаясь на святителя Димитрия Ростовского, что Давид и сам молился, плакал, пеплом главу посыпал, питье со слезами растворял, ел пепел, как хлеб, с полуночи вставал на молитву. Потому и получил прощение. А Саул, напротив, только пил, ел, веселился. Он не был соучастником молитвы, которую возносил за него святой. А без личного покаяния человека даже молитвы за него святых бессильны.

О ТЕРПЕНИИ

Нужно запастись мужеством

Бедственное состояние упоённого своей гордостью человека Христос кратко описал в Евангелии: *народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Ин. 12,

40). Что может исправить положение? Об этом сказано в 50-м псалме: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.*

Сами мы по-настоящему сокрушить своё сердце не способны, а никакое показное сокрушение пользы не приносит, даже вредит, потому что обольщает нас. Чтобы мы не погибли, Господь Сам берётся сокрушить наше сердце, для чего посылает по временам скорби, болезни, искушения и даже — ради нашего смирения — попускает иногда грехопадения. Поэтому человек, ставший на путь покаяния, путь борьбы со связавшими его страстями, должен запастись мужеством и воинской верностью Богу во всех неожиданностях предстоящей ему невидимой брани.

Человек познаётся в искушении

Любим ли мы Бога, выясняется не тогда, когда Он нам посылает утешения, а когда нет этих утешений. И в человеческих отношениях это так. Когда муж, не переставая, радуется жене — как его не любить? Совсем другое дело, когда он лежит, разбитый параличом, и при этом ещё поругивает. Тут-то и выявляется мера нашей любви.

В Книге Премудрости Соломона сказано: *Немного наказанные, они будут много благодетельствованы, потому что Бог испытал их и нашел их достойными Его. Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную* (Прем. 3, 5–6). Итак, Богом попускаются испытания.

Если не будем испытаны, то не выяснится наше достоинство. В искушениях познаётся человек: ищет ли он Царство Небесное или возлюбил связавшие его страсти. Без искушений мы не могли бы познать свою немощь и греховность и, значит, не могли бы покаяться и призвать Бога на помощь.

Ожидай ударов в слабые места

Ступая на путь покаяния, мы должны подготовиться к искушениям. В Священном Писании сказано: *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения* (Сир. 2, 1–2). А искушения — это не безобидные упражнения и тренировки. Это самые настоящие неприятности и скорби, иногда едва терпимые восстания страстей. Это то, что тяжело. А с чем легко справиться, что преодолевается без усилия и боли, приносит мало духовной пользы. Поэтому нам следует ожидать ударов именно в больные и слабые места.

«Кто бежит от искушений, тот бежит от добродетели», — писал прп. Исаак Сирин. Бесплоден тот подвиг, который совершается без борьбы, без сердечной боли. Есть, например, люди, которым легко даётся пост, они от природы мало едят, и к сладостям их не тянет. Но борьбы здесь нет, и плодов борьбы нет. Больше духовной пользы, когда поститься трудно, когда, нарушая пост, человек раскаивается, познаёт свою немощь и смиряется от этого.

Бывает, человек в искушении так сильно расстраивается от этого душой, что даже заболевает. Такой реакции надо избегать, надо стараться, чтобы духовная брань не переходила в сферу эмоций, в душевные переживания, которые несколько не помогают покаянию.

Потерпеть благое иго

Путь покаяния нам указан Самим Христом в Евангелии: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас; возьмите иго Мое на себя* (Мф. 11, 28–29), то есть примите то, что Я вам посылаю, потому что, говорит Он далее, *иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 30).

Благо кажется нам тяжким игом, пока мы не научились у Христа кротости и смирению (см. Мф. 11, 29). Но как

научиться? Душевное устройство наше таково, что нам непосильны подвиги преподобных отцов. У нас не хватает для этого воли, терпения, здоровья, а если хватает, то нас подводит легкомыслие — мы слишком легко поддаёмся гордым мечтаниям.

Валтасару, нечестивому царю Вавилонскому, было возведено через пророка Даниила осуждающее слово Господа: *ты взвешен на весах и найден очень легким* (Дан. 5, 27). Так же и мы легки, *как прах, возметаемый ветром* (Пс. 1, 4), легкомысленны, и потому Бог не доверяет нам добрых дел, а посылает нам скорби вместо подвигов, только чтобы мы их терпели без ропота.

Настоящими скорбями человек гордиться не может, а вот сама безропотность не такая уж маленькая вещь перед Богом, это ведь проявление благого сердечного произволения — быть с Богом хотя бы и ценой скорби и болезни, а только доброе произволение Богом и ценится. Прп. Серафим Саровский писал: «Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более» («Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», С.-Пб., 1903, стр. 134).

Великодушие облегчает тяготу

Некоторые люди, особенно больные или очень старые, просят себе смерти. Напрасно, потому что только Бог знает, когда забрать душу. В тяжких скорбях, немощах, болезнях не нужно малодушествовать и думать, что Бог будто бы не видит нас, будто бы забыл нас. Если терпим без ропота, то, конечно, Бог с любовью на нас взирает и, конечно, мы получим благое воздаяние даже за свои малые усилия, причём незаслуженно большое, намного превосходящее наши труды и жертвы. Кроме того, великодушие облегчает тяготу, оно же побуждает Бога укреплять нас в несении скорбей и духовно утешать нас.

В несчастьях сердце открывается Богу

Когда приходят скорбь, болезнь, несчастье, сердце легче открывается Богу. Есть мудрая древняя поговорка: «Кто в море не бывал, тот Богу не молился». Действительно, кто не терпел скорбей, кто не был в трудных обстоятельствах, не знает настоящей молитвы. Когда у нас всё хорошо и спокойно, мы не то что не устаиваем в любви и благодарности к Богу, а склонны и вовсе забывать о Нём.

Больному не всегда приятно терпеть процедуры, но если он лежит в хорошей клинике и знает, что его лечат хорошие врачи, то он на любые их действия согласен и благодарит за них, потому что иначе умер бы. Так же и нам надо ожидать скорбей не с ужасом и тоской, а так, как больной ждёт операции, от которой надеется получить полное исцеление своей опасной болезни, или как спортсмен ждёт поездки на тренировочные сборы, где ему придётся прилагать много усилий и много терпеть, но в надежде на олимпийскую медаль.

К вредному стремимся, от полезного бежим

Терпеть оскорбления от людей никому не нравится, а слушать похвалы приятно всем. Но у пророка Исаии сказано: *Людие мои, блажащие вас льстят вы и стези ног ваших возмущают* (Ис. 3, 12, в церковнославянском переводе). И многие святые отцы определённо говорят, что похвала вредна, даже справедливая, а тем более несправедливая.

Мы вроде бы не спорим с этим, но когда кто-то нас хвалит, даже явно несправедливо, то рады и благодарим за это своего искусителя, вместо того чтобы по-христиански простить его за причинённый нам вред. И наоборот, когда нас за доброе, как нам кажется, дело не похвалят, обижаемся и жаждем похвалы, в точности как алкоголик жаждет опохмелиться.

Если же нас даже явно справедливо и доброжелательно обличают, мы злимся и осуждаем обличителя. Так милости Божии и Его посещения мы почитаем за зло и бежим от них, а дьявольские искушения принимаем за добро и стараемся, чтобы этих искушений было больше.

Сказанное относится не только к обличениям и похвалам. Мы сплошь и рядом милость Божию принимаем за гнев, ропщем на Господа за скорби и болезни, которыми Он нас старается пробудить для покаяния и приготовить к вечному блаженству. Но всякая скорбь, которую Бог посылает, если мы её принимаем без ропота, приносит нам духовный плод. А всякое утешение, не только греховное, но даже невинное, нас надмевает, и если мы без внимания, без внутреннего самоукорения его принимаем, то оно нам вредит.

Но если вспомним о Страшном Суде, то должны будем признать: зря мы радовались, когда нас хвалили, потому что через это теряли и то малое, что, быть может, имели в душе для вечности, и зря мы злились и обижались на обличителей, потому что, мало потерпев, могли бы многое обрести для спасения своей души.

От чего бежать, а что терпеть?

Есть неприятности, которые нужно стараться терпеть и не избегать их. Например: нам не оказали должного (на наш взгляд) внимания, недодали чего-нибудь, оскорбили; или окружающие вызывают в нас раздражение; или ещё — работа нравится, но не престижная. Всё это и тому подобное как раз полезно для души. В таких случаях надо не бежать, так сказать, с поля боя, а учиться терпению, укорять себя и не покидать своего места. Искать же такие обстоятельства, чтобы ничто нас не раздражало, где всё было бы приятным для нас, — значит пытаться сойти с духовного пути.

Но бывают неприятности другого рода. Например: окружающие не только сами тяжко согрешают (пьянство, воровство, блуд и тому подобное), но и нас тоже втягивают. Если чувствуем, что не устаиваем от соблазна, то нужно всеми силами постараться выйти из такого сообщества, рискуя даже понести материальные потери или лишиться интересной работы. Вечное спасение дороже всего этого.

Бог терпел и нам велел

Когда нас кто-то оскорбляет, очень полезно вспомнить о том, как Христос отвечал на оскорбления и мучения. Он не протестовал, не роптал на обидчиков и не осуждал своих убийц, а молился за них. Если станем подражать Христу в терпении, то уподобимся Ему и в славе, будем соцарствовать Ему в Царстве Небесном, для чего нас Бог и создал.

Христос сказал: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16, 24). Но и всякому человеку, даже если он не хочет идти за Христом, предстоит потерпеть крест, а вот плоды этих страданий зависят от нас самих. Если признаем правду Божию и свою вину перед Ним и перед людьми, то будем распяты, как благоразумный разбойник, по правую руку от Господа и будем с Ним в раю (см. Лк. 23, 39–43). А если не признаем, то всё равно будем законно распяты, но по левую руку. Если же возлюбим Бога и ближнего, то так исполним закон Христов (см. Гал. 6, 2) и сораспнёмся с Ним на Животворящем Кресте.

Крест несоответствия

Бывают ещё особенные жизненные кресты. Душа каждого человека в каких-то условиях может развиваться лучше, а в каких-то хуже. Кто-то расположен к монашеству,

кто-то к семейной жизни; для кого-то естественно обрабатывать землю, кому-то быть учёным, художником; кто-то как бы создан Богом быть в Церкви отцом, кто-то даже владыкой, а кто-то чадом. Так по человеческому рассуждению, хотя и правильному, но Бог выше всякого рассуждения и, бывает, посылает человека с монашеским складом души в мир, а мать троих малюток — в концлагерь. И душа человека томится от такого несоответствия много больше, чем от самих внешних трудностей.

Крест — дар милости Божьей

Однако, размышляя о наших жизненных крестах, будем помнить мудрые слова преподобного Амвросия Оптинского, что дерево, из которого составлен крест наших скорбей выросло на почве нашего же сердца. А вот наставление преподобного Марка Подвижника: «Когда придёт искушение, не ищи, как и от кого оно пришло, а ищи того, чтобы перенести его с благодарением». Не надо отыскивать виновников наших неприятностей. Виновники, естественно, мы сами, наш грех, который побуждает Бога устраивать наши обстоятельства, направлять действия людей или даже бесов таким образом, чтобы они нас смиряли. А поиск внешних причин искушений лишает нас духовной пользы, которую мы могли бы получить от простодушного терпения скорбей. Поэтому будем благодарны Богу за наши кресты, они — дар милости Божьей.

Временное страдание ради вечной славы

Апостол Павел во Втором послании к Коринфянам пишет: *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). Бог даёт нам скорби и телесные болезни, чтобы мы исцелялись от духовных недугов. Люди ли нас обижают, сами ли себе вредим, бодем ли, даже когда демоны на нас нападают и искушают —

во всём этом действие благой воли Божией, всё это послано Богом нам на пользу. *Ибо, — продолжает апостол, — кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно* (2 Кор. 4, 17-18).

Зло только в нарушении заповедей Божиих. Когда я их нарушаю, причиняю себе зло. А если кто-то их нарушает, причиняя мне этим боль, то он себе этим вредит; я же, если принимаю боль, благодаря Бога, получаю пользу. Всё, что идёт на меня извне, я должен принять как посланное Богом, сам же должен жить по заповедям Божиим.

Бог посылает скорби, потому что любит нас

Когда мы молимся Святому Духу: «Царю Небесный... очисти ны от всякия скверны», мы ведь призываем на себя Божественный Огонь, чтобы Он сжёг наши страсти, а когда огонь жжёт, это больно. Но, если хотим очиститься, надо потерпеть.

Вот спортсмен терпит. Тренер говорит ему: «Подними штангу десять раз», — и он поднимает. — «Отжимайся пятьдесят раз», — и он отжимается. Потому что спортсмен верит, что тренер хочет его победы. Если будем верить, что Бог хочет нашего спасения и посылает нам только то, что для этого полезно, то всё потерпим благодушно.

Своим ограниченным умом мы не можем до конца познать причин, по которым Бог посылает нам скорби, поэтому должны со смирением принимать их без особого рассуждения. И принимать не с рабской покорностью (как, бывает, раба наказывают, и он воспротивиться не может, но злобствует на своего господина), а именно с благой покорностью, то есть с сыновним отношением, с благодарностью.

Бог поступает с нами, как с сынами

Мы должны к Богу относиться так, как хорошие дети относятся к своему отцу: довериться Ему полностью, слушаться и благодушно терпеть, когда Он воспитывает нас и учит. Апостол Павел в Послании к Евреям говорит: *Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?* (Евр. 12, 7).

Хорошие дети верят, что мама с папой знают, как их лечить и что для них лучше. Детям не нравится, но они всё-таки пьют горькие лекарства, которые дают им родители. Так же и нам, хотя и нелегко терпеть скорби (они не были бы скорбями, если бы мы от них не скорбели), следует без ропота довериться Богу, ибо Он лучше всех знает, что нам полезно.

Каждого из нас Бог даже не ведёт, а несёт по жизни бережно и уверенно, как мать — младенца. Мать знает, когда нужно покормить дитя, когда — приласкать, а когда — и нашлёпать.

Если не по-моему, значит, Богу так угодно

Когда кто-то не хочет нам помочь, нас утешить, несмотря на наши, может быть, законные просьбы, значит, Бог не извещает этого человека. И дело не в том, хороший человек или плохой (это открыто только Богу), а в воле Божией. Когда Ему угодно, Он и в злого человека вложит доброе к нам отношение, и тот будет нам помогать. А если Богу не угодно, то и все ближайшие люди отвернутся, а кто захочет помочь, у того возможность отнимется, и он нам всё равно не поможет. Так что не следует обольщаться: когда ропщем на людей или на обстоятельства — ропщем на Самого Бога.

Если же Бог хочет наказать человека и смирить, а тот ропщет, то всё творение поднимается против человека

и всё содействует этому наказанию. Преподобный авва Дорофей пишет, что если «кто недостойн успокоения, или оно бесполезно ему, то хотя бы он и новое небо, и новую землю сотворил, не найдёт покоя» (Поучение 7). Так что лучше уж смириться и потерпеть малое наказание от всемилостивого Отца, чем роптать и бунтовать против всемогущего Владыки.

Терпеть надо умеючи

Без терпения нет спасения, говорит народная пословица. Но терпение должно быть правильным. «На то жизнь эта, чтоб терпеть, и всякий что-нибудь терпит. Но терпеть надо умеючи, а то можно претерпеть, да пользы никакой не получить», — пишет святитель Феофан Затворник и добавляет: «Терпение не идёт впрок, если оно не ради Господа. Трудимся, терпим, выбиваемся из сил, да всё ради врага, на свою же погибель».

Что значит «терпеть умеючи»? Когда происходит что-нибудь для нас неприятное, бесы и греховные привычки подталкивают нас к тому, чтобы осудить людей, осудить обстоятельства, осудить даже Самого Бога. Между тем, основное правило духовной жизни очень просто, и оно хорошо нам известно: считать себя достойным временных скорбей и вечной муки, никого не осуждать, без ропота (а лучше — с благодарностью) принимать от Бога всё, что ни случится, и посылно молиться Богу. Такой подвиг всем доступен.

Ропот — хула на Бога

Когда ропщем, мы ставим свои желания выше воли Божией и тем самым фактически восстаём на Бога. Это грех, близкий сатанинскому, поэтому святые отцы так строго предостерегают против ропота. Преподобный Исаак Сирин пишет, что Бог снисходителен к нашим немощам, но гневается на человека, который ропщет, и наказывает его.

Скорби нужно было бы принимать не только с благодарностью, но и с радостью, ведь мы ими спасаемся. Если бы мы умом устремлялись к вечности, к Страшному Суду, к мытарствам, которые ожидают нас после смерти, то радовались бы скорбям. Мы же, напротив, ропщем на скорби, потому что всё наше внимание, все наши желания обращены к временной жизни.

Смириться нужно перед Богом. Если уж пришла скорбь (болезнь, смерть близкого человека, неудача в житейских делах), нужно склонить голову и мужественно терпеть.

Выход из любого положения

Большинство из нас носит в душе наивную уверенность, что из всякого положения есть выход. Выход в Царство Небесное — безусловно. Мы всегда и в любом положении можем исполнять заповеди Божии. Преподобномученица великая княгиня Елисавета, уже сброшенная в шахту, истощенная, продолжала помогать ближним, утешать их и молиться Богу. Так что для вечности мы можем извлечь пользу из всего, там нам обещан счастливый конец (если только мы сами его не отвергнем), но во временной жизни — нет, счастливый конец не обещан. Сам Господь был распят и умер на кресте. Но зато нам обещано: если потерпим, как подобает, всё посылаемое Богом во временной жизни, то будем спасены в вечной.

«Носите бремена друг друга» (Гал. 6, 2)

Когда кто-то живёт по заповедям Божиим, этим он и себя спасает, и другим помогает. Известно, что в монастырях рядом с большими подвижниками всегда жили и немощные братья. Например, в одной обители вместе подвизались святой Варсонофий Великий, его ученик и такой же великий старец Иоанн Пророк, их ученики преподобные Серид и авва Дорофей. И в этом же монастыре были

братья, которые, как вспоминал авва Дорофей, так его ненавидели, что вытрясали свои половики с клопами перед его дверью, чтобы досадить ему.

Духовно сильные отцы терпели немощи слабых, молились о них, и Бог призывал их к покаянию, исправлению. Если будем терпеть слабости своих ближних, молиться за них, то сами получим спасение и к ближнему привлечём милость Божию.

Душе нужно стать терпеливой

Святой апостол Павел писал, что *от скорби происходит терпение* (Рим. 5, 3). То есть скорби воспитывают в нас терпеливость, изменяют качество нашей души. Ведь терпение должно быть не временным каким-то состоянием (сегодня терплю, завтра не терплю), нужно, чтобы душа обрела новое свойство — стала терпеливой. Когда душа терпелива, она через это становится и смиренной. А уже смиренная душа готова к принятию благодати. Бог и посылает скорби, чтобы сделать нашу душу способной принять благодать.

В письмах святителя Игнатия (Брянчанинова) читаем: «Наружные ваши обстоятельства возложите на Промысл Божий, и как они устроятся, так пусть и устроятся. А вы будьте мирны и спокойны, беспокоясь единственно о душе вашей, которую вы обещались представить Христу очищенной покаянием».

То есть святитель Игнатий обращает наше внимание на то, что за внешние обстоятельства мы отвечать не будем, с нас за них не спросится. Условия жизни — приятные, неприятные и самые ужасные — создаются Божественным Промыслом и служат нашему спасению. А отвечать нам придётся за то, как мы их принимали: с ропотом или смиренно, сохраняя сердечный мир. Именно об этом, а в идеале — только об этом, и нужно заботиться.

МОЛИТВА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

МОЛИТВЕННЫЕ МЕРЫ

Молитва по существу — богообщение. В совершенных мерах молитва — совершенное богообщение, это всецело дар благодати Божией, нам до этого настолько далеко, что и обсуждать нечего. Но важно знать, что есть такие запредельно высокие меры и есть люди, которые пребывают в совершенном богообщении.

Долгим трудом или Божиим сверлом Ближе к нам, хотя тоже, конечно, дар благодати, умно-сердечная молитва, когда ум в сердце молится Богу. К такой молитве можно и даже нужно стремиться. О ней замечательно сказал прп. Лев Оптинский: «Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть, но отверзается он или постепенным углублением в себя, по учению отцов, или мгновенно Божиим сверлом».

«Мгновенно Божиим сверлом» от нас никак не зависит, это уж кого Бог Сам изберёт, и только Сам Бог знает, кому посылить выдержать удар сверлом в сердце.

Сердечная молитва в острых обстоятельствах как возникает, так потом и исчезает вместе с обстоятельствами. А если острые обстоятельства повторяются, то или сердце все же откроется для молитвы, так что ум всегда, когда

молится, будет молиться в сердце, или душа потеряет чувствительность к обстоятельствам. Поэтому не нужно бежать от скорбей и роптать на скорби, но и рассчитывать на них не следует. Вообще, в духовной области рассчитывать ни на что нельзя, это область свободы, а не расчёта.

Однако рассчитывать не нужно, а «постепенно углубляться в себя», по словам прп. Льва Оптинского, необходимо. Бог дает молитву молящемуся (см. 1 Цар. 2, 9, в церковнославянском переводе), то есть благодать – от Бога, но от нас нужен труд над своей душой.

Сердце — это где?

«Постепенно углубляться в себя», — по словам прп. Льва Оптинского, значит углубляться умом в сердце. Слово «сердце» родственно словам сердцевина, середина, центр. Сердце — это центр всего человеческого существа. А орган нашего тела, называемый «сердце», который перекачивает кровь по организму, — символ того душевного места, о котором мы, бывает, говорим: «Помолился от всего сердца». Но и это душевное место, образно говоря, лишь поверхность того духовного сердца, о котором пишут святые отцы. Сказано в Священном Писании: *Приступит человек — и сердце глубоко* (Пс. 63, 7, в церковнославянском переводе). Как море. Море имеет не только поверхность, но и глубину, так и духовное сердце.

В Евангелии сказано: *Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 6). Здесь Господь поучает нас сердечной молитве; именно сердце — та комната, затворившись в которой, нам нужно молиться Богу. И если у нас нет такого опыта, то нужно не пренебрегать им, а постараться его обрести.

Как искать сердечную дверь?

На этот счёт у святых отцов даются разные советы (разным людям и в разных обстоятельствах). Но для всех вполне надёжно, безопасно и успешно — следовать совету преподобного Иоанна Лествичника, подтверждённому святителем Игнатием (Брянчаниновым), — заключать ум в слова молитвы. Заключение ума в произносимые слова требуется и при молении именем Иисусовым, и при чтении канонов и псалмов, и при чтении молитв по служебнику.

Под заключением ума в слова молитвы некоторые христиане ошибочно понимают мысленное представление написания слов или мысленное озвучение слов молитвы. Это неправильно. Заключать ум в слова молитвы — значит понимать смысл произносимых или читаемых слов. Не вообще понимать, а в сам момент произнесения или чтения.

Где я?

Очевидно, что обретение молитвенного опыта — дело всей жизни каждого христианина, в том числе священника, но важно знать, в какой точке этого пути мы находимся. Речь идёт не о гордом величании своими духовными успехами — принятие помыслов такого рода побуждает благодать отвращаться от нас. Господь кроток, а наше мечтание о своих молитвенных подвигах похоже на то, как девица громко хвастает перед подружками своей любовью к жениху. Кроткий жених, пожалуй, станет сторониться такой невесты.

Величаться не надо, в самохвальных помыслах надо каяться, а трезво оценивать своё состояние очень важно. Лучше всего, едва ли не необходимо, иметь опытного руководителя в молитвенном делании и его обо всём спрашивать и слушаться. Это, кстати, относится далеко не только к церковным неопфитам, а и к людям, давно

воцерковленным, и сколь угодно высокого положения в Церкви. Широко известны воспоминания протоиерея Василия Серебренникова, из которых видно, что правильные понятия о молитве сообщил ему старец Глинской пустыни иеродиакон Ефрем, когда отец Василий уже был известным московским настоятелем и почитаемым в народе духовником.

Но если Бог не послал или пока не послал наставника, то кое-что можно понять и самому. Скажем, если мой ум увлекается помыслами, то у меня нет непрестанной молитвы. Если я не слышу молитву в своём сердце, то, даже если я мысленно постоянно произношу слова молитвы, моя молитва не самодвижная. Непрестанная самодвижная молитва в сердце это очень велико, но самодвижная молитва в сердце может не быть непрестанной, а бывать по временам. И это тоже велико, мечтать об этом не следует, но знать следует.

Умная молитва в сердце — это дар благодати, но к этому нужно стремиться. Есть искусственные (художественные, как их называют) приёмы введения молитвы в сердце. Без опытного руководителя прибегать к этим приёмам опасно, но некоторые святые отцы не запрещают этого и дают указания, как заниматься таким деланием.

При этом важно понимать, что, если речь идёт о старании ввести ум в сердце, значит наша молитва пока не умно-сердечная, а словесная. Словесная молитва, даже если произносится молча, всё-таки является произнесением слов в голове. Это самая малая мера молитвы, но это молитва. Если нет и этой меры, то нет никакой молитвы.

Ничего нет, нечего мерять

Тем, кто подвизается в молитве, могут приходиться (бывает, навязчиво) помыслы о том, в какой молитвенной мере они находятся. Святитель Феофан Затворник на эту тему советовал всегда говорить себе: «Ничего нет, нечего мерять».

Казалось бы, как же так? Один молится только устно без всякого внимания, другой словесно, третий умно, четвёртый умно-сердечно; бывают и более высокие меры молитвы. Даже и неплохо знать, как ты молишься, чтобы действовать в соответствии со своей мерой и чтобы знать, к чему стремиться.

Знать и учитывать эти вещи можно. Но при этом нужно помнить, что измерению поддаётся только земное. Наше молитвенное усилие, число прочитанных с этим усилием страниц Молитвослова (даже внимательно прочитанных), число молитв по чёткам (даже внимательных молитв), время стояния на молитве можно измерить. Можно определить локализацию ума во время молитвы. Всё это бывает можно определить, измерить и осмыслить. А возможно это именно потому, что перечисленное — ещё не в полном смысле слова молитва, а наши упражнения в молитве, подступы к молитве. Полезные, ведущие к молитве — пока мы их считаем всего лишь упражнениями и подступами; если же признаём их за истинную молитву, то опасные и едва ли не вредные.

А реальная молитва, которая в сердце и из сердца обращается к Богу, — действие благодати — не может быть измерена. Иногда она бывает скрыта от человека, но *Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными* (Рим. 8, 26). А бывает, человек слышит молитву в своём сердце и внемлет ей (сердечное внимание). Внемлет, а не сам совершает. Тут действие благодати Божией, а нашего ничего нет, и нечего мерять. Если всё же по дерзости или

неразумию прикладываем свои мерки к благодати, она по своей кротости оставляет нас.

А кто исполнит заповедь Божию *возлюби Господа Бога твоего ВСЕМ сердцем твоим и ВСЕЮ душою твою и ВСЕМ разумением твоим* (Мф. 22, 37), тот о мерах и не вспомнит.

Устная молитва

Соединение внутренней молитвы с устной не обязательно, но это бывает полезно. Если есть опытный наставник, то нужно просто слушаться его. Если нет, то ум нужно собирать так, как удобнее. Если ум лучше собирается в молчании, значит, молча молиться. Если устная молитва помогает, то соединять внутреннюю с устной.

Устная молитва, то есть произнесение молитвенных слов голосом или мысленное чтение молитвенного текста, может сочетаться с любой мерой молитвы: от нуля до бесконечности. Ноль — если мы только произносим слова вслух или пробегаем их глазами, а ум наш блуждает абы где. Это совсем не молитва, а в лучшем случае, лишь упражнение для оживления нашей омертвевшей души. Но устная же молитва может сочетаться и с высшими мерами благодатной молитвы. Ясно, что святитель Василий Великий, произнося свои молитвы за Божественной литургией, молился не одними устами!

Молитва без внимания — не совсем без плода

«Что душа для тела, то внимание для молитвы», «без внимания молитва мертва» — так высказывались о молитве многие святые отцы. Но, всё-таки, даже самая поверхностная молитва, даже только устная при рассеянном уме, если человек ею не гордится, а искренне укоряет себя за рассеяние, может быть полезной. Такая молитва есть плод сердечного расположения к Богу, и Бог принимает её. Даже само намерение уже имеет значение.

Вообще, надо всегда помнить, что *Дух дышит, где хочет* (Ин. 3, 8) и нередко бывает, что внешне человек молится нелепо, а внутри Господь неведомо для самого человека проводит важную духовную работу. Поэтому не будем никого осуждать за их невольные ошибки в молитвенном делании. Но самим, конечно, нужно стараться молиться со вниманием, с пониманием, о чём просим.

Если я говорю: «Господи, помилуй!» — значит, я прошу у Него помилования. При этом я могу ничего не чувствовать, сердце молчит. Но если бы совсем молчало, я бы даже не стоял перед иконой. Всё-таки Бог такую молитву слышит, и со временем молитва будет углубляться.

Многие христиане жалуются, что очень рассеиваются во время богослужения. Уклонение ума от молитвы — это, конечно, зло. Но не нужно думать, что отстоял в рассеянии службу — зря в церковь ходил. Если бы в церковь не пошёл, то рассеялся бы ещё больше. Плохо, когда человек пришёл в храм, простоял три часа в рассеянности и думает, что он этим исполнил свой долг и Богу угодил. Это фарисейство, это гордость. А если мы каемся в своей рассеянной и холодной молитве, то уже в этом есть немалая польза. По учению святых отцов, устное моление постепенно привлечёт к себе внимание ума.

А вот если человек даже имеет в молитве некую меру преуспевания, но предаётся гордым помыслам об этом, не кается в них, не борется с ними, он этим согрешает и скоро лишится своего сокровища, отданного им на расхищение помыслам.

Фантазии и эмоции

Относительно связи молитвы и фантазии нужно помнить, что в той мере, в какой молитва обусловлена или поддерживается фантазиями, она даже и не молитва вовсе. Прп. Иоанн Лествичник пишет: «Во время молитвы

не принимай никакого чувственного мечтания, чтобы не впасть в исступление ума» (Слово 28, 42).

Нужно стараться ничего не представлять себе во время молитвы, никаких образов: ни зрительных, ни звуковых, ни словесных, ни знаковых. Потому что любой представляемый образ — это как рисунок, наносимый на оконное стекло: может быть, красиво, но мешает видеть реальность и заслоняет от нас солнечный свет.

Искренность требует устранения из молитвы любых эмоций. Эмоции могут делать молитву очень приятной и лёгкой, но они в деле молитвы — ложь. Эмоции уместны в душевном общении с женой, детьми, родителями. А эмоциональное общение с Богом не только неуместно, но даже невозможно. Точнее, Господь, по любви Своей к немощному человеку, долго терпит возносимые им нечистые (эмоционально-рассудочные) молитвы. Но, если человек утверждает в своём заблуждении и не отстаёт от эмоциональности и рассудочности при молитве, то благодать может совсем оставить его.

Занятие молитвой

Молитва и занятие молитвой

Одно дело — просить у Бога прощения и милости: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного», и другое — заниматься упражнением в таком прощении. Эти вещи глубоко переплетаются друг с другом: молясь, мы учимся молитве, а учась, в то же время молимся. Но всё же, кто действительно любит, не скажет, что он занимается любовью. И кто истинно молится, тот уже не занимается молитвой. Поэтому говорить или думать: «Я занимаюсь Иисусовой молитвой» — нужно укоряя себя за холодность к Иисусу. Гордясь же молитвенным делани-

ем, мы, как это ни парадоксально, гордимся своей нелюбовью, а не любовью к Богу.

Превозношение занятием молитвой похоже на то, как человек, сломавший ноги, еле ходит на костылях и гордится своей походкой. Наши занятия молитвой — это лечение больной души, оно необходимо, но цель — стать здоровыми и обходиться без лечения (исполнить заповедь Божию о любви).

Конечно, хочется выздороветь поскорее... и рассказать об этом всем своим знакомым, чтобы они похвалили. Напился больной, забыл о костылях, забыл о больнице, видит себя на светлой поляне и быстро побежал... в окно. Но чем быстрее побежал, тем хуже! Уж лучше было бы ему всегда лежать. Иному лучше было бы и вовсе не подвизаться, потому что, взявшись за духовное делание, он пришёл в крайнюю гордость и, в мечтах устремившись к вершине, сорвался в пропасть.

В Царство Небесное ведёт путь молитвенного подвига, растворённого смирением. Преподобный Макарий Оптинский в одном из писем говорит о себе: «Не смею и подумать, чтобы я был художник умного делания, тем более не могу быть наставником его. Но, читая, верую, что были и есть таковые делатели, и в них главное было — смирение». Смирение обретается в делании заповедей Божиих. Тот же, кто в брачный чертог Христов пытается проникнуть хитростью или вломиться силой, не будучи званым, не будучи готовым и достойным, бывает извергнут вон и тяжко наказан.

**«Непрестанно молитесь», а зачем
тогда правила?**

Если Церковь нас поучает непрестанно молиться, зачем нужны все эти молитвенные правила: утренние, вечерние, перед и после еды и прочие?

Те, кто по благодати Божией обрели непрестанную самодвижную молитву, уже не нуждаются в молитвенных правилах. Хотя некоторые великие святые, как, например, Амвросий Оптинский, совсем от них не отказывались. И те, кто преуспел в деятельной умно-сердечной молитве, бывает, оставляют чтение обычных молитвенных правил, заботясь только о том, чтобы возвращать ум на его место, когда он по немощи невольно рассеивается.

Но ведь большинство из нас не имеют ни того, ни другого. Бывает, человек так увлечётся житейскими делами, что за целый день о Боге ни разу не вспомнит. Многие христиане часами развлекаются у компьютера или телевизора или много времени проводят, посещая или принимая светских знакомых, и так далее, и так далее. Причём речь идёт не только о тех, кто лишь именуется христианами, на деле же равнодушны (пока равнодушны?) к Богу, а о людях, которые хотели бы начать жить духовно и порой делают такие попытки, однако, связанные привычкой, не могут вырваться из круговорота суетных зрелищ и времяпровождения.

При таком устройстве (точнее, расстройстве) нашей жизни не великое ли благо молитвенные правила? Всё-таки утром помолился (пусть даже борясь с рассеянием) пятнадцать минут, вечером — пятнадцать, да хоть не по пятнадцать, а по пять минут помолился — всё-таки вспомнил о Боге. Перед едой и после еды помолился — ещё шесть раз по минуте. Такой подсчёт выглядит комично, но в эти несколько минут в сутки мы, хоть и ненадолго, можем вырваться, хотя бы в намерении, из постоянной суеты, хотя бы пару раз вздохнуть о своей духовной опустошённости.

Описанное молитвенное делание — как ничто, по сравнению с непрестанной сердечной молитвой, это можно сравнить с жидкой кашницей, которой кормят тяжелоболь-

ного на госпитальной койке. («Кашица» — не сами молитвы из Молитвослова, переданные нам великими святыми отцами, а то, как мы рассеянно и холодно «вычитываем» молитвенные правила.) Но, если пока этот тяжелобольной не способен питаться нормально, ему обязательно нужно есть жидкую кашу. Если он самочинно попытается вести себя, как здоровый, то у него не получится, но если больной и от кашицы откажется, то может умереть. Нельзя христианину отвергать молитвенные правила, пока они по благодати Божией не уступят место более высокому деланию.

Более высокому? В какой бы молитвенной мере ни пребывал человек, он должен смиряться. Однако в зависимости от этой меры смирение будет проявляться по-разному. Смиранный подвижник, преуспевший в сердечной молитве, доподлинно знает, что без действия благодати не может вознести Богу ни единого молитвенного вздоха. Поэтому он и не пытается молиться «сам», а с благодарностью каждый раз принимает действие молитвы как дар. Если же молитва отходит от него, то такой человек кается в том, что оскорбил благодать Божию своей гордостью и нерадением, и надеется, что благодать не оставит его до конца.

Тот же, кто никогда или очень редко ощущает при молитве действие благодати, тот не может ждать так, как ждёт преуспевший. Это с его стороны будет не смирением, а нерадением. Не имеющему сердечной молитвы христианину необходимо смиренно установить себе молитвенные правила и всеми силами держаться их.

В конце концов, наша вечная участь определяется не молитвенными дарованиями, а как раз смирением. Так что ни тем, кто имеет утешение от благодатной молитвы, не стоит обманываться (Бог утешает, а мы-то что?), ни тем, кто годами, по-видимому, бесплодно трудится над

своей иссохшей в грехе душой, не нужно отчаиваться. Бог может в одно мгновение превратить нашу пустыню в цветущий райский сад. А тем, кто ничего духовного не имеет и не старается приобрести, можно сказать словами из Откровения Иоанна Богослова: *Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамota наготы твоей, и глазную мазь помажь глаза твои, чтобы видеть* (Откр. 3, 18).

Непрестанно молитесь — это для всех

Заповедь «Непрестанно молитесь» дана всем людям. Речь идёт не о внешних формах молитвы, а о непрестанной памяти Божией.

Сердечное взывание к Богу должно, по возможности, не прерываться в течение дня и сопровождать любое наше занятие. Это относится ко всем: к монахам и мирянам, к преуспевшим в духовной жизни и только начинающим её. Мы должны стараться всё время помнить о Боге. Как невеста, любящая своего жениха, чем бы ни была занята, всегда сердцем помнит его, так и любящий Бога человек всегда с Ним, чем бы ни были заняты его руки и даже мысли. Этого у большинства из нас нет, но именно это — норма. И к этой норме все мы, христиане, должны стремиться.

Наше отношение к молитве иногда бывает формальным. Утром прочитал утреннее правило, вечером — вечернее, перед причастием — последование из Молитвослова, и всё — долг отдан. Да ещё вменяем это себе в заслугу. На самом деле Богу нужно наше сердце, а не какие-то долги.

Другое заблуждение — человек считает, что раз он уверовал во Христа, то можно сразу братья за великие молитвенные подвиги. Часто это бывает лишь по неопытности. Тогда Бог вразумляет человека, через людей или

каким-то мягким наказанием. А бывает это и по гордости, когда человек считает, что он лучше и выше всех, и он бросается на подвиги, которые совершенно не соответствуют его духовному устроению. Для великих же дел нужно, прежде всего, великое смирение. Если оно есть, то Господь найдёт, как такого человека наставить и какие ему указать делания: великие, средние или малые.

Гордый же человек не годен ни к какому подвигу, ему сначала нужно научиться смирению. Не то чтобы он должен ждать: сначала смирюсь, потом начну молиться. Молиться мы должны в любом состоянии, но в первую очередь нам нужно просить: «Господи, смири мою душу» — и внутренне готовиться к искушениям и скорбям, которые нас действительно смиряют.

Молитвенные планы

Бывает, человек, начиная духовную жизнь, устанавливает сам себе как бы молитвенный план: сегодня я прочёл пятьсот Иисусовых молитв, завтра буду читать шестьсот, а через неделю — две тысячи. А получается так, что через неделю он уже ни одной молитвы не читает, а то и вернулся к прежним грехам, которые, казалось бы, навсегда оставил. Вот чем плоха ревность не по разуму. Но благодаря таким падениям, человек может познать свою немощь и смириться. Главное — не впасть в отчаяние, не отступить от Бога.

Если мы будем стараться сохранять мысленное предстояние перед Богом, Он Сам начнёт учить нас молиться, покажет, что мы делаем неправильно. Чтобы помочь нам, Господь проведёт нас через различные искушения. Так, постепенно смиряя, Господь нас всему обучит, лишь бы мы сохраняли ревность и сердечную устремлённость к Нему.

Молитва по гаджету?

Современная техника предоставляет нам новые возможности, в связи с которыми возникают вопросы, которых раньше не было. Можно ли, например, при чтении молитв использовать электронный носитель информации, скажем, читать акафист не по книге, а по карманному компьютеру?

Если речь идёт о личной молитве, то это вопрос удобства или обстоятельств. Богу совершенно безразлично, что мы держим перед глазами. Молится ли человек вслух или молча, глядя или не глядя в текст, стоя перед домашним аналогом или сидя в автобусе — главное, чтобы была молитва. Если кому-то трудно сосредоточиться, читая правило по карманному компьютеру, то и не нужно им пользоваться. А если кто-то приспособился и привык вместо перелистывания страниц нажимать кнопки, греха тут никакого нет.

Иное дело — соборное богослужение: в храме или когда дома собирается вся семья для чтения молитв. Тут уже внешние моменты имеют большее значение, потому что не только чтец видит перед собой текст, но и другие молящиеся видят самого чтеца. Мне бы не хотелось видеть, как диакон на Литургии раскрывает для чтения Евангелия не традиционно переплетённую книгу, а ноутбук. Но если другого выхода нет, то, конечно, лучше пользоваться электронными книгами, чем вообще не читать книг и не молиться.

Аудио-молитва

Близкий по теме и часто задаваемый вопрос: можно ли читать правило не глядя в Молитвослов, а слушая аудиозапись? Ответить должен каждый сам для себя. Если у человека возник навык умной молитвы и ему при этом помогает слушание молитвословий в аудиозаписи, то пусть

делает так, как ему удобнее. Если же у нас такого навыка нет, то аудио-молитва может оказаться просто фоном для наших помыслов. Тогда уж лучше пять слов сказать неспешно перед иконами, чем целый час слушать молитвы в записи, занимаясь на самом деле своими мечтами.

О путях и методах

Рассуждая о молитве, казалось бы, уместно высказаться о том, как христианину действовать, чтобы соединить ум с сердцем. Об этом много написано святыми отцами и другими духовно опытными людьми, описан и так называемый художественный метод, сказано и в защиту этого метода, и об осторожности с ним, и о возможности обойтись без него.

Чтобы руководить человеком на его пути в сердце, нужно иметь особый дар и опыт, соответствующие задаче. Если кто-то неложно возжелает устремиться по этому пути и Бог пошлёт ему благодатного руководителя, то благо этим сыну и отцу! Самому же, руководствуясь лишь святоотеческими книгами и советами единомысленной братии, опасно усиливаться искать сердечное место.

Впрочем, расскажу один случай. Столичный богемный художник и журналист либерального направления крестился в молодости в ходе оккультных поисков. Позже уверовал во Христа, оставил престижную работу, сделался учеником иконописца и пономарём в храме, поначалу окормлялся у приходского батюшки. Стал много читать святых отцов о молитве, начал самостоятельно и, советуясь со знакомыми монахами, осваивать художественный метод Иисусовой молитвы и, по-видимому, значительно преуспел в молитвенном делании.

Но думаю, что случай этот для мирян совсем не характерен, и у нас, мирян, успешное обретение сердечного места с помощью искусственных приёмов бывает совсем редко.

Сколько мог заметить из общения с прихожанами, если кто-то из них стремится к преуспеянию в молитве, Бог ведёт его Сам, каждого уникальным путём. Приведу в качестве иллюстрации уникальности только несколько примеров из приходской практики, без указания, конечно, имён.

Благочестивая домохозяйка, многодетная мать. Регулярно ходила в храм, исповедовалась и причащалась, читала положенные молитвенные правила. Вырастив детей, всё своё свободное от посещения богослужений время стала проводить в чтении художественной литературы и просмотрении кино по телевизору и на компьютере, в чём, однако, постоянно каялась на исповеди. После многих лет такой жизни она вдруг встрепенулась: стёрла все свои кино и романы из памяти компьютера, закачала на их место духовную литературу, «обложила» богослужебными книгами, стала по ним сама вычитывать вечерни и утрени, потом перешла на Иисусову молитву и стала так проводить целые дни.

Инженер, а потом служащий районного масштаба, положительный семьянин. Уверовал во Христа и почти сразу с большим доверием прилепился к священнику местного храма. Стал скрупулёзно во всём слушаться духовника, под его руководством много читал святых отцов, в том числе о молитве Иисусовой. Прочитав «Беседы» святителя Григория Паламы, собрался осваивать художественные приёмы сведения ума в сердце, духовник ему не благословил. Но через некоторое время ум этого человека сам нашёл сердечное место.

Две верующие старушки, 85 лет и 95 лет, жившие вместе в интернате для престарелых, прочли книжку «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», приняли её как указание к действию и до конца своих дней (младшая прожила ещё 10, а старшая 15 лет!) усердно подвизались в Иисусовой молитве.

Очень всё разнообразно и неповторимо, и я бы сказал, бессистемно, уникально у мирян. Да и случай с либеральным журналистом (кстати, женатым мирянином), который с помощью художественных приёмов нашёл вход в сердце, тоже уникален. Но общими мыслями на тему молитвы делиться можно.

Отчего мало преуспевающих в молитве?

Из наставлений великих учителей молитвы — и древних, и близких нам по времени — хорошо известен в общих чертах путь преуспевания в молитве: нужно упражняться в устной молитве; по мере развития внимания появится словесная молитва, затем — умная и сердечная. Отчего же так редко преуспевающие в молитве?

Объясняется это не прихотью Божией, а нашей греховной немощью. Есть такая восточная притча. Один человек пришёл к другому и спрашивает, нет ли у него весов, чтобы взвесить золотой песок. А тот ему отвечает: «У меня нет веника и совка». Первый удивился: «Что ты так странно мне отвечаешь?» А второй говорит: «Я знаю, что ты этот песок просыплешь, и тебе нужен будет веник и совок, а у меня их нет». То есть золото Божественной благодати мы должны были бы принять в молитвенные сосуды, но души наши не способны эти сосуды удержать, и мы постоянно их роняем, теряем, оставляем молитву.

Бог мог бы даровать нам совершенную молитву в любой момент, но мы слишком горды. Получив какое бы то ни было необычайное дарование, мы обязательно предались бы помыслам: вот, мол, чего достигли, какой награды сподобились. И гордыня увлекла бы нас в преисподнюю.

Впрочем, гордые помыслы нападают не только на преуспевших в молитве, а и на тех, кто молится совсем рассеянно. Прочитал человек вслух канон и кафизму, думал

всё время только: «Скорей бы они кончились». А помысел уже наготове: «Я подвижник, хорошо помолился». Ну а кто совсем не молится, естественно, пребывает во власти гордости и всех страстей.

Щадя и оберегая нас, Бог не даёт нам высоких молитвенных даров. Но если пребудем в подвиге, если будем со смирением терпеть своё низменное, рассеянное состояние, но не отступим и будем трудиться над своей иссохшей от бездуховности душой, то Он не оставит нас. И хотя бы при исходе души из тела мы получим в дар совершенную молитву, без которой Царства Небесного быть не может, которая и есть Царство Небесное.

Для кого закрыт духовный путь?

Сам по себе духовный путь ни для кого не закрыт. Но, чтобы стать на него (не идти, а хотя бы стать), нам нужно было бы перестать увлечённо пустословить о политике и экономике, пересуживать о том, кто чем занят и как себя ведёт. Для начала нам нужно было бы признать, что один истинный Судья — Бог, что нам не вверено решать судьбы людей и всего мира. Когда, осознав свою духовную ничтожность, несколько смиримся и сокрушимся, тогда и мы сможем — да поможет нам Бог — приступить к умному деланию молитвы Иисусовой. Если же человек, погружённый в злобу, осуждение, ропот, не говоря уже о грубых телесных страстях, попытается внедрить в себя непрестанную молитву, то или ничего не добьётся, или окажется в сатанинской прелести.

Разумеется, было бы неверно в ожидании совершенного смирения совсем отложить молитву. Смиряться нужно и молиться нужно. Если искренне и трезво посмотрим на себя, то увидим сплошное безобразие и в поступках, и в помыслах, и в чувствах. Тут вполне естественно из глубины души закричишь: «Господи, погибаю!» Вот и молитва.

Но, как подножкой, сбивают нас бесы с духовного пути самооправданием — этим духовным ослеплением, — не дающим нам хотя бы отчасти увидеть себя такими, какие мы есть. Из-за самооправдания впустую уходит у нас вся жизнь. Многие годы посещаем храм, постимся, исповедуемся, причащаемся, не ворует и не блудим, поэтому считаем себя лучше других, а о том, что мы горды, и слышать не хотим. «Ну что Вы, батюшка, чем мне гордиться? Я — окаянный грешник, хуже всех людей». Вот только на ближних своих восстаём из-за ничтожного пустяка, на Бога ропщем за то, что Он срочно не исполняет всех наших желаний.

Именно поэтому, а не потому что мы молоды или недавно в Церковь пришли, мы не достойны называться даже новоначальными христианами, и поэтому для нас высокие духовные дела неактуальны. Актуальными же они станут для нас тогда, когда под ударами Божиих спасительных скорбей мы опомнимся и не на словах, а на деле, то есть в сердце, признаем, что ничего-то в нас духовного нет и что нам не о наградах в вечности следует мечтать, а умолять о помиловании.

Поэтому молиться, конечно, нужно, и чем больше, тем лучше. Но особенное внимание приходится обращать не на то, как привыкнуть к повторению молитвы, а на то, как освободить наши сердца от того, что делает их чуждыми молитве.

**Опыт «Откровенных рассказов странника» —
для кого подходит?**

Широко известна замечательная книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Её автор иеромонах Арсений (Троепольский), обладая большим, хотя и своеобразным, духовным опытом, советует для обретения непрестанной молитвы применять механическое

повторение. Он утверждает, что механический повтор со временем привлечёт к молитве ум, а затем к уму привлечётся и сердце. Но кому такой путь можно посоветовать? Из самого же повествования ясно, что далеко не каждому человеку.

В книге есть эпизод, когда священник возражает старцу по поводу механического повторения имени Божьего. Он говорит, что такой бессмысленный повтор одним языком и греховен, и вреден, что нужно творить молитву со вниманием, стараться делать это от сердца. Старец отвечает, что возражения были бы совершенно справедливы, если бы речь не шла о непрестанном делании молитвы. Вот именно — «о непрестанном»!

Когда человек целиком посвятил себя молитвенному подвигу, полностью отрешился от мира, тогда действительно на таком избраннике Божиим сбудутся святоотеческие обещания о скором духовном преуспевании, стяжании благодатной сердечной молитвы.

Кто читал «Откровенные рассказы...», пусть вспомнит, как жил их герой, прежде чем приступил к своему подвигу. С детства он был калекой, потому многие страсти его не затрагивали. Он был женат, любил свою жену, но жил с ней целомудренным браком. Каждый вечер они с молодой супругой клали перед сном по тысяче земных поклонов, чтобы не искушаться ночью. Так жил он ещё до занятий Иисусовой молитвой. После смерти жены этот человек настолько сильно жаждал научиться непрестанной молитве, что около года ходил по России и искал наставника в молитвенном делании. В результате он сподобился чудесного откровения свыше, даровал ему Господь и духовного старца-наставника — тогда только начался его путь умного делания, которому посвящена эта книга.

Не стоит торопиться равнять себя с великими людьми. Наше поверхностное подражание чужим подвигам напо-

минает вот что. Если девушка от всего сердца отвечает своему жениху: «Я тебя люблю и согласна выйти за тебя замуж», — это прекрасно, но если она, как заведённая кукла, будет повторять непрерывно: «Я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю...», — то может и прогневать своего жениха. Так и человек, подверженный гордыне, исполненный грубых страстей, начав постоянно твердить святое имя, рискует вызвать на себя гнев Божий.

Иное дело, когда человек, глубоко осознав свою духовную мёртвость и скорбя об этом, решает всё же произносить слова истинной любви — молитву — как можно чаще. Но не вменяя это себе в подвиг, и тем более в заслугу, а в надежде, что сердце его согреется от святого имени и Бог сжалятся над погибающим созданием Своим. Пусть такая, образно говоря, девушка бормочет своё «я тебя люблю». Любящий жених её поймёт и ей поверит.

Безумие — искать сверхъестественных видений

Некоторые, увлекаясь мечтой об утешительных действиях благодати, описанных святыми отцами, бросаются заниматься молитвой из жажды наслаждений. Они стремятся поскорее получить их, наивно ожидая плодов, когда ещё и семена не сеяли. Не понимают, что духовному утешению, которое может подать один только Бог, должен непременно предшествовать труд истинного покаяния. А всякое преждевременное духовное приобретение ненадёжно и даже опасно.

Святой Исаак Сирий писал, что кто прежде обучения деятельной жизни приступает к жизни умозрительной ради её сладости, на того находит гнев Божий. Именно по этой причине иные впади в прелесть, иные в полную гибель через самоубийство. Ожидание особых переживаний и состояний, видений и явлений свыше напоминает предраковое заболевание. Как за ним

часто следует смертельно опасный рак, так за ожиданием утешительных действий благодати часто следует неизлечимая прелесть.

«Надо прежде доказать верность свою Богу постоянством и терпением в молитвенном подвиге, усмотрением и отсечением всех страстей», — учит святитель Игнатий (Брянчанинов), призывая потрудиться в покаянной молитве, в делании заповедей. От нас — труд, от Бога — благодать. Но когда и кому, и в какой мере дать её, — это дело Его святой воли.

Так что если жаждущим чудес и является некое видение, то оно, в лучшем случае, продукт их собственного падшего естества. В худшем — дело дошло до бесовских наваждений.

Начинается труд покаяния с того, что человек должен осознать себя недостойным каких-либо наслаждений и наград, не искать утешений и не ждать их. Целью нашего подвига должно быть только покаяние, примирение с Богом. Истинные переживания, те, что от Бога, даются, когда Господь сочтёт нужным, а не когда мы сами этого ищем.

По выражению святителя Игнатия, «надо поплакать долго и горько, прежде нежели явится в душе духовное действие», ибо сердце должно основательно сокрушиться в покаянии, чтобы открыться для благодатных действий. У нас же оно пока полностью перекрыто, запечатано грубыми страстями, поэтому не способно принять в себя благодать.

Молясь — молись

Молитва даётся человеку не для того, чтобы усладиться переживаниями, а чтобы молиться, молить, просить Бога о том, в чём мы нуждаемся. Мы почти всё время находимся в рассеянии, в суетном собеседовании со своими помыслами. И те моменты, когда Бог ставит нас перед Собой и сердце наше открывается для молитвы, нужно использо-

вать для общения с Богом, а не увлекаться сопутствующими переживаниями, от которых переходим к помыслам, а Бога оставляем.

Как может молиться домохозяйка?

Современные домохозяйки нередко жалуются, что их угнетает однообразие: уборка, стирка, готовка, и так каждый день. Некоторые из них устраиваются на работу даже не ради денег или так называемой творческой самореализации, а только чтобы разнообразить свою жизнь. Им кажется, что сидеть в офисе, пить кофе и болтать с сослуживцами содержательней, чем заниматься домашней рутинной.

А святитель Феофан Затворник писал домохозяйкам, что в любой домашней работе можно увидеть духовную аналогию. Например, готовит женщина обед и думает, что человеку необходима не только еда, но и духовная пища. Стирает она бельё и помышляет, что как бельё очищается от грязи, так и душу свою надо очищать от страстей. А от такого богомыслия можно переходить к молитве о своих близких, для которых хозяйка готовит, стирает, убирает. При таком отношении домашняя работа будет уже не рутинной, а духовным делом, которое со временем может развиваться и принести плод в вечности.

Кто призовет имя Господне?

Церковь призывает нас: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17), однако у того же апостола Павла и в других местах Священного Писания находим по-видимому утешительные слова: *Всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Иоил. 2, 32; Деян. 2, 21; Рим. 10, 13). Не так всё, получается, страшно: один раз призову и спасусь? Но, чтобы поистине призвать имя Божье, нужно поистине ощутить нужду в Боге, внутренним оком действительно увидеть себя на

краю адской бездны и по-настоящему ужаснуться. Только тогда из сердца потечёт искренняя молитва.

Это похоже вот на что. Оставил человек свой дом на долгое время без присмотра, а люди устроили там свалку. Вернулся он и начал в доме убираться. Сперва вынес бревна, кирпичи, крупный мусор, потом мелкий. Чистил, чистил и вдруг видит посреди комнаты кобру, готовую броситься на него. Вот когда он от души помолится! Или помолится и будет спасён одной только милостью Божией, или погибнет. Так и в духовной жизни: по мере очищения души человек всё яснее видит в своём сердце непобедимого змея гордости, который не только не ослабел от его подвижнических трудов, но ещё и питался ими. Только увидев этого змея, человек обретает истинный, спасительный страх, и сердце его открывается для молитвы.

А нам чего бояться? У нас всё в норме, всё более или менее; ну там, бывает, разозлимся, ну пококетничаем с чужой женой, ну поедим колбаски в пост, и вроде всё в порядке... Почему так? Потому что у нас кобра бесовской гордыни покрыта толстым слоем мусора повседневных грехов и самооправдания, за которым мы её не видим и не боимся пропасти, разверстой у наших ног. Потому и молитва наша, как бы мы ни старались, остаётся всего лишь упражнением, а не покаянным воплем к Богу.

О СОСТАВЛЕНИИ МОЛИТВ

Можно ли молиться не по книгам?

И нельзя ли покороче?

Молитвенное правило — это труд над своей душой. Иногда молитва бывает в утешение, но обычно нам молиться тяжело. Поэтому нам иногда хочется подсократить правило, например, заменить его «правилом Серафима

Саровского»: три раза «Отче наш», три раза «Богородице, Дево, радуйся...» и один раз «Символ веры», — или ещё как-нибудь небольшим. И как человеку, несущему мешок с песком, хочется время от времени менять положение этого мешка на плечах, так и в молитве, бывает, хочется её как-то «подвигать»: поменять одни молитвы на другие или вообще молиться не по книге, а своими словами.

На самом деле надо смотреть на суть, а не на формальности. Если есть духовник, то можно просто с ним обсудить проблему и послушаться батюшку. В этом проявится некое смирение, а смирение привлекает благодать Божию, и можно получить совет на пользу.

А в общем, можно сказать, что молиться надо как по книгам, так и своими словами. Можно и вслух, и про себя. Важна молитва. Что касается «своими словами», то это не значит, что нужно сочинять молитвы; молиться нужно просто, короткими молитвами. А по молитвеннику длинными или короткими — не имеет значения.

Кроме того, мы должны всегда молиться, всегда помнить о Боге. Нет такого момента в жизни человека, когда ему не нужно было бы помнить о Боге. Заповедь о непрестанной молитве относится ко всем людям, потому что молитва — это единение с Богом, общение с Богом, мы ни на мгновение не должны оставаться без Бога. Это, как уже было сказано, норма, к которой надо стремиться.

Что касается рекомендации преподобного Серафима Саровского, то ведь это не юридические нормы. Все люди разные, если у человека получается прочитать всё правило утреннее или вечернее по Молитвослову, то очень хорошо, если не хватает душевных сил, пусть следует совету Серафима Саровского или читает какие-нибудь другие молитвы. Бог никого не накажет за то, что не прочитано то или иное правило, просто душа человека окажется пустой, если он не будет молиться.

Молитвы не придумываются, а даруются Духом Святым

Многие святые отцы рекомендуют переходить — сразу или со временем — от чтения молитвенных правил по книгам к молитве Иисусовой или другим коротким молитвам. Но этот важный и мудрый совет не даёт оснований свысока относиться к текстам из Молитвослова и считать, что они составлены для христиан, так сказать, второго духовного сорта.

В действительности молитвы из Молитвослова очень высоки, и наше внутреннее устройство пока им далеко не соответствует, ведь они вылились из сердец великих святых. Бог дал им записать эти молитвы для того, чтобы мы учились по ним молиться, чтобы внимательное чтение их помогало нашему сердцу приходить в то смиренное покаянное состояние, которое имели святые отцы.

Если же молимся своими словами, не надо заботиться о красоте формулировок. Чем проще — тем лучше. Когда опасно болен ребёнок, мать ничего не сочиняет. Она просто просит Бога: «Господи, помоги, спаси мою деточку!»

Сочинительство — дело, к молитве не относящееся. Молитвы не придумываются — они даруются Духом Святым.

На Бога надейся, а сам не плошай

Просить друг друга о молитве — обычная и благая практика Церкви. Но без нашей молитвы и собственного нашего усилия в борьбе со страстями даже молитвы великих святых нам не помогут, и даже Бог нас не может спасти. Преподобный Варсонофий Великий пишет одному монаху: «Моля о тебе, я прибегаю к Нему (Богу. — *Прим. автора*) с великой неотступностью, но если и сам ты не прибежешь к Нему, то будет нам великий стыд».

О чём молиться Богу?

В Евангелии описан случай, как Иисус с учениками плыл во время бури по Галилейскому озеру, *так что лодка покрывалась волнами, а Он спал. Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! Спаси нас, погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, малoverные?* (Мф. 8, 24–26).

Если бы ученики Христа в тот момент имели великую веру, то — уверенные, что с ними Бог, — вовсе ни о чём бы не беспокоились и не стали бы обращаться ко Христу со своими житейскими страхами и нуждами, а, пренебрегая опасностью для временной жизни, радовались бы и веселились об уже наступившем для них Царстве Небесном. Но ведь такой веры у них не было, зато была вера в меньшей степени, и совершенно правильно и благочестиво поступили ученики, что действовали по своей малой вере, то есть обратились ко Христу за помощью в смертельной опасности и получили её.

Наше малoverие порождает в нас иллюзию, что Бог не слышит нас, не знает наших нужд, то есть как бы спит, и мы правильно делаем, что, подражая апостолам, взываем к Нему: «Господи, спаси нас, погибаем!» Когда преуспеем в духовной жизни, тогда будем просить только о духовном, а пока у нас есть житейские желания, будем просить и об их исполнении.

Плохо бывает, когда вообще погружаемся в земное, а о небесном забываем и, надеясь на свои силы, не молимся Богу. И плохо бывает, когда, прельстившись гордыми мечтами, мы неблагоприятно устрояемся от порученных нам Богом житейских дел, наивно ожидая чуда, которого мы недостойны. Плохо также бывает отчаиваться в помощи Божией и поэтому не молиться. А что хорошо? Очень просто: тщательно делать дело Божие, прося у Него в этом помощи, а за гордость

и другие страсти укорять себя: «Боже, милостив будь ко мне, грешному!»

Почему Господь медлит с исполнением наших прошений

Почему любящий Бог не сразу да и не всегда исполняет наши прошения? Ведь сказано в Священном Писании: *Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня* (Пс. 49, 15). Почему у нас мало такого опыта?

Начнём с того, что у нас мало терпения. Мы думаем, что вот я сказал Богу два слова и Он сразу же исполнит все мои желания. Да с какой стати? Бог-то нас любит, как детей, но мы, не любя Его, ставим себя в положение Его рабов и едва ли не врагов. Самонадеянному ли рабу-врагу ожидать, что могущественный Господин будет немедленно исполнять его прихоти, часто нелепые и даже греховные?

Нужно обращаться к Богу со всяким своим добрым желанием. Но при этом нужно сознавать своё недостойнство и быть заранее готовым, что желание может быть исполнено не тогда или не так, как хотелось бы. Или вовсе не исполнено, если оно почему-либо вредно.

Приходится иногда слышать ропот на Бога: «Вот я помолился, а ничего не изменилось — значит молиться бесполезно». Наивно рассчитывать, что вот я две недели помолюсь и сын пить бросит. Молиться за близких необходимо. Но нужно настроиться молиться за них всю жизнь. Нелепо устанавливать Богу свои сроки.

Мы и посланы Им в этот временный мир, чтобы молиться и готовить себя к Царству Небесному, чтобы молиться и за ближних. Но когда и каким образом Бог откликнется на наши молитвы, заранее мы знать не можем и указывать Ему лучше не будем.

Тем неуместнее обида на Бога за неисполнение про-

шений, что сама молитва не тяжкая обязанность, а дар милости Божией и естественное состояние человеческой души. Получим или не получим, в любом случае, молитва — благо для нас. А мы, не придавая этому значения, если получим то, о чём просили, тут же забываем о Боге и перестаём молиться. Ещё и поэтому Господь посылает нам нужды и скорби, а порой «не слышит» наши прошения, чтобы мы не прекращали молитву.

Не моя воля, а Твоя да будет

Молитва должна быть искренней. О плохом молиться вообще не нужно, а о добром земном нужно, но с оговоркой: «Господи, не моя воля, а Твоя да будет». Ведь и Христос (!) в Гефсиманском саду просил Отца отнять от Него чашу крестных страданий.

Так что молиться, например, о здоровье ребёнка — это вовсе не немощь, а долг матери и часть заботы о нём. Но помните, что благой Промысл Божий бывает суровым, тоже наш долг. И если Бог посетит несчастьем, мы должны переносить его без ропота. А просить будем о жизни и здоровье.

Может ли у человека быть любимая молитва?

Это не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд. Ответ на него зависит от того, чем для нас является молитва.

Поскольку слова молитвы — написанный кем-то текст, этот текст может вызывать у читателей и слушателей разные эстетические переживания и, соответственно, больше или меньше им нравиться. Поскольку молитвы в церкви часто поют, то сказанное можно отнести и к мелодиям, на которые мы распеваем молитвы. Например, мне очень нравится «Покаяние» Веделя — и слова содержательные, и музыка захватывающая.

Но если вспомнить, что молитва — это не просто читаемый или распеваемый текст, а обращение реально погибающего грешника к Всемогущему Спасителю, но и Всеведущему Судии, то описанное выше отношение к молитве можно прокомментировать следующим примером. Человек напился пьяным, устроил в доме пожар и так глубоко уснул, что очнулся, когда уже вся квартира оказалась охваченной пламенем и выйти из неё через дверь стало невозможным. Человек распахивает окно.

Будет ли он при этом рассуждать: «Как бы мне обратиться к подъехавшим пожарным? Дорогие товарищи, окажите мне посильную помощь? Или: уважаемые господа, я рад всех вас видеть»? Если этот человек действительно очнулся, то он не будет искать красивые слова, а просто закричит: «Помогите!» Если же человек подбирает «любимые молитвы», значит, он ещё не осознал своего действительно ужасного положения.

Если понять заданный вопрос в чисто практическом смысле, то лучше всего для личной молитвы использовать обычные церковные Молитвословы, в которые включены молитвы святых отцов и подвижников благочестия. Эти слова вылились из их чистых сердец, и поэтому Церковь рекомендует их, как образец, всем христианам.

А если не по молитвеннику, то всем известна упомянутая Господом в Евангелии молитва мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешному». Есть Иисусова молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Есть, наконец, «Отче наш» — молитва, данная нам Самим Господом. Эти молитвы, безусловно, для всех хороши, их любому можно посоветовать. Молитесь: «Господи, помилуй». А придумывать молитвы не стоит.

«Отче наш» и «Трое Вас...»

Есть мудрая притча, донесённая до нас Львом Толстым в рассказе «Три старца». Жили на острове три человека, которые молились: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас». Бог послал к ним на остров архиерея, который научил их молитве Господней «Отче наш» и отплыл на своём корабле. Вдруг архиерей видит, как эти трое догоняют корабль, бегут по воде и кричат, что забыли слова молитвы Господней, и просят вновь научить их. «Доходна до Бога и ваша молитва, старцы Божии, — сказал им архиерей. — Не мне вас учить. Молитесь за нас, грешных!»

Всё понятно: важно внутреннее состояние человека, а не внешняя форма молитвы. Но представим, что этот архиерей, вернувшись в свою епархию, стал учить в церкви, что не нужно читать молитву Господню, а нужно твердить: «Трое Вас, трое нас...» Получилось бы нелепо. Поэтому, с почтением относясь к облагодатствованным простецам (они встречаются не только в книгах) с их порой странными обрядами и молитвословиями, для общецерковного употребления сохраним избранные Церковью и внесённые ею в богослужебные книги молитвенные слова.

Молитвы о всяких нуждах

Среди верующих людей распространены мнения о святых, что мученик Вонифатий помогает от пьянства, преподобный Сергей Радонежский — от плохой учёбы, великомученик Пантелеимон — от всех болезней. Как к этому относиться?

Относиться к этому нужно двояко. Нет ничего плохого, если мы молимся великомученику Пантелеимону об исцелении от болезней — своих собственных или родственников. Он был целителем при жизни, от него известно много посмертных исцелений. Так почему же и нам не просить его об исцелении?

А из жития преподобного Сергия мы знаем: он плохо учился, потом, по благодати Божией, получил дар разумения Священного Писания. И вполне естественно молиться ему, если ребёнок плохо учится.

Конечно, если мы просим о чём-то земном, то, обращаясь к Богу или святому, надо добавлять: «Господи, да будет воля Твоя!» Потому что нам не всегда полезно то, о чём мы просим. Но сама по себе молитва святым — благое дело.

Плохо бывает, когда человек вообще не заботится о спасении, а ищет только земного. И уже за пределы православной веры выходит тот, кто, пытаясь добиться исполнения своих желаний, молитву святому использует как заклинание. Человек, сам об этом не думая, фактически пытается управлять Богом. В грубой форме, конечно, этим почти никто не занимается. Но магическое настроение присуще падшему человеческому естеству, с этим надо каждому в себе бороться.

Молитва не заговор.

Все мы молимся, но не все перед Господом

Молитва — живое обращение к Богу, и здесь не имеет особенного значения, если мы по немощи человеческой не сумеем точно сформулировать свои мысли или описать состояния души. Это в заговорах принципиально важно правильное произнесение всех формул. Но заговоров и вовсе делать не следует ни правильно, ни неправильно. Нарочно нарушать церковные обычаи, конечно, не нужно, но Бог не спросит с нас за невольные ошибки по человеческой немощи или неведению.

Праведный Иоанн Кронштадтский в книге «Моя жизнь во Христе» писал, что «Господь отвечает на каждое желание сердца, выраженное в словах или не выраженное». То есть даже и невысказанное сердечное желание видит Господь и откликается на него.

Но само это желание может быть угодным Богу или негодным; может быть обращено к Богу, а может — к богу с маленькой буквы (языческая молитва); может быть обращено к какому-то человеку, может — к самому себе, может — в никуда. «Все мы молимся, но не все перед Господом», — писал свт. Иоанн Златоуст.

О ВНИМАНИИ

ПРИ МОЛИТВЕ И БОРЬБЕ С ПОМЫСЛАМИ

Наше сердце не может не плодить греховных помыслов

После грехопадения сказано было Адаму: *проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе* (Быт. 3, 17–18). Человек пал, грехом своим осквернил землю, и её свойством стало плодить сорняки. Немыслимо ожидать, что она сама собой произрастит полезные растения. Об этом пишет святитель Игнатий (Брянчанинов) в одном из писем: «Земля сама собою производит сорные травы, никто их не насаждает. Причина тому — извращённое свойство земли. Безрассудно ждать от земли несвойственного ей».

И так же сердце наше, будучи греховно, не может не порождать греховных помыслов. Но от нас зависит: усладиться этими сорняками или терпеливо выпалывать их. Нужно обличать греховные помыслы, укорять себя и очищать душу молитвой.

Только не надо надеяться, что это скоро кончится. «Воскресение души прежде смерти тела», о котором пишет преподобный Иоанн Лествичник, бывает исключительно редко, с особыми избранниками Божиими. Считать себя особым избранником — явная гордость. Лучше настроимся на борьбу со своими помыслами до последнего момента жизни.

Морок помыслов и талант молитвы

Не только люди неверующие или совсем новоначальные христиане, но и большинство давно живущих церковной жизнью людей постоянно пребывает в помыслах. И, перескакивая по ассоциации с предмета на предмет, мы, как корова — жвачку, почти без перерыва жуём своим умом суетные, а зачастую и греховные помыслы, возникающие из житейских впечатлений, из собственных воспоминаний, а иногда и от бесов.

Каждый, наблюдая за собой, может в этом убедиться. Такое состояние ума и само по себе плохо, но от пустых помыслов человек легко и незаметно для себя может переходить к помыслам грубо греховным: блудным, богохульным, злобным.

Мы как бы спим наяву, при этом разговариваем, трудимся, радуемся, скорбим — живём, но автоматически, хотя активно реагируем на внешние воздействия. При таком образе жизни мы оказываемся ниже уровня своего падшего, но всё же человеческого естества. Живя так, мы не способны исполнять заповеди Божии, потому что даже доброе дело, сделанное «во сне», оказывается лишь механическим действием.

Со спящего спросить, конечно, нечего, но в этом мало утешения, потому что спящий — не бесстрастный, и мы, охваченные мороком помыслов, все же действуем по страстям, отчего они возрастают, и наше духовное состояние ухудшается.

Слава Богу, что мы хотя бы время от времени, пусть на несколько секунд, приходим в себя, вспоминаем о Боге; в эти секунды мы свободны и можем помолиться... а можем и не помолиться. Конечно, и начав молиться, мы вскоре забудемся и провалимся в механический сон. Но, если есть стремление к пробуждению, Бог, видя это, Сам будет постепенно выводить нас на духовный путь.

По милости Божией, даже одна секунда, употреблённая во славу Божию, не останется без плода. Увидит Бог, что мы дорожим «секундами», и даст нам больше. Увидит, что и большее мы посвящаем Ему, и безмерно обогатит нас.

Вспомним притчу о талантах (см. Мф. 25, 21–30), где Господь говорит трудолюбцу: *хорошо, добрый и верный раб; в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего*. А о том, кто полученный талант (секунды, которые имел власть посвятить Богу) *скрыл в земле*, сказано: *негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов*.

Помыслы во время молитвы

Есть притча о соотношении молитвы и духовной беседы. Встретились два старых священника. «Нынешнее духовенство, — говорит один, — совсем обмиршилось, не то, что наше поколение. Помнишь, когда мы с тобой служили в соборе, какие духовные беседы вели на шестопсалмий!» Ирония понятна: шестопсалмие не время для бесед. Но и вообще, хотя говорить и размышлять о благочестивом и полезном само по себе неплохо, однако это не молитва.

От молитвы не следует отвлекаться ни на какие размышления. Речь идёт здесь не только о греховных помыслах, потому что греховные помыслы должно всегда отсекать (как раз молитвой), а о любых. Какие бы ни были помыслы — добрые, злые, средние — во время молитвы оценка им одна: мухи в супе. Красивая муха или некрасивая, маленькая или большая — любая, нужно её из тарелки выбросить поскорее, а то суп нельзя будет подать на стол.

«Во время молитвы не рассматривай даже и нужных и духовных вещей, — советует прп. Иоанн Лествичник. — Если же не так, то потеряешь лучшее» (Слово 28, 59). Бывает, во время церковной службы или чтения домашнего молитвенного правила приходят по видимости

полезные, даже важные мысли. Нужно и их отложить, сказать Богу: «Господи, помоги мне сейчас нерассеянно пребыть в молитве, а потом с Твоей помощью я займусь необходимыми делами».

Тем более это касается внутренней сердечной молитвы, которая должна была бы у нас быть непрерывной. Поскольку она у нас далеко не непрерывная, нужно особенно дорожить этими малыми периодами, или даже моментами, когда Бог благословляет нас Ему сердечно помолиться, и не отвращаться от Него самовольно, пока сама молитва нас не оставит по нашему недостоинству.

Когда рассеиваемся хуже своей меры

У каждого есть обычная для него мера рассеянности. Но бывает, мы рассеиваемся хуже своей меры, тогда имеет смысл обратить внимание на то, куда отвлекается ум.

Если что-то нас пугает, нужно укрепиться в вере в Бога, помолиться о помощи Божьей, предать себя в руки Божьи. Если чего-то очень хочется, тоже нужно возложить всё упование на Бога и припомнить, что Бог лучше нас знает, что нам полезно, и пошлёт всё полезное. Бывает, переели, и это мешает молитве. Нужно укорить себя, смириться, а впредь быть осторожнее. Бывает, прогневали Бога самопревозношением или осуждением ближнего. Это больше всего мешает молитве, оскверняет её. Заметив особое увлечение гордыми помыслами, нужно усердно покаяться, укорить себя.

После такого разбора (на него бывает достаточно нескольких секунд) следует, смилив свой помысел и укоряя себя, опять обращаться к молитве.

А бывает, при больших искушениях помыслы так захватывают душу, что ум никак не собрать. Тогда полезно, если позволяют обстоятельства, просто молиться вслух. Этим наше внимание привлекается к молитве, ум успо-

каивается и начинает молиться, сердце располагает к молитве.

Помыслы не безобидны

Недооценка греховных помыслов происходит по двум причинам. Во-первых, за них не наказывает общество, да и близкие, не зная наших мыслей, не осуждают нас за них. Во-вторых, в мысленных грехах каяться легче, чем в совершённых делом. Это действительно так. Если каяться.

Но принятый и нераскаянный греховный помысел, проникая в сердце, отравляет его, овладевает им и развивается, питаясь нашими душевными силами. А потом, как сказано в Евангелии, *из сердца исходят... убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления* (Мф. 15, 19). Так что помыслы не безобидны.

В аду нет молитвы

Бог бесконечно милостив, и, казалось бы, если грешник даже из ада воззовёт к Богу, то Бог его простит. Но, если бы в аду можно было молиться, это уже не был бы ад. В том-то и дело, что молитва в аду невозможна. Все мы имеем печальный опыт, когда придёшь в церковь, хочется помолиться, а мысли рассеиваются, дома встал на молитву, а мысли разбежались.

А в аду ум не просто рассеян, он разодран. В земной жизни помыслы только слегка раздёргивают ум немощного человека, а там они буквально разрывают его. Ум разложен на помыслы и в тот же момент на каждом неотвязно собран, и человек не может вспомнить о Боге — томится, но не может. И если уж человек впадает в такое состояние, то это полная безнадёжность.

И не Бог вводит человека в адскую муку, а человек сам в неё входит из-за своей нелюбви к Богу. Потому что Бог всякого человека принял бы, любого грешника с какими

угодно грехами на совести, только бы человек захотел принять прощение и покаяться. Бог принял бы нас всех, но мы сами пренебрегаем Царством Небесным.

Бесы выманивают нас из сердца

Враг старается нас соблазнить, он играет на наших страстях и старается привлечь к тому, что, по сути, губительно. А Бог, как любящий Отец, указывает нам полезное, хотя внешне оно зачастую непривлекательно.

Как в жизни бывает? Приятели уговаривают мальчика выйти из дому. Ему хочется выйти — на улице можно бегать, кричать, играть; но «злые» родители заставляют мальчика делать уроки. Так и в духовной жизни. Человеку для спасения души, для вечного блаженства полезно слушаться Бога, а бесы, подобно тем приятелям, выманивают человека из глубины его сердца и обращают к внешней суете.

Тактика помыслов

Как — в самых общих чертах — помыслы борются с нами? Вначале помысел возникает в уме или в сердце: в словесной форме, или как образ, или как неясное желание. Если человек сразу отсекает его молитвой, то на этом искушение благополучно заканчивается. Если же увлекается и хоть немного рассматривает его, то появляется сочувствие помыслу. Это уже само по себе отчасти греховно, так как связано с услаждением, иначе мы и не останавливались бы на своих помыслах, и не рассматривали бы их. Если рассматривание продолжается, человек совершает настоящий мысленный грех, и от этого недалеко до греховного действия. Нужно вполне серьезно и ответственно относиться к таким случаям принятия помыслов и каяться в них так же, как и в греховных поступках.

Тактика борьбы с помыслами

Что делать во время искушения? Вдруг нахлынули какие-то ненужные или прямо греховные чувства или помыслы. Некоторые советуют «забывать» такие чувства и помыслы другими, противоположными помыслами. Например, почувствовал я к кому-то нечистую страсть — буду, чтобы отогнать это чувство, как бы в противоречие ему, думать о предмете страсти плохо, мысленно ругать его. Или, наоборот, чувствую на кого-нибудь злобу, помыслы осуждения накатили — буду, наоборот, думать о том человеке хорошо, мысленно оправдывать его. На самом деле, эти способы борьбы с искушениями, хотя и очень популярны, но совсем неэффективны.

Бороться с искушением, принимая злые помыслы (например, плохо думать о человеке, к которому есть греховное влечение), — то же, что заливать огонь бензином. Потому что, во-первых, думая о предмете страсти плохо, всё-таки о нём думаю, а во-вторых, злые помыслы — сами по себе зло. Бороться же с искушением с помощью хороших помыслов (например, пытаться оправдывать злодея, чтобы отгонять помыслы осуждения) похоже на то, как маленькую девочку маньяк тащит в кусты, а она говорит ему, что это нехорошо, вместо того чтобы громко звать папу и маму.

Греховные помыслы нужно стараться полностью игнорировать, даже не собирать ум на обличение их мерзости, а просто переводить его к молитве, и поменьше эмоций. Помыслами не одолеть искушения — всегда нужно волевое отвержение греховного прилога и молитва Богу о помощи.

Не вспоминай злословие и блуд

О злословии и блуде, если случались такие грехи, нужно только помнить, что они были, укорять себя за них,

с благодарностью терпеть посылаемые Богом наказания, но ни в коем случае не погружаться в воспоминания, потому что воспоминание о блуде приносит нечистую сласть и сразу превращается в блудный помысел, а вспоминая злословие, мы просто злословим мысленно.

О доверии своим помыслам

Мы привыкли доверять своим помыслам, своим впечатлениям, и поэтому бесы без труда влагают в наш ум всё, что им угодно. Человек же, имеющий духовный опыт, всегда скептически относится к своим впечатлениям и помыслам, даже весьма правдоподобным. Вот поучительная притча по мотивам известного рассказа Чехова «Ванька».

Пишет Ванька Жуков «на деревню дедушке»: «Милый дедушка! Наступает зима. Пришли мне, пожалуйста, шубу, шапку, валенки и варежки». На почте увидели, что письмо без адреса, прочитали его, пожалели бедного мальчика, сложились, купили ему шубу, шапку и валенки и отправили. А на варежки у них денег не хватило.

Получил Ванька посылку, обрадовался и написал дедушке письмо: «Милый дедушка! Благодарю тебя за шубу, шапку и валенки. А варежки, наверное, на почте украли».

Каково это было на почте читать... А ведь вполне логично получилось. Где же ещё могли пропасть варежки, если не на почте?

Такова и наша повседневная логика. Порок же её не в недостатке знания ситуации, а в доверии помыслам и решимости судить. Если будем и за шубу, и за шапку, и за валенки — за всё просто благодарить Бога, а с потерями просто смиряться, то не погрешим.

Не открывай сомнительным гостям

Помыслы, которые нас хвалят, или помыслы осуждения ближних, или иные гордые помыслы — это не мелочь какая-нибудь, это враги, ищущие нашей гибели. Если мы не будем с ними бороться, то вслед за этими «овечками» в дом нашей души ворвутся и явные волки: в первую очередь — забвение Бога, а нередко блуд, убийство и другие смертные грехи.

Что делать, если нам звонят в квартиру? Некоторые сразу доверчиво открывают дверь. Такая доверчивость вполне уместна в Царстве Небесном, а в нашем развращённом обществе опасна. Прежде чем открыть дверь, нужно обязательно узнать, кто за ней стоит.

Как в житейском, так и в духовном. Исполненный благодати Святого Духа праведник, в сердце которого Бог уже одержал полную победу над страстями, может ни о чём не заботиться, а только непрестанно молиться Богу из глубины своего смирения. Как пишут святые отцы, бесы боятся приступать к такому человеку, а греховные помыслы он чувствует издали и отвергает, даже не рассматривая.

Но мало кто находится в столь великой мере духовного преуспеяния, поэтому прежде, чем открыть дверь, нам следует выяснить, кто хочет войти в дом. Если мы услышим голос друга, то можно смело открывать ему, а если голос незнакомца, то нужно сначала рассудить и, может быть, посоветоваться с кем-нибудь опытным.

Нередко бывает так, что на вопрос «Кто там?» из-за двери отвечает нежный голосок, а на самом деле за ней стоит шайка разбойников. Тогда нужно срочно звать на помощь, а в случае мысленных разбойников — усиливать молитву, но ни в коем случае не вступать в беседу с разбойниками, как мысленными, так и обыкновенными.

В святоотеческих книгах иногда встречается рассуждение: «Нужно ли впускать в душу помыслы, чтобы побороться с ними, или не нужно?» Ответ даёт везде одинаковый, что сильному подвижнику полезно впустить помысел и одолеть его, а немощному и новонаначальному нужно молитвой прогонять помыслы, не рассматривая их.

Даже опытные духовные люди, но ещё не достигшие совершенства, понимая всю опасность мысленной брани, всегда остерегаются каких бы то ни было помыслов. Они стараются не рассматривать их и не разбираться в них, а просто усиленной молитвой противостоят помыслам, не давая им проникать в свои души, многими трудами очищенные от лишних впечатлений.

Неопытные же должны тем более остерегаться. А мы вместо этого без рассмотрения впускаем в душу все помыслы, какие приходят, и некоторым позволяем хозяйничать, с какими-то спорим и пытаемся бороться, редко-редко когда призывая при этом имя Божие. Во что же таким образом мы превращаем храм Святого Духа, которым по замыслу Божию является душа всякого человека!

Не беседуй с бесами

Когда замечаем в своей душе греховные помыслы, как отличить: бесы в этот момент в нас действуют или наше падшее, развращённое естество их породило? А не нужно пытаться своим немощным и гордым умом погружаться в эти тонкие рассуждения. Нужно сразу молитвенно обратиться к Богу за помощью и усилием воли оттолкнуть греховные помышления и желания. И тогда окажется безразлично, было ли прямое действие бесов или мы разжились на недолжное своей греховной привычкой.

Насчёт бесов следует помнить, что их нельзя разжалобить, с ними бесполезно договариваться. Можно только

или гнать их именем Божиим, или молитвенно убежать от них под покров Божий.

А иначе получится, как в притче о человеке, который жаловался другу, что к нему по ночам приходит чёртик и говорит: «Давай попадаем с кровати». И человек падал с кровати. Неразумный друг посоветовал ему в следующий раз ответить чёртику: «С кровати я уже попадал». Страдалец так и сделал, а чёртик говорит ему: «Ну, давай попадаем из окошка».

Тёмные духи прикидываются нашими друзьями, внушают, что хотят доставить нам утешение. Это началось ещё в раю: сатана уговаривал Еву, чтобы съела плод, приятный на вид и на вкус. Правда же состоит в том, что бесы не хотят ни нашего вечного спасения, ни наших временных утешений.

Они обманывают нас, внушая, что путь Божий очень трудный и горький, а путь потакания своим страстям лёгкий и отрадный. Он лёгкий и отрадный вначале. Когда маньяк подманивает мальчика шоколадкой, он вовсе не желает утешить мальчика шоколадом, а хочет насладиться его страданиями и убить. Так же и бесы нас соблазняют наслаждениями, не желая утешить и упокоить хотя бы во временной жизни, но желая предать нас вечной муке, а по возможности и здесь страданиями довести до отчаяния.

Если бы у них была возможность, они бы нас не соблазнили, а просто убили и предали на вечную муку. А поскольку Бог им этого не позволяет, то падшие духи стараются нас соблазнить. Они ненавидят нас, и это никогда не изменится. Поэтому не нужно с ними ни соглашаться, ни спорить. Ведь грехопадение первых людей с того и началось, что Ева стала спорить со злым духом, а значит, вступила с ним в общение. На бесов лучше совсем не обращать никакого внимания.

Отгонять бесов нужно молитвой

Архимандрит Феофан Новоезерский пишет о борьбе с приходящими помыслами: «Новонаначальному в таком случае нужно молиться: "Господи, отыми от мене весь помысл лукавый!" Другие, которые уже знают совершенно, как и откуда эти мысли приходят, отвечали: "Я не изволяю". А совершенные уже со властью отгоняли их: "Отыди от мене, лукавый!"»

И мы, люди немощные, тоже можем в исключительном случае воскликнуть: «Отойди от меня, сатана!» Но, вообще, любое обращение к бесам небезопасно.

К сожалению, некоторые верующие люди вроде бы из самых благих побуждений вот так, как бы со властью, «отгоняют» бесов. А в результате попадают к ним в сети. Возникает своеобразная игра со злыми духами. Бесы подступают к человеку, начинают с ним спорить. Он в ответ тоже спорит, обольщаясь тщеславной мыслью, что уже умеет сражаться с ними. На самом деле человек и не подозревает, что подыгрывает падшим духам. Нам надо знать свою немощь — и обращаться исключительно к Богу.

Одна благочестивая верующая женщина буквально погрузилась в такие вот споры с бесами. Духовник говорил ей, что нужно не пререкаться с ними, а молиться. Она не верила. Он свёл её с известными духовными лицами, которые сказали то же самое. Она и им не поверила. И много лет продолжала твердить: «Отойди от меня, сатана!» Вот и общалась с дьяволом вместо того, чтобы обратиться к Господу Иисусу Христу.

Когда же успех?

Сколько же продлится борьба за внимание в молитве? Может быть, недолго (у одного из тысяч), а скорее всего — всю жизнь. Но это не повод для уныния! Прп. Иоанн Лествичник пишет: «Непрестанно борись с парением

твоих мыслей, и когда ум рассеялся, собирай его к себе, ибо от новоначальных послушников («новоначальных послушников» преподобного Иоанна! — *Прим. автора*) Бог не ищет молитвы без парения. Поэтому не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодушествуй и непрестанно воззывай ум ко вниманию; ибо никогда не быть расхищаему мыслями свойственно одному ангелу» (Слово 4, 92).

Полное внимание в молитве, так называемая непарительная (от слова «парить») молитва — это великий дар Божий, которого мы, надо сказать, совершенно недостойны. Ведь ум естественно тянется к тому, чем занято сердце. Поскольку наше сердце привязано к очень многим земным, а порой даже греховным вещам, постольку и ум наш устремляется к ним же. Поэтому необходима борьба со страстями.

Но ругать себя, злиться на себя и, тем более, обижаться на окружающих за свою рассеянность — только мешает молитве, потому что это не борьба со страстью, а проявление страсти гордости и следствие недостатка духовного опыта. Будем смиряться и приобретать опытность. А чем больше смиряемся, тем больше привлекаем к себе благодать Божию, и ум начинает меньше рассеиваться.

И ещё у прп. Иоанна Лествичника читаем: «Когда идёшь предстать пред Господом, да будет вся риза души твоей соткана из нитей, вернее же сказать, из залога непамятозлобия. Если не так, то не получишь от молитвы никакой пользы» (Слово 28, 4). А потом он пишет: «Если облечешься в совершенную кротость и безгневие, то не много будешь трудиться, чтобы освободить ум твой от пленения» (Слово 28, 15).

Что нам мешает молиться?

Что же нам мешает молиться? Во-первых, нам мешает сластолюбие. Мы плохо постимся, тела наши не утончены постом и не способны участвовать в молитве, а лишь отвлекают нас от неё.

Во-вторых, нам мешают молиться многие заботы и привязанности. Души наши прилепились к самым разным вещам, и потому, когда мы начинаем молиться, ум волей-неволей устремляется к этим самым вещам, и молитва быстро рассеивается и пропадает.

Со всем этим можно было бы справиться, если бы не третья причина. Можно усилить воздержание в пище. Это не так трудно. Мы знаем, что многие неверующие люди только ради похудания сурово голодают. Подвижники «восточных» религий строго постятся ради своих гордых желаний войти, как им кажется, в высшие духовные состояния. Кроме того, можно отсечь и многие наши заботы, освободиться от многих дел. Можно, наконец, и в пустыню уйти. Сел на поезд, уехал в глушь, ушёл в горы, уединился — и живи там. Но есть то, от чего не убежишь, то, с чем придётся бороться всю жизнь. Это — гордость.

Именно она делает нас противниками Бога. Гордость — это не только мысль, думать о себе я могу что угодно. Гордость — это моё глубинное переживание, что я обладаю ценными духовными качествами. Что я Богу чуть ли не подарок преподношу своей молитвой, что это мой подвиг, мой достойный поступок. Вот это и делает нас мерзкими перед Богом.

Произнося святые слова Иисусовой молитвы, прося Господа о помиловании, нужно осознавать смысл прошения. Помнить, что мы — приговорённые смертники, что своей греховной жизнью мы осудили себя на вечную адскую муку. Нужно понимать и чувствовать, что мы

именно помилование себе вымаливаем. А у нас получается иначе. Прочтём сколько-то раз молитву Иисусову и уже всё забыли, не только в помиловании не нуждаемся, но ощущаем себя достойными венцов в Царстве Небесном.

Так что не будем удивляться, когда не даётся нам молитвенный дар, но будем просить Бога очистить нас от того, что мешает нам молиться, и сами будем всеми Богом данными силами стараться очиститься от связавших душу страстей.

ГРЕХОВНЫЕ СТРАСТИ И БОРЬБА С НИМИ

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯТИЯ СТРАСТЕЙ

Страсти — источник страдания

Слово *страсть* родственно слову *страдание*. Что значит иметь страсть к пище? Если нам не дают пищу, которую мы любим, мы страдаем и по возможности стремимся эту пищу получить. Или если кто-то страстно любит какого-то человека, то он страдает, когда любимый от него далеко. Человек страстно любит самого себя, воздвиг из своей самости в сердце идола, поэтому, когда этого идола кто-нибудь не почитает, он оскорбляется и страдает. И пока человек с Божией помощью не победит свои страсти, он, естественно, не может иметь мира и покоя сердечного.

Чья победа — зависит от нас

В «Братьях Карамазовых» Достоевского есть прекрасные слова: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Но как же так? Ведь Христос Своей крестной смертью уже победил дьявола.

Хотя дьявол побеждён Христом и вся сила его сокрушена, но это не лишает человека свободы выбора. И кто победит в конкретной схватке в конкретном человеческом сердце — каждый решает сам. Бог проповедует истину и зовёт в Царство Небесное. Дьявол обманывает и соблазняет. А кого человек изберёт, тот и станет владыкой его сердца.

Мытарства — порождение наших страстей

Когда душа выйдет из тела, ей придётся окончательно расстаться со всем земным, к чему она здесь прилепилась. И чем нам слаще и уютнее было тут, тем ужаснее, невыносимее будет после смерти. Тогда окажется: всё, что нас огорчало и раздражало, — было полезно, было даром милости Божией. А многое из того, чего мы хотели, чему радовались, было во вред, являлось искушением.

Не перечислить того значительного и ничтожного (по человеческим меркам), грубо греховного и благопристойного на вид, к чему мы привязываемся сердцем, что отлучает нас от Бога. Не будь этого, не было бы и мытарств. Ведь они в том и состоят: мы расстаёмся с тем, что полюбили. Посмертные мытарства — это порождение наших привязанностей, страстей.

Лишают нас свободы страсти

Когда душа охвачена душевными и телесными желаниями, мы не в состоянии слушаться Бога, жить по Его заповедям — желания связывают, а иногда и раздражают нас. Собрать внимание на заповедях Божиих — первый шаг к освобождению от власти страстей. Старание исполнить заповеди — истинный путь, а исполнение их (любовь к Богу и ближнему) — совершенная свобода.

Внутренняя свобода никак не зависит от общественного положения человека. Оно может быть высоким, но если человек при этом связан своими страстями, он не свободен. Даже абсолютный монарх — раб, если он — раб страстей. И, наоборот, при самом низком положении (находясь в концлагере, сидя в одиночной камере и т. п.) человек может оставаться внутренне свободным, если не расстанется с Богом. Мы связаны по рукам и ногам своими страстями. Лишают свободы нас они, а не внешние обстоятельства.

Маленькие и большие грехи

Всякая греховная страсть губительна, и любой нераскаянный грех может лишить человека вечного блаженства. Но всё-таки между ними есть разница. Об этом писал архимандрит Феофан Новоезерский своей духовной дочери: «Одни грехи повседневные, другие смертные. За смертный грех требуется большее покаяние. А рассмеяться случится, тотчас скажи: согрешила, Господи, прости; мысль дурная пришла: Господи, отыми от меня весь помысел лукавый видимого сего жития; случится солгать: Господи, прости моё согрешение».

То есть в малых повседневных и даже ежеминутных грехах нужно постоянно приносить покаяние Богу и не смущаться. Если нас на улице дразнят мальчишки, очень глупо останавливаться и ругаться с ними. Нужно идти своей дорогой. Когда же случается что-то серьёзное, например, бандиты нападут, надо звать на помощь и защищаться или убежать.

В духовной жизни — так же. Усиленного внимания требуют сильные искушения (даже если разовые) и постоянные приращения страстей (даже если слабые). Их нужно исповедовать духовнику, просить его молитвенной помощи. Бывает нужно разобраться и в причинах усиления брани. А обычные ежеминутные поползновения в помыслах и сердечных движениях не требуют особой исповеди. Это повод для постоянного, покаянного самоукорения.

Правда, существует опасность, на которую указывал святитель Игнатий (Брянчанинов). Верующего церковного человека сатана обычно и не искушает на грубый грех, так как из-за страха Божьего душа его восстаёт, противится и уклоняется от явного греха. Тут гораздо эффективнее грех мелкий. И сатана соблазняет нас на незначительные проступки, которые, если останутся нераскаянными, погубят человека точно так же, как грехи великие.

Добрые привязанности — добрые оковы

Страсти — это необязательно пьянство, блуд, воровство, что-то явно плохое. Часто они имеют благопристойный вид. Человек сильно привязан к своим детям, родственникам, всем сердцем любит науку, искусство, свою работу. Это, казалось бы, добрые привязанности, но... ведь привязанности. Значит, они привязывают, а иногда буквально пригвождают человека к земному, временному. Не осудив их в себе, не избавившись от них, мы Царства Божия достигнуть не сможем.

Временное всегда обманывает нас

Истинный Источник блага — только вечный Бог. Временное всегда обманывает нас. Мы связаны между собою многими узами, многими чувствами. В них немало доброго, без них трудно было бы даже выжить, они поддерживают нас в нашей человеческой немощи. Но они и связывают нас — узы есть узы. А надежда на них — надежда ложная.

Мы привязываемся душою к людям, а они умирают. Пристращаемся к занятиям, но те исчезают, или перестают нас интересоваться, или мы теряем способность к ним. Строим себе дома, приобретаем вещи, готовим пищу. Всё съедается, проживается, ломается. И в конце концов мы сами исчезаем из этого мира.

Если мы не перерастём столь дорогие для нас привязанности, не обретём свободу и опору в Божественной любви, то в вечности окажемся в великом бедствии: временная поддержка исчезла, как временная, а связать себя вечными спасительными узами с Богом мы не позаботились.

Поэтому дьявол всеми силами старается засорить наш ум пустыми помыслами, чтобы отвлекать от главного, чтобы мы вовсе забыли, что смертны, и жили как бессмертные на земле. Может враг и о смерти напомнить, но нашепчет ложь — вселит в нас животный страх смерти.

И тогда от испуга мы вновь впадём в суету, начнём чрезмерно заботиться о своём физическом здоровье.

Святые отцы пишут: если бы человек помнил о смерти, то никогда бы не согрешил. Имеется в виду не малодушный страх вроде: «вот я умру — и уже никогда не буду пить кофе!», а спасительный страх посмертных мытарств и Страшного Суда.

Возненавидь, чтобы возлюбить

Господь сказал: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37). Эти евангельские слова обычно воспринимаются с каким-то внутренним сопротивлением. Ведь любовь к родным — это пример самой сильной земной человеческой любви.

Мало того, смысл приведённых слов Спасителя даже не в том, чтобы Бога любить, скажем, в сто раз больше, чем своих детей. Нет, здесь различие качественное — ничто не может быть поставлено вровень с Богом, всё сердце должно быть отдано Ему. Не возлюбив всецело одного лишь Бога, невозможно быть с Богом. Слова тяжёлые, страшные для нас, столь многое возлюбивших на земле.

Но Христос говорит, что тот, кто от всего отречётся, всё обретёт. Тот, кто отвергает страстную любовь, отрекается от привязанности к близким, тот освобождает своё сердце. С него как бы спадают оковы, и тогда оно расширяется (в духовном, конечно, смысле). Об этом пишет апостол Павел: *Сердце наше расширено. Вам не тесно в нас...* (2 Кор. 6, 11-12). В таком сердце обретается истинная любовь к ближним, жертвенная, готовая взойти на крест ради их спасения. Такая любовь обнимает всех. В том числе и родственников, конечно.

Верность Богу отнюдь не мешает нам любить ближних, но не страстной, а жертвенной любовью по подобию любви

Христовой к людям. Христос так возлюбил нас, что принял мучительную смерть ради нашего спасения, но Он не был к нам привязан. И мы должны стараться любить своих ближних по заповеди Божией, как самих себя, а *всем сердцем и всем умом, и всею душою, и всею крепостью* (Мк. 12, 33) нужно любить только Бога.

Конечно, не иметь никаких земных привязанностей — это мера великих святых. Но она должна быть для нас идеалом. Душа каждого человека — невеста Христова, и Бог от каждой души требует верности, чтобы мы ни к чему и ни к кому, кроме Бога, не прилеплились всем сердцем. Ни к людям, ни, тем более, к каким-нибудь вещам или делам — все эти привязанности отвлекают нас от Бога, лишают внутренней свободы. А мы призваны Христом к свободе: *Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8, 31–32).

«Возненавидь совершенно, чтобы совершенно возлюбить. Удались совершенно, чтобы совершенно приблизиться», — это слова преподобного Варсонофия Великого. Только совершенно возненавидев грех и суету, можно по-настоящему полюбить Бога и ближних. Только совершенно удалившись от страстей, можно истинно приблизиться к Богу.

От своих страстей никуда не убежишь

Нам иногда кажется, что если мы изменим свои внешние обстоятельства, то нам будет лучше. Но основная причина всех наших бед и проблем — наше обольщённое суетой и сластями сердце. Нас мучают наши страсти, они нас будут мучить везде и всегда. Даже когда мы умрём, они не оставят нас. А «охота к перемене мест» ведь тоже своего рода страсть.

Другое дело, когда есть Божие благословение на изме-

нение образа жизни. Тогда Господь помогает человеку. А когда мы по своим страстям пытаемся изменить обстоятельства, от этого бывает только хуже.

Недовольство обстоятельствами жизни может довести малодушного человека до бегства из жизни вообще — самоубийства. Но если мы уйдём из жизни самовольно, то и наше богоборческое своеволие уйдёт вместе с нами. Чтобы вечно нас мучить. Поэтому лучше сейчас потерпеть, чтобы вечно блаженствовать, чем сейчас роптать и из-за этого вечно страдать.

О ВНЕШНИХ ДЕЛАХ РАДИ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

Подвиг должен быть ради Бога

Есть притча о том, как умер человек и пришли к нему в дом соседи и знакомые. Один спрашивает другого: «От чего он умер?» — «От воспаления лёгких». — «А банки ставили?» — «Ставили». — «Вот это хорошо».

Конечно, последнее замечание нелепо. Если человек умер, то мало радости от хороших методов лечения. И так же, если плодом духовных подвигов и добрых дел человека не будет обретение им благодати Святого Духа (хотя бы при исходе души из тела), то невелика цена этим делам и подвигам.

Внешние подвиги делают нашу духовную жизнь более интенсивной, и если совершаются с целью очищения сердца, то полезны и даже необходимы. Но если мы на них одних сосредотачиваем усилие, то от внешних подвигов мы — и без того гордые — возгордимся ещё больше, и наше духовное движение ускорится, однако не в Царство Небесное.

Ложка гордости в бочке добрых дел

Наши добрые дела и подвиги всегда бывают подпорчены нашей же гордостью, точь-в-точь как в поговорке: «ложка дёгтя в бочке мёда». Поэтому сами по себе они не приносят нам пользы для спасения души. Но зато сопровождающая добрые дела и подвиги борьба с искушениями сокрушает наше сердце и помогает увидеть свои страсти и смириться.

Если же человек преуспевает в смирении, то может получить большую пользу от соразмерных внешних подвигов. Некоторые великие святые носили вериги, власяницу, клали много поклонов, терпели жестокий пост, спали на голой земле. Но они не вменяли себе этого в заслугу и потому духовно преуспевали.

Внешнее без внутреннего — мёртвому припарки

Мы, бывает, прикладываем большие усилия, чтобы исправить своё внешнее поведение, но забываем, что суть не в нём, а в нас самих, что грех — внутри нас и он стал уже свойством души, то есть страстью. И заботиться нужно не столько о проявлениях страсти, сколько о борьбе с ней самой.

Если я на кого-то разгневался, а за минуту до этого был в мире, это не значит, что за минуту до вспышки ярости я был свят и бесстрастен и вдруг стал грешен. Нет, страсть во мне была, но в скрытой форме, а Бог по Своей милости дал выплеснуться ей наружу, чтобы я мог её увидеть и постараться истребить.

Ведь мы, когда телесно заболеваем, хотим не просто устранить симптомы болезни, а хотим устранить саму болезнь. Точно так же и относительно духовной болезни — греха. Если мы истребим его из сердца, то и внеш-

них грехопадений не будет. Если же только внешнее исправим, а внутреннее останется в грехе, то ведь будет Страшный Суд, и там наше лицемерие ничем не поможет.

Заповедь и правило

Бывает, мы, подобно древним фарисеям, с ревностью исполняем внешние обряды и соблюдаем обычаи, а о заповедях Божиих небрежём. Один священник XIX века пишет в своих воспоминаниях, как к нему на исповедь Великим постом пришла женщина. Убивается, плачет, падает в ноги: «Батюшка, я согрешила, нечаянно съела ложку сметаны». Он её успокаивает, потом спрашивает: «А блудные грехи были?» — «Да, было дело», — говорит она совершенно спокойно.

Такое отношение к заповедям Божиим и сейчас не редкость. Человек в церковь не ходит, Богу не молится, почти ни во что не верит, но очень укоряет себя: «Стирала в праздник».

И внешнее делать, и внутреннего не оставлять

Зачем же тогда и заботиться о внешнем, если оно не спасает? Обратим, однако, внимание: Христос, упрекая книжников и фарисеев в том, что они, ревностно исполняя обрядовые правила, пренебрегали важнейшим в Законе Божиим: судом, милостью и верой, — не сказал при этом, что обряды не нужны, а сказал, что *сие надлежало делать, и того не оставлять* (Мф. 23, 23).

Некоторые люди всё внимание обращают на исполнение обрядов, забывая о внутренней жизни, а другие совсем пренебрегают обрядами. Но правильно — это, борясь с душевными страстями и усердствуя в молитве, не забывать и о внешнем. Потому что внешнее неразрывно связано с внутренним.

Исключение составляют святые Христа ради юро-

дивые, у которых внешние действия бывали зачастую безобразными, а внутренне они сияли перед Богом. Но то святые юродивые Христа ради — они имели особое призвание и дарования от Бога.

Нам же нужно помнить слово преподобного Иоанна Лествичника, что положением тела в значительной мере определяется наше душевное состояние. Поэтому разумное исполнение церковных обрядов — это внешнее средство, благотворно влияющее на душу и помогающее обрести правильное внутреннее устроение.

Добрые дела смягчают душу

Оттого что кто-то положил продукты в храме на канун, покойникам легче не становится. Однако же не случайно Церковь учит, что милостыня приносит большую пользу умершим, и призывает нас делать пожертвования, помогать бедным, ухаживать за больными. Сами по себе внешние дела суетны, усопшие нуждаются в сердечной молитве за них, но в том-то и дело, что глубокая озабоченность собственным земным благополучием сделала наши сердца мёртвыми и чёрствыми для молитвы, почти совсем к ней неспособными. А когда мы делаем добрые дела, душа как бы учится добру от тела, смягчается, становится способной пожалеть и живого, которому можно помочь и молитвой, и делом, и усопшего, который нуждается уже только в молитве.

Добрые дела привлекают благодать

Милости хочю, а не жертвы, — читаем в книге пророка Осии (Ос. 6, 6). Оказание милости приносит пользу, в первую очередь, самому милостивому, но не в том смысле, что, подавая нищим или жертвуя на храм, мы рассчитываемся за какие-то свои грехи (это был бы не свойственный Православию формализм). Но, оказывая милость ближ-

ним, мы привлекаем к себе милость Божию.

Примером этого является описанная в Деяниях святых апостолов история с Корнилием сотником. Он был язычником, но верил в Бога и жил добродетельно. Само по себе это не могло его спасти. Но молитвы и милостыни Корнилия, как сказал ему ангел, *пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4). И Бог прислал к сотнику апостола Петра, который его крестил. Корнилий стал христианином и получил спасение.

Кто имеет, тому прибавится

В Евангелии сказано: *Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь* (Лк. 8, 18). Кто имеет хотя бы зачатки любви к Богу, если он будет смиряться, бороться со своими страстями, стараться исполнять заповеди, тому прибавится благодати. А кто не имеет в душе ничего истинного, а только имеет внешние добрые дела, на которые уповает и которыми гордится, тот не только не спасает свою душу, но часто лишается и внешней добродетели в наказание за лицемерие.

Не лицемерие ли — скрывать страсть?

Нередко возникает вопрос: «Я чувствую, что не имею истинной любви к Богу и ближнему, но всеми силами стараюсь внешне этого не показывать и совершать добрые дела. Не лицемерие ли это?» Лицемерие это или не лицемерие — зависит от нашей самооценки. Если мне жалко подать милостыню, а я всё-таки её даю, если во мне кипит раздражение, а я его сдерживаю, если меня борют блудные помыслы, а я по ним не действую, но при этом думаю, что всё в порядке, да ещё осуждаю других людей, — то это лицемерие. А если я стараюсь поступать хорошо, за внутреннюю же нечистоту себя укоряю, то это не лицемерие, а духовная борьба, которая в конце концов приводит к

очищению сердца, лишь бы мы не обольщались своими внешними добродетелями и не отчаивались, видя бездну своего внутреннего падения.

Хотя и нет истинной любви к Богу, нет настоящего смирения, но надо, насколько хватает ума, насколько хватает решимости, стараться поступать хорошо. И при этом за свои добрые дела благодарить Бога, а в своей гордыне каяться. И не надеяться ни на внешний, ни на внутренний подвиг, а только на милосердие Божие.

Почему в храме так редко увидишь радостное лицо?

Часто приходится читать о том, что христианин должен быть радостен. Оно, конечно, неплохо. Да и апостол Павел писал: «Всегда радуйтесь». И сразу вслед за тем: «Непрестанно молитесь». Такая радость, которая побуждает непрестанно молиться, и сама порождается непрестанной молитвой, — дай нам Бог пребывать в такой радости. А наши радости о чём? О хорошей погоде, о детях, о здоровье, и прочем. Так и атеисты радуются.

Радость о Господе и вообще духовные переживания у нас тоже есть. Только в них всегда центральное место занимает наша самость. Как Я хорошо помолился, как Я переживаю, МОЯ скорбь о страстях Христовых, МОЯ радость на Пасху... Вот в наших душах истинная радость и не удерживается, как в дырявых сосудах.

Когда человек это осознаёт, это не лишает его радости, но он трезво оценивает своё состояние, благодарит Бога за радость, когда она посещает его, но сознаёт свою неготовность к истинной радости и не ждёт её, точнее, ждёт, но в вечности.

Ожидание же духовных переживаний порождает, соответственно, смущение, если их нет. Слышал такую жалобу: «Я на Светлой седмице не радовалась воскресению Христову». Ну и что, что не радовалась? Скажи себе:

«Я не чувствовала радости, но я верую в воскресение Христово, верю, что Господь меня исправит и, как бы это ни было болезненно, пробудит моё сердце для истинной любви. И тогда воскресение Христово станет радостью и для меня».

Церковных людей даже порой упрекают, мол, почему они в храме все такие мрачные, и одежда на них в храме не яркая. Одеваемся в то, что имеем. Празднично, но скромно, чтобы не отвлекать остальных людей от богослужения и, тем более, не соблазнять. А лица — какие уж есть. Разжигать в себе эмоцию радости — это лицемерие. Но мы вообще приходим в храм не за эмоциями, а чтобы вместе помолиться и причаститься Святых Христовых Таин, в чём и проявляется наше церковное единство как Тела Христова.

Наши отношения с Богом гораздо глубже любых эмоций. Есть хороший пример. Многодетная мать устала от детей, она изнемогла и хочет только спать. Это не значит, что она детей не любит, или в этот момент любит меньше, чем когда с ними тетешкается.

Также, если человек только что был погружён в молитву, а потом увлёкся греховными помыслами, это не значит, что тогда он Бога любил, а потом перестал любить. Это значит, что идёт духовная война, в которой мы то побеждаем, то терпим поражение. Опытный воин не обольщается отдельными победами и не унывает от отдельных поражений, он стремится к окончательной победе.

Святитель Феофан Затворник пишет, что для смиренного, когда он впадёт в какое-то согрешение, это не неожиданная новость. А гордый человек от всякого поползновения впадает в смущение или даже в отчаяние, если, конечно, не усыпит свою совесть самооправданием. Сцилла и Харибда подвижничества.

Нужно знать, что борьба со страстями — это надол-

го. Мы боремся, но страсти продолжают нами владеть; мы виноваты в этом, оправдывать свои немощи не надо, но и унывать не следует. Если я пока не могу удержаться от чего-то вредного для души, то это предмет для покаяния, а не для уныния и отчаяния.

Изображать духовную радость не нужно, но и наводить тоску на окружающих не следует. Я, например, знаю, что я человек гордый и моя гордость ко всему в жизни примешивается. Это знание должно укреплять меня в терпении очистительных скорбей и удерживать от осуждения ближних, но я не должен ходить с кислой миной и лишать своих ближних — жену, детей, прихожан — душевного тепла.

Мешает ли юбка спасению?

После отличной книжки Владимира Легойды «Мешают ли джинсы спасению?» все теперь знают, что джинсы спасению не мешают. А юбка? Длинная бурая юбка без разреза мешает?

Как-то раз я встретился с другом юности, известной журналисткой, крестившейся много лет назад в сознательном возрасте. Она делилась со мной своими трудностями, внешними и внутренними. В ответ я высказал мысль, что причина её тяжёлого душевного состояния отчасти в обстоятельствах жизни, а отчасти в том, что она, хотя и верует в Бога, но по своей вере не живёт. Тогда моя друг-собеседница воскликнула, что не чувствует потребности одеть юбку до пят и серый свитер.

Я ответил ей, что вовсе не имел в виду одежду. Одетая она была, кстати, скромно. Дальше мы с ней поговорили о смысле христианской жизни. Но почему она с самого начала заговорила о юбке? Ладно бы какой-нибудь человек, поработавший в храме или монастыре, которому недостаточно культурные члены общины навязывали местный дресс-код. Или девушка, попавшая на исповедь к излишне

строгому монаху, считающему уместным всех одеть в подряски. Но с моей-то собеседницей ничего этого не было!

Другой пример на ту же тему. В некоторых храмах раньше были (говорят, что есть и сейчас) старушки, в глаза ругавшие людей, которые вели себя в церкви не так, как следовало, по мнению старушек. Один замечательный, ныне покойный архипастырь назвал таких старушек «православными ведьмами». Почему столь строго? Почему не «дурами»? Почему не «хамками»? «Ведьма» — очень серьезное обвинение. А ведь этот архипастырь сам ни разу, я думаю, ни с одной «православной ведьмой» не сталкивался.

Дело в том, что все мы — даже лучшие и умнейшие из нас — подвержены идеологическим штампам и модам. Долгое время держалась мода ругать старушек, которые ругаются в храмах. Они нас ругают, а мы — их. Они нас — грубо и в глаза, а мы их — тонко и за глаза.

Конечно, церковных сотрудниц нужно воспитывать, чтобы они не обижали прихожан; конечно, это обязанность, в первую очередь, настоятеля. Нужно и других пожилых прихожанок воспитывать. И молодых прихожанок. И прихожан мужского пола. И себя самих. И на это у нас уходит вся жизнь. Поэтому будем к себе строги (не до отчаяния, помня о милосердии Божьем), а ко всем будем снисходительны. И с любовью относясь ко внешним, стараясь, чтобы ничто не мешало им прийти в Церковь, будем с любовью относиться и к тем, кто уже в Церкви. Они-то ведь тоже наши. Уча их мягко обращаться с людьми, не лишим их самих нашей любви.

А что касается дресс-кода, для того, кто не знает ничего о внутренней, духовной жизни, естественно всё внимание обращать на внешнее. Христиане же знают, должны знать, что главное — это сердце человека, а не то, как он выглядит. Поэтому не нужно всех женщин стараться переодевать в длинные юбки, но по той же причине не нуж-

но всех переодевать и в брюки.

Помню, когда я, крестившись в возрасте 27 лет, только начал церковную жизнь, мне очень понравилось ходить в косоворотке. Так я везде и ходил: в голубой «русской» рубашке с матерчатым пояском, в простых штанах, туристических ботинках, бороде и шевелюре вокруг зреющей лысины. Но духовный отец мне не делал на эту тему замечаний.

Однажды мы с ним ехали в метро, спокойно разговаривали, на меня покашивался народ, и я как-то сам почувствовал, что ему должно быть неловко сидеть рядом с такой яркой (в прямом смысле) фигурой. Наверное, ему действительно было неловко, но он мне ничего не сказал и даже виду не подал. И правильно сделал, потому что важно не чтобы неопит во что-то переоделся, а чтобы он сам почувствовал: ни косоворотка, ни фрак, ни пиджак не приближают его к Богу и не удаляют.

Поэтому люди, которые всех хотят нарядить в «православные» юбки, думая, что это главное, ошибаются. Но и те, кто с презрением смотрит на мешковато одетых сотрудниц некоторых приходов, тоже ошибаются. *Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17). Не пища и питье, не платок и не шляпка, не джинсы и не юбка.

О ДУХОВНОМ ЦЕЛОМУДРИИ

Сделать целостным сосуд души

Святой пророк Иоанн Предтеча говорил людям: *Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему* (Мк. 1, 3). Понятно, что он говорил не о какой-то земной дороге, а о том, что нужно внутренне подготовиться к принятию Христа: *Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов* (Мк. 1, 4). А Христос пришёл дать гораздо большее. Покаяние — это подготовка

к принятию благодати Святого Духа.

Почему нам не даётся этот дар? Потому что мы не целомудренны, сосуды наших душ не целостны. В Евангелии сказано: вино новое вливают в мехи новые, а если вливать новое вино в ветхие мехи, то и мехи порвутся, и вино вытечет (см. Мк. 2, 22). Наши души можно сравнить с ветхими мехами, в которые сколько ни вливай благодатного вина, всё равно оно будет проливаться. Нам нужно позаботиться о том, чтобы души наши стали целостными, способными к благодатной жизни.

В русских народных сказках есть типичный сюжет, когда богатыря убивают злые люди и рассекают на части, а потом любящая жена или серый волк возвращают его к жизни следующим образом. Сначала, чтобы останки срослись, их поливают мёртвой водой, а потом – живой, и богатырь встаёт на ноги. Мы нуждаемся в мёртвой воде добрых дел, поста, воздержания, благодушного терпения скорбей и болезней – всё это смиряет нас, уцеломудривает, делает целостными и способными принять живую воду благодати.

Стыд и совесть

Слова «стыд» и «совесть» часто путают и употребляют одно вместо другого. На самом деле разница между ними очень большая. Совесть нас обличает, когда мы делаем то, что не должно. А стыдно нам, когда открывается то, что должно быть скрыто. Путаница возникает из-за того, что мы по гордости всячески стараемся прятать от всех свои плохие поступки и выставлять напоказ хорошие.

Иногда необходимо плохие поступки скрывать, чтобы избежать соблазна, который может привести к новому греху. Но обычно мы скрываем своё зло из тщеславия или из страха заслуженного наказания. Это ложный стыд. На самом же деле, когда мы совершили зло, следует позаботиться не о сокрытии его, а о его исправлении. Если

возможно, то и делом (вернуть похищенное, помириться с тем, кого обидели), но во всяком случае в своей душе (это всегда возможно и необходимо). Мы должны не заглушать голос совести ради ложного стыда, а наоборот, преодолев ложный стыд, поступить по совести, в частности, открыть свой грех перед духовником, а иногда и перед многими людьми.

Так что, когда говорит совесть, стыд часто (не всегда) бывает ложным. А чувство неложного стыда нередко сопутствует вовсе не злым, а добрым делам. Ведь мы именно свои добрые дела должны по возможности скрывать, стыдиться их огласки, чтобы не быть окраденными тщеславием. Когда человек совершает хорошие поступки напоказ — это бесстыдство.

Истинный, естественный стыд побуждает нас скрывать те части тела, через которые человек входит в мир, скрывать от посторонних людей наши интимные телесные и душевные отношения, скрывать свои высокие духовные состояния и переживания (если их Бог даёт) — скрывать не потому, что всё это плохо, а потому, что это слишком значительно и не должно быть предметом суетного, похотливого интереса. А открываться должно только по благословению Божию, когда на то есть особая воля Божия.

Одежда — символ благодати

Одежда имеет множество функций: защищает наши тела от нежелательных атмосферных воздействий; помогает стать незаметными или, наоборот, выделиться в толпе; делает человека привлекательным, а может сделать и отталкивающим; подаёт окружающим знаки о социальной принадлежности человека; есть и другие функции одежды. Но о самом главном смысле одежды говорится очень мало, да мало кто о нём и знает. Одежда — символ Божественной благодати. В раю Адам и Ева «были наги» в том

смысле, что не имели материальных одежд, но они были облечены в сияющую ризу Божией благодати и потому «не стыдились». Согрешив, люди лишились благодатного одеяния, и возникла нужда хоть чем-нибудь прикрыть наготу. Для защиты и украшения тела Бог дал нам одежду (см. Быт. 3, 21), которая, таким образом, заменяет (хотя бы отчасти) утраченную благодатную защиту, покров и украшение и одновременно напоминает нам о них. То есть одежда есть символ благодати.

Она должна скрывать от людских взоров то, что возбуждает страсти. Мы ответственны перед ближними за то, как воздействуем на них своей внешностью, да и себе мы можем немало повредить, привлекая похотливые или завистливые взгляды и возбуждая этим собственные страсти. Кроме того, скромная одежда делает человека незаметным в толпе и тем помогает ему сохранить молитвенное внимание.

Когда человек показывается людям обнажённым, он показывает свою животную природу и скрывает духовную — образ Божий. А есть одежда, которая раскрывает образ Божий в человеке, — это облачение православного духовенства. Большая честь носить его, но священный сан сугубо требует от человека и внешнего благочестия, и внутреннего хождения перед Богом, чтобы он не уподобился *окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф. 23, 27).

Ряса — облачение ангела, и тяжело человеку во плоти нести облачение бесплотного. Чёрный цвет её — цвет смерти, небытия; человек, надевающий рясу, должен исчезнуть для всего земного и ожить для духовного и вечного. А скроена ряса так, что человек, в неё одетый, становится иконой, образом ангела; два рукава — как два крыла.

Благоговение перед тайной

Для большинства из нас, получивших в детстве атеистическое воспитание, привычно совершенно по-разному относиться к тайнам человеческим и к тайнам природы. О природе мы думаем, что любую её тайну хорошо бы узнать, лишь бы только это не принесло слишком много неприятностей. О человеке мы так не думаем, мы уважаем его желание и право что-то от нас, а может быть, и от всех утаить. Для православного сознания тайны природы — это тайны Божии, и к ним следует относиться с ещё большим благоговением.

Есть что-то, что Бог хочет нам открыть и открывает без нашего вопрошания, без нашего исследования. Есть что-то, что Он благословляет исследовать. Но есть то, что навсегда должно быть от нас скрыто, и мы должны с благоговением отступить перед Божией тайной. На примере человеческих отношений это очень понятно.

Мужчина познает женщину. Но совершенно по-разному познают женщину её законный муж, гинеколог и насильник. Если в первом случае жена с благоговением и любовью раскрывает себя мужу и он так же, с благоговением и любовью, приступает к ней (я имею в виду то, что должно быть, а не то, как оно зачастую бывает), то муж познаёт свою жену истинно, то есть совершается акт истинного познания. Во втором случае, когда врач осматривает своего пациента, он тоже нечто познает, но, очевидно, совсем другое. Наконец, насильник совершает ложное познание, и по существу он не познает ничего, а только губит свою душу.

Что побуждает нас к познанию и с каким душевным расположением мы приступаем к объекту познания, имеет огромное значение. Ребёнок, через щёлку подглядывающий за мамой в ванной комнате, может быть, что-то и узнаёт для себя новое, но познание это ложное и не во

благо ребёнку. К сожалению, мы очень часто оказываемся такими скверными детьми по отношению к Божию творению, потому что нами движет любопытство, тщеславие и желание удовольствий, а не благоговейное ожидание знания как Божьего дара.

В одном из рассказов Николая Носова мальчик нарвал на колхозном огороде огурцов. Мама его за это укорила и велела отнести их обратно, но сторож отдал огурцы мальчику со словами: «Ну, считай, что я их тебе подарил». И мальчик совсем с другим настроением принёс домой уже не украденные, а подаренные огурцы. Также есть огромная разница между знанием, дарованным Богом, и знанием, незаконно похищенным.

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым... (Быт. 2, 19–20). Это была мудрость, дарованная человеку Богом. Но в раю увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. *И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги* (Быт. 3, 6–7). Это было тоже, конечно, знание, но знание похищенное, незаконно полученное. И плоды этого знания мы пожинаем до сих пор — это смерть, вошедшая в мир через преступление Адама и Евы.

В чем же было это преступление? В том, что людям показалось недостаточным пребывать в любовном единении с Богом и всё, в том числе и знание, получать как дар от Него. А им захотелось стать самим *как боги, знающие добро и зло* (Быт. 3, 5), хотя бы и нарушив заповедь Божию. Они ведь были в теснейшем общении с Богом, всегда могли обратиться к Нему с любым прошением. Это

современный человек, даже христианин, обычно должен много потрудиться, и потерпеть, и поскорбеть, прежде чем сердце его откроется для молитвы, а Адам и Ева в раю были в естественной, хотя тоже дарованной близости к Богу и всё всегда могли просить у Него, и Он исполнил бы любое их доброе желание. Но они соблазнились пойти другим путём — путём магии, а не молитвы.

Это было первое магическое действие человека: съесть плод, чтобы получить знание. «Сделаю то-то, и будет то-то» — самая общая магическая формула. Мы очень узко понимаем магию: в массовом сознании она обычно связана с какими-нибудь особенными телодвижениями и словесными выражениями, но это только внешние, грубые формы. Суть же магии состоит в том, что человек через какие-то действия и словесные формулы обретает (реально же лишь мнит, что обретает) власть над творением Божиим и чуть ли не над Самим Богом.

Понятно, что такое отношение к Богу и сотворённому Им миру — формальное, техническое, насильственное — есть измена Любви, духовное прелюбодеяние, почему и последствием этого греховного познания явился прежде всего стыд. До этого *были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились* (Быт. 2, 25), потому что были покрыты одеждой благодати и имели чистые ум и сердце, а после падения *открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги* (Быт. 3, 7), потому что лишились благодатного покрова.

Оттого, с каким настроением мы приступаем к познанию, во многом зависит не только его успех или неуспех, но и наша вечная участь. Если люди из корысти или любопытства увлекаются бесстыдным подсматриванием того, что Бог по Своей милости от нас промыслительно скрывает, то они навлекают на себя гнев и наказание Божие и, кроме того, постепенно всё больше погружаются во тьму суеверного бескультурия.

А если мы будем познавать мир Божий с благоговейным и молитвенным трепетом, с благодарностью принимая то ведение, которое Господу угодно будет нам даровать, то мир Божий станет постепенно раскрываться нам как икона, как образ своего Творца. Тогда всё временное будет говорить нам о вечности, и, устраивая свою земную жизнь, мы будем в то же время приобщаться Царству Небесному, которое есть источник и полнота всякого истинного ведения.

Откровение Ноя и хамство

О целомудренном отношении к таинственному мы имеем важный образ в житии ветхозаветного патриарха Ноя. Ной начал молитвенно возделывать землю своего сердца, испил вина Божественной благодати и, придя в благодатное иступление, душевно обнажился, то есть стал открывать Божественные тайны, которые не подобало знать его детям, не пришедшим в меру совершенного духовного возраста: *И начат Ное человек делатель быти земли, и насади виноград: и испи от вина, и уписа, и обнажися в дому своем* (см. Быт. 9, 20–25).

Хам же не только сам предался бесполезному созерцанию *наготы отца своего*, то есть того, что от него должно было быть скрыто, но и пытался соблазнить на это своих братьев, которые благоразумно уклонились от безвременного и потому бесстыдного познания.

Не верь снам — не промахнёшься

Одним из самых распространённых оккультных соблазнов является соблазн толковать сны. Действительно, они снятся почти всем и почти всегда, нередко сны имеют какое-то содержание, иногда сбываются. Как правильно к ним относиться? — С осторожностью.

Сны бывают трёх видов: от Бога, от бесов и плотские.

От Бога сны бывают крайне редко, и то — за малым исключением — великим подвижникам и святым. Ещё бывали видения от Бога во сне царям и другим людям, стоявшим во главе народов. Примеры этому можно найти в Священном Писании. Думать про себя, что достоин иметь во сне Божественные откровения, — это гордость.

Иногда спрашивают: а как же Иоанн Кронштадтский в своих дневниках постоянно свои сны упоминает. На это можно ответить примером. Если человек, который и стоять-то на лыжах не умеет, увидев по телевизору, как спортсмены прыгают с трамплина, решит, что и ему можно так прыгать, все сочтут его за шутника или душевно больного. Стоит ли нам, размышляя об отношении к снам, сравнивать себя с праведным Иоанном Кронштадтским?

И не нужно опасаться, нечаянно не распознав, пропустить Божественный сон. Даже если сон послан Богом, а человек, по смирению считая себя недостойным Божественного откровения, не придаст сну значения, Бог за это не осудит его. И если Богу угодно о чём-то известить человека, Он найдёт, как это сделать, чему есть примеры и в церковной истории (призвание к пророческому служению пророка Самуила, обретение Казанской иконы Божьей Матери и другие).

Церковь знает редкие случаи, когда заслуживающие внимания сны бывали и обычным людям. Однако, если приснится какой-то замечательный сон, прежде чем поверить ему, нужно обязательно посоветоваться с духовно опытным человеком.

Бывают и бесовские наваждения во сне. Вникать в бесовские наваждения, пытаться толковать их — явный грех и неразумие. Если бесы хотят нам что-то внушить, этому нужно противиться, молитвенно обращаясь к Богу.

Если есть основания считать какой-то сон бесовским наваждением, нужно, проснувшись, сразу помолиться;

неплохо при этом попить святой воды или умыться ею. Очень важно не бояться таких наваждений, потому что, пока человек с Богом, Бог его защищает от любых демонических воздействий. Недаром ведь перед крещением священник говорит человеку о дьяволе: «И дунь, и плюнь на него».

Все остальные сны — плотские. В глубине сердца каждого человека много чего переплелось: и естественного, и противоестественного, и чистого, и нечистого, простые человеческие желания и такие желания, от которых всякий порядочный человек приходит в ужас. Когда человек бодрствует, он, как правило, контролирует своё сознание, а во сне в его сознание проникает всякая глубинная нечистота, причём обычно в символических видах, так что снится человеку одно, а стоит за этим видением нечто совсем иное.

Некоторые люди пытаются вникать в свои плотские сны, стараются их запоминать, даже исследовать. Дело это крайне опасное и почти всегда вредное. Нужно не копаться в своих подсознательных желаниях, гнездящихся в сердечных глубинах, а очищать сердце молитвой и церковными таинствами.

Самое опасное в доверии снам — это то, что, начав доверять своим обычным снам, человек оказывается беззащитным перед бесовским обманом. Бесы под видом обычных снов начнут навевать своё, а потом уже своё станут выдавать за Божественное. Немало людей таким образом лишилось рассудка и впало в духовную прелесть.

Сны нужно стараться как можно быстрее забывать и не обращать на них внимания, помышляя о себе: Божественных откровений я недостойн, естественные мои сны — нечисты, а бесовского я видеть не хочу. Всем нам полезно помнить слова преподобного Иоанна Лествичника: «Кто верит снам, тот вовсе не искусен; а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр».

Тонкая духовная похоть

Наше нецеломудрие проявляется иногда в самых благовидных формах. Мы, например, даём друг другу житейские и даже духовные советы. Теряем своих ближних: пойдешь в церковь, причастись, закажи молебен; навязчиво стараемся устроить внешнюю жизнь ближнего, говорим: поступай так-то, а так-то не поступай. Вроде бы, нами движет любовь, а на самом деле, как правило, в таких советах проявляется наша тонкая духовная похоть, как ни странно это может показаться на первый взгляд. Желание руководить, управлять, давать советы — это ведь желание обладать; мы хотим обладать своим ближним и пренебрегаем тем, что нам неизвестна тайна его души.

На нас злятся, нас не слушают, а мы обижаемся, осуждаем людей: я, мол, им говорю, а они не делают. Но ведь слово о Боге и слово Божие вовсе не одно и то же. Когда мы говорим о Боге своё страстное слово — это слово наше, а не Божие, даже если мы, не переставая, цитируем Священное Писание, как это, кстати, сплошь и рядом бывает у сектантов. И люди, которые не принимают такого безблагодатного цитирования, вовсе не обязательно отвергают само Евангелие. Они очень часто отвергают наше насилие над их душами, и это бывает их целомудренной реакцией на наше бесстыдство, а мы в гордых мечтаниях мним себя чуть ли не апостолами и мучениками.

Бывает, правда, что нами движет не духовная похоть, а любовь Божия, когда вдруг, неожиданно из нашего сердца вырвется несколько слов, пусть самых простых, которые войдут в сердце другого человека и будут в нём семенем Царства Небесного. Бывает. Но как редко это с нами бывает. Слово же, сказанное неблагоприятно, не по благословию Божию, а по нашему своеумию, своеволию и пристрастию, не спасает человека, а оказывается опасным насилием над его душой.

Особенно вредит нашей проповеди наша же неблагочестивая жизнь. Мы злословим, раздражаемся, чревоугодничаем, мы пристрастны к деньгам и вещам, обидчивы и самолюбивы, нецеломудренны в одежде, жестах, словах — всё это видят наши ближние, и, когда мы зазываем их в Церковь, они, шарахаясь от нас, отворачиваются и от Церкви. Но не их нужно в этом винить, а самих себя.

Обличение с любовью

В Евангелии от Иоанна (Ин. 8, 23–30) есть место, где Христос в довольно суровых выражениях обличал иудеев, говоря: *Вы от нижних, Я от вышних... вы умрете во грехах ваших...* Но, что примечательно, дальше сказано: *Когда Он говорил это, многие уверовали в Него.* Что это были за удивительные люди, которые с такой пользой приняли обличения и уверовали во Христа! Отчасти дело было в том, что Христос обличил их хотя и строго, но с любовью, а мы друг друга обличаем обычно с осуждением, и это одна из причин того, почему наше слово — возможно справедливое — не принимается ближними.

Но Христос — Сам Бог и Сам Любовь — всегда говорил с любовью, однако некоторые люди верили Ему, а другие, например жители Назарета, хотели сбросить со скалы (см. Лк. 4, 29). То есть дело не только в говорящем (говорит он с любовью или с гордостью), а и в слушающем (ищет он истину или только утешение).

Когда слушаем злым сердцем, то и самого Бога отвергнем, тем более от равного нам человека не захотим услышать обличения. Когда же мы истинно, духовно расположены, когда сердце наше ищет спасения, то мы не только слово Божие воспримем, но и от немощного человека, который нас, может быть, злобно осуждает, получим пользу.

О ПОСТЕ, ЧИСТОТЕ И НЕСТЯЖАНИИ

О ПОСТЕ И ВОЗДЕРЖАНИИ

Разные смыслы поста

Многие люди, даже верующие, не понимают смысла установленных Церковью правил поста и поэтому не постятся. Это очень похоже на то, как юноша, поступив на первый курс института, стал бы разбирать учебные дисциплины: «Матанализ мне не нужен, на начертательную геометрию буду ходить через раз, на физкультуру буду, на физику не буду». Понятно, что такой студент продержится только до первой сессии. А вот если он будет учиться по всем предметам и получит высшее образование, то, может быть, и впрямь скажет, что какие-то дисциплины преподавались неудачно, какие-то давно устарели и были вообще не нужны. Но тогда этот анализ пройденного учебного пути не принесёт выпускнику института вреда.

Так же и человеку, который уверовал во Христа и хочет стать на духовный путь, необходимо принять все церковные установления, поначалу не особенно разбирая. Это потом, воцерковившись и набравшись реального, а не неофитского духовного опыта, он сможет без вреда для души постепенно осмыслить и увидеть, что, например, некоторые правила, которым его научили, на самом деле всего лишь местные обычаи, и тому подобное. Тогда ему это знание не повредит.

А в самом начале духовного пути человеку очень важно начать поститься просто в знак смирения перед Церковью. Если он ещё не понимает, зачем это нужно, но говорит, что раз Церковь установила пост, то буду поститься

вместе со всеми, это огромный шаг вперёд в духовном отношении — когда человек решает не мерить Церковь своим умом, а просто начать жить в Церкви.

Смириться перед Церковью — в этом первый смысл поста, он общий для всех христиан. Второй смысл поста, тоже общий для всех, в том, что, стараясь поститься, мы замечаем, до какой степени привязаны к пище и другим утешениям, на которые постом приходится накладывать ограничения. Не будь поста — как бы мы узнали, что страдаем кревоугодием? Можно, конечно, об этом и в книгах прочитать, но тут необходимо опытное, а не из книг познание своей немощи, а со временем — и всесильной помощи Божией.

Есть другие смыслы поста, которые раскрываются христианину по мере его преуспевания в молитве. Тогда он может чувствовать, что воздержание в пище, и в других отношениях, способствует молитвенному вниманию, а довольство в питании и, тем более, обилие суетных впечатлений рассеивает его, не даёт собраться уму. Святитель Феофан Затворник говорит, что если человек живёт правильной внутренней жизнью, Бог постепенно Сам вводит его в нужные подвиги. Но это со временем и уж как кому Бог даёт, а смириться перед Церковью и в борьбе со страстями познавать свою греховную немощь необходимо всем нам.

Правильное отношение к посту

Установленные Церковью посты — это не налагаемые на нас Богом узы, а, наоборот, ослабление тех уз, которыми связали нас страсти. Бывает, что преступника, отбывающего наказание, за хорошее поведение расконвоируют. Он ещё остаётся несвободным, но есть некоторое послабление. Вот и к постным дням надо относиться, как к такому послаблению — нам даются силы на то, что мы

обычно делать не можем. Не стоит относиться к Божьему дару, как к повинности — Богу не нужны такие оброки. Он вседозволенный и всеблаженный, и отнюдь не нуждается в наших подвигах и добродетелях. Вменение поста себе в заслугу оскверняет Богом дарованный нам пост.

Что касается духовных страстей, то всегда — и в пост, и не в пост — христианин должен избегать праздности, бороться с пустословием, гордостью, гневом, злобой. Над внешней суетой мы (по крайней мере, миряне) не властны, но *больше всего хранимого храни сердце твое* (Прит. 4, 23) — сказано для всех.

Некоторые христиане перед многодневным постом ставят себе какую-нибудь духовную задачу. Но если я «поставил перед собой задачу» и выполнил её, то пост — это моя заслуга, значит, благодарить надо не Бога, а меня. Теряется духовный смысл поста — вместо того, чтобы осознать свою немощь, я придумал повод для гордости. Нужно не ставить перед собой задачи, а просить у Бога помощи и благодарить Его за помощь.

Постовая раздражительность

Преподобный Иперехий сказал: «Хорошо есть мясо и пить вино и не съедать в оклеветании брата своего». Конечно, пост нужен, но если человек телесно постится и при этом предаётся злословию и клевете, то он постится не на пользу себе.

Впрочем, тут есть и не вполне зависящий от нашего произволения момент: телесный пост, утончая нашу душевную жизнь, этим провоцирует более интенсивные проявления нашей гордости: усиливается самомнение, растёт раздражительность. Поэтому Церковь и обращает особое внимание постящихся на то, чтобы они не просто воздерживались в пище, а и были сугубо внимательны к своим более тонким страстям.

Расслабление после поста

Очень многие христиане замечают, что после окончания поста расслабляются и впадают в невоздержание в пище, в зрелищах и тому подобном. Такое ослабление в противостоянии страстям определяется, в первую очередь, сильной привязанностью к тому, от чего мы воздерживались постом. Пока воздерживались, в душе мечтали повкуснее и побольше поесть и этим подпитывали энергию сжатой, как пружина, страсти. А как пришло время, так пружина разжалась, и мы бросились на долгожданную еду, так что потом год не остановишь.

Во-вторых, мы гордимся своими подвигами и добрыми делами, приписываем их себе. Даже если умом вполне понимаем, что они совершаются действием Божией благодати, всё же в глубине души гнездится гордый змей, пожирающий все добрые плоды поста. Чтобы смирить нас, Бог попускает нам расслабление. Если покаемся, Он простит нас и вновь укрепит на подвиг. Если будем упорствовать в гордыне, будет больше смирать, так, бывает, человек доходит уже не только до объедения, а и до более тяжких грехов. Это, конечно, общая схема, в жизни всё сложнее.

Пост — покаянный, фарисейский и благодатный

Ко Христу пришли ученики *Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених?* (Мф. 9, 14–15).

Иоанн Предтеча проповедовал *крещение покаяния для прощения грехов* (Мк. 1, 4). Его ученики — это кающиеся, пребывающие в сердечном плаче о своих грехах, внешним выражением которого являются телесные подвиги, и они же (подвиги) помогают сохранить внутренний покаянный плач. А когда мы предаёмся им не ради духовного

делания, а из тщеславия или гордости — это фарисейство. Внешне же истинный делатель покаяния от лицемера часто ничем не отличается.

Сыны чертога брачного — это те, кто пребывает в ощущаемом сердечном единении со Христом. На душе у такого человека не пост, а Пасха, и он питается хлебом и водой потому, что его духовному утешению мешало бы утешение плотское, а не из фарисейства и не для борьбы с уже побеждёнными страстями.

Разные меры поста

Сказано в Священном Писании: *Неуклоняйся ни направо, ни налево* (Притч. 4, 27). То есть не ленись (уклонение влево) и не берись за то, что выше сил (уклонение вправо); это относится ко всему, в том числе и к посту. Церковные правила для всех одинаковы, а вот мера поста у каждого своя. Мы должны каждый стараться поститься в своей мере, не опускаясь по сластолюбию ниже её и не превышая свою меру, как бы пытаясь вырвать у Бога духовный дар, которого мы пока (или вообще) недостойны.

Но как узнать свою меру поста? Если человек, имеющий духовный опыт, может её, пусть неточно, нащупать, то начинающему необходим совет духовника. Нужно учитывать и духовную меру человека, и его душевное устройство, и состояние его здоровья. Не только великий святой старец (это большая редкость, да мы и недостойны), но и просто опытный благочестивый батюшка может принести вопрошающему большую пользу. Главное — чтобы и чадо, и духовник осознавали свою немощь и молили Бога о вразумлении.

Постный шоколад

В последнее время появилось много продуктов питания, не имеющих скоромных составляющих, но по вкусу

похожих на мясо, майонез или кремовый торт. Это ставит некоторых верующих людей перед вопросом, можно ли во время поста есть такие продукты, в частности шоколад на фруктозе.

Решить проблему можно, внимательно посмотрев на этикетке, есть ли в составе этого шоколада молочные, рыбные или мясные продукты. Таким образом, мы успешно «оцедим комара» нарушения порядка, только не «проглотить бы нам при этом верблюда» гордости и самохваления (парафраз слов Спасителя из Евангелия от Матфея, гл. 23, стих 24: *Вожди слепые, оцезживающие комара, а верблюда поглощающие*). От такого «шоколада» и живот полон, и во рту сладко, и правила соблюдены!

Пост для больных

Пост установлен Богом в Церкви для того, чтобы мы преуспевали в воздержании, познавали свою немощь и смирялись от этого, а вовсе не для того, чтобы люди теряли телесные силы, данные им Богом для духовного подвига, или — ещё хуже — преждевременно умирали. Если человек с язвой желудка будет соблюдать пост по Типикону, он сляжет в больницу и там станет есть уже всё, что ему дадут, и смотреть телевизор в палате, а в церковь весь Великий пост ходить не сможет. Это ревность не по разуму. Всё нужно делать с рассуждением. Когда возникает необходимость, человек должен пост ослаблять. Но если при этом его чрево утешается, он должен укорять себя в чревоугодии и смиряться от этого.

Обратим внимание, пост нужно ослаблять, а не отменять, ведь пост не наказание, а дар Божий, но больные должны поститься с учётом медицинских показаний. Если есть диета, то её нужно соблюдать. При этом, если, например, упомянутый язвенник Великим постом съест тарелочку овсянки на молоке, он не нарушит поста, а если

съест маринованный огурчик, то нарушит, потому что овсянку он ел как лекарство, по необходимости, а вредный при его болезни огурчик — из чревоугодия.

Также, если у человека действительно упадок сил, и он для подкрепления ест скоромную пищу, потому что постной недостаточно, то он в этом не погрешает, а если под предлогом слабости услаждается, то грешит. Потому что чревоугодие в любом случае — страсть, даже если мы едим скоромную пищу по необходимости.

Пост и болезнь

Пост — это духовное воспитание нашей души и тела, чтобы плоть не мешала нам молиться. Тому, кто хочет преуспеть в молитве, пост очень полезен. Но как быть больным, которые не могут поститься? Огорчаться не следует, потому что тяжёлая болезнь даже имеет преимущество перед постом.

На плоть она действует так же, но страдание, причиняемое ею, ограждает человека от гордости. А кроме того, болеют все, и праведники, и грешные, большинство людей от болезней и умирает. Чем же тут гордиться? Пост же, как и всякое доброе дело, питает нашу гордыню. (Это не значит, конечно, что не нужно поститься, а значит, что, постясь, нужно одновременно укорять себя за гордость.)

Чем тяжелее болезнь, чем сильнее сокрушает тело, тем полезнее она для души человека, если он переносит недуг с терпением, благодаря Господа. И польза эта значительнее, чем от любого воздержания, предпринятого по своей воле.

Болезнь — наказание за нарушение поста?

Приходилось слышать такое мнение, что болезнь — наказание человеку за нарушение поста. Отчасти это верно, но в духовной жизни всё не так прямолинейно.

Во-первых, не все люди виноваты в том, что не соблюдают пост, ведь пост установлен для христиан. Если человек неверующий, то несоблюдение им поста не является грехом. Вот убийство или блуд — грех для всякого человека, независимо от его веры, нарушение же поста грешно не само по себе, а только как проявление страстей. Например, чревоугодия, когда человек ест скоромную пищу потому, что не может удержаться. Или гордости, когда человек отрицает пост, не желая оказать послушание Церкви. Или малодушия, когда стесняется поститься, боясь насмешек. А сама по себе пища не греховна и не греховны супружеские отношения, о чём прямо сказано у апостола Павла (см. Евр. 13, 4).

Во-вторых, наказание Божие не бывает механическим — сделал грех, получи воздаяние. Преподобный Макарий Египетский пишет, что наказание не постигает человека сразу; если бы оно постигало нас сразу, то получалось бы, что Бог принуждает человека к добродетели насильно. Кто же не окажет послушания, если над ним топор занесён? Но это со страху, а Бог хочет нашего свободного послушания ради любви к Нему.

В-третьих, смысл наказания Божьего — научение, а не кара. Бог наказывает для исправления, а не для повреждения или уничтожения человека.

Преподобный Амвросий Оптинский действительно пишет о современных ему людях, что их постигают болезни, потому что они пренебрегают постом. Но он имеет в виду не расплату болезнями за невоздержание, а то, что если мы сами не хотим подвизаться, за нас подвизается Бог. Любит человек поесть тортов до отвала, а тут на тебе — диабет! И приходится без сладостей да понемножку. На самом деле болезни — это дары Божии. Если человек так их воспримет, с благодарностью, то будет преуспевать и в воздержании, и — самое главное — в смирении.

Грех — для одного, для другого — подвиг

Архимандрит Феофан Новоезерский писал: «Одинаково всех нельзя содержать в обители, иным грубая пища вредна и может привести в изнеможение; одни пришли из бедности, от трудов — в покой, а другие — от богатства и из нежного воспитания». То есть одни люди привыкли к бедной, суровой жизни, по сравнению с которой монастырская жизнь им кажется сытнее и легче. Другого же человека ещё вчера возили на «Мерседесе», а сегодня он катает тачку с навозом.

В Отечнике есть история на эту тему. Один монах пришёл к известному старцу в пустыню, увидел, что тот сидит в тапочках и кто-то ему ещё и прислуживает. Он смутился: вроде бы великий старец, а живёт в такой роскоши. Рассказал о своём смущении другому старцу. Тот спросил: «Ты кем был до того, как пришёл в монастырь?» — «Пастухом». — «На какой кровати ты спал?» — «Я на земле спал». — «Чем ты укрывался?» — «Рогожей». — «Так ты от трудов пришёл в покой, а этот человек был вельможей при царском дворе и пришёл вот в эту нужду. Ему в заслугу вменится и то, что он всё оставил».

Мы тоже в приходских общинах, бывает, друг на друга поглядываем, и нам кажется, что вот я совершаю подвиги, а рядом человек ничего не делает. Но мы не знаем внутреннего устройства друг друга. Одно и то же делание для кого-то большое послабление и грех, а для кого-то подвиг. Один в Великий пост съел кусок рыбы и этим весь свой пост осквернил, а другой весь пост ел рыбу — для него это суровое воздержание. Так что всякий суд мы должны оставить Богу. Если мы, постясь, осуждаем тех, кто не постится, то постимся себе во вред.

Музыка во время поста?

Можно ли слушать во время поста классическую музыку, например, ораторию митрополита Илариона «Страсти по Матфею»? Ответ зависит от того, чем вообще занято время человека. Если исключительно молитвой и чтением духовной литературы, то лучше и классическую музыку не слушать. Но, конечно, лучше слушать «Страсти по Матфею», чем заглушать скуку, щёлкая телевизионным пультом или бегая по интернет-сайтам.

И ещё на ту же тему. Один старый опытный духовник рассказывал мне о своей знакомой пианистке, которая во время войны перенесла много бед, жила в голоде и холоде и стала уже отчаиваться. И тогда она услышала Голос: «Что же ты музыку забыла? Музыка это свет». Она села за фортепиано, стала играть и воспрянула душой.

О воздержании в слове

Сказал Господь, *что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда* (Мф. 12, 36). Совсем ничего не говорить мы конечно не можем, но прежде чем высказывать какую-то мысль неплохо бывает разобраться. Во-первых, есть ли сама эта мысль? Может быть, нам и выражать-то нечего. Во-вторых, если мысль есть, то нужно ли её высказывать? Может быть, её нужно решительно отвергнуть, а может быть, наоборот, скрыть в тайниках сердца, чтобы не *метать бисер перед свиньями* (см. Мф. 7, 6).

Преподобный Пимен говорил, что если бы мы помнили изречение Писания: *От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 37), — то решились бы лучше молчать. Именно смирение было источником молчания святых, а не фантазии о высоких состояниях. Они искренне думали, что сказать им нечего, что всякое их слово нечисто, и поэтому молчали. А уж когда Бог как бы

понуждал их говорить, когда они обязаны были сказать, тогда они говорили.

Впрочем, надо заметить, что если мы, такие, какие есть, начнём подвизаться в молчании, то впадём в крайнюю гордость, а через это дойдём и до великих грехопадений. Молчание полезно смиренным, но и нам нужно хотя бы избегать злословия и пустословия.

Подражание отцам — с рассуждением

Читая святых отцов, мы должны особенно внимать тем советам, которые касаются душевных добродетелей (терпение, смирение, незлобие и тому подобное), так как этим добродетелям всякий человек может и должен стараться подражать всеми силами. А вот подражать внешним деланиям великих святых нам, как правило, невозможно.

Мы находимся как бы между двух огней. Если ублажаем свою плоть, то это не даёт нам оторваться от земли, мы пребываем в плену греховных помыслов. Если же начинаем усиленный пост, то натиск помыслов ослабевает, но начинает преобладать один: «Я подвижник». А принятие этого помысла может свести на нет всю пользу от воздержания. Поэтому Бог и не даёт нам решимости поститься.

Пост перед причастием

Строгость и продолжительность поста перед причастием должны соответствовать ситуации: разным людям в разных обстоятельствах должны даваться разные советы. Одно дело, когда человек по какой-то причине причащается один раз в год, и совсем иное — когда во все воскресные и праздничные дни. И здоровье, и привычный для человека образ жизни имеют значение.

Самое плохое в решении вопросов о посте — это формализм. Одних он побуждает требовать скрупулёзного соблюдения того, что они вычитали в Типиконе, других

тот же формализм подбивает отменять любые правила. На самом деле, правила должны быть ориентиром, а как и в какой мере их применять, пусть священник решает в каждом конкретном случае особо, молясь о человеке, движимый любовью к нему и желанием помочь ему на пути спасения.

Что касается причащения на Светлой седмице и в Святые дни после Рождества, то, разумеется, если в Церкви служится литургия, то причащаться можно. Как быть с постом? — Не объедаться. Если кто-то хочет есть на Пасху зелень, ничего в этом страшного нет; только пусть не гордится этим и не осуждает тех, кто питается по-другому. И пусть те, кто постятся не строго, не считают постников отсталыми и недуховными.

Вот что пишет на эту тему апостол Павел: *Иной уверен, что можно есть всё, а немощный ест овощи. Кто ест, не унижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его. Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его. Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума. Кто различает дни — для Господа различает; и кто не различает дней — для Господа не различает. Кто ест — для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест — для Господа не ест, и благодарит Бога. ...А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов. ...Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну. Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто. Если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер. ...Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и*

мир и радость во Святом Духе (Рим. 14; 2–6, 10, 13–15, 17).

Можно ли причащаться, если нарушил пост?

Нарушение поста само по себе не относится к таким тяжким грехам и состояниям, при которых человек должен быть запрещён в причастии Святых Христовых Таин.

Церковные правила, в том числе и о посте, это — напомним — дар Церкви её чадам, а не обуза. Если человек по какой-то не зависящей от него причине не способен воспользоваться даром Церкви, это предмет для терпения и смирения. Если по легкомыслию, или пристрастию, или забывчивости человек нарушил дарованное Церковью правило, это повод для покаяния, но ещё не для запрещения.

Но если мы что-то нарушили и нас смущает совесть, то нужно не отлучать себя от причастия самовольно, а вынести вопрос на решение духовника. Решения же могут быть разными, но они никогда не должны быть формальными. Задача священника не правило соблюсти, а принести человеку пользу или, по меньшей мере, не навредить.

Бывает, человек так рассеялся и объелся накануне причастия, хотя бы и постной пищей, что сам чувствует необходимость отложить причащение. Ну и пусть отложит, попостится, а потом причастится. А бывает, кто-то по забывчивости положил масло в кашу. Не думаю, что в таких случаях уместна строгость.

Основанием для запрещения в причащении на больший или меньший срок может быть только тяжкий грех (блуд, убийство, воровство, колдовство, отречение от Христа, явная ересь и тому подобное) или совершенно несовместимое с причащением нравственное состояние (например, отказ от примирения с раскаявшимся обидчиком). В иных случаях духовник может не запретить,

а порекомендовать человеку воздержаться от причастия в какой-то конкретный день или на некоторый небольшой срок.

Семейные конфликты на тему поста

Соблюдение установленного Церковью поста полезно для души, да и для тела, и поэтому если оба супруга люди церковные и охотно подвизаются, то благо им. Но бывает, у супругов разные мировоззрения, кто-то из них может даже оказаться вне Церкви. Это не может не осложнять их отношений и, бывает, приводит к конфликтам.

Причём часто конфликты провоцирует именно церковная половина. Потому что верующая половина хочет жить церковно, а неверующая хочет жить как привыкла. Но именно верующая половина должна понимать, что муж и жена — одна плоть и они волей-неволей друг друга обременяют. Это так даже при идеально хороших отношениях.

Нужно терпеть немощи друг друга, и это не ограничено сроками — всю жизнь терпеть. А если верующий человек этого не понимает, то получаются споры из-за постов и тому подобного. Но поистине «церковно» — это значит возлюбить ближнего, как самого себя, а не спорить из-за правил.

Хочет муж в пятницу котлетку — пусть верующая жена ему с любовью пожарит; не соблюдает он супружеский пост — пусть супруга вспомнит слова апостола Павла: *Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а [потом] опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим* (1 Кор. 7, 4-5). «По согласию». А если твёрдо держаться формального правила, то под угрозой окажется мир в семье, для невольного пост-

ника возникнет или усилится соблазн блуда, и человек ещё больше отвратится от Церкви.

Поэтому если, как часто бывает, муж немощствует, не выдерживает поста, жена должна ему уступить. Причём не со злобой и укорами, а с естественной супружеской любовью. То же относится и к мужьям в симметричной ситуации (бывает).

Пост — духовное упражнение, полезное для верующих, но к нему нельзя принуждать неверующих. В том, что неверующий человек во время поста ест мясо, хочет близости с законной женой, с его стороны нет греха. Это не должно быть поводом для конфликтов, а часто становится — по вине ревностных не по разуму жён (а иногда и мужей, живущих с неверующими жёнами).

Вот смертные грехи остаются грехами, независимо от того, верит ли человек в Бога. Если муж толкает жену на блуд или заставлял сделать аборт, угрожая, что иначе её бросит, она может с чистой совестью сказать: «Уйдёшь ли ты или нет, блудить и убивать я не буду». За веру бывает нужно постоять. Если муж Бога хулит, пусть жена спокойно, но твёрдо скажет, что думает по этому поводу (но не злится). Навязывать же неверующему человеку то, смысл чего может быть понятен только верующим, неблагоприятно.

А то бывает, что дело доходит до развода! Знал одну семью — жили нормально, пока жена не уверовала и не начала строго принуждать мужа к постам. Он поспорил, повозмущался, а потом ушёл из семьи. А в другой семье муж, зная, что жена будет отказывать ему в близости, всегда начинал пить в пост, чтобы не расстраиваться и усмирить себя. Такое упорство супруги якобы ради поста нелепо.

Как встретить Новый год не нарушив поста?

Не всякому человеку возможно вполне соблюсти пост в новогоднюю ночь. Например, хозяйка дома — церковный человек, а все члены семьи неверующие, и они хотят собраться за домашним праздничным столом, чтобы в полночь поднять бокалы с шампанским. Что же ей, этой верующей женщине, отказаться готовить скоромное и устроить скандал, чтобы все родные утвердились в ложной мысли, что от Церкви Божией происходит зло и разлад?

Мы должны идти не только на скандал, а, может быть, даже на смерть, если нас толкают на тяжкий грех: блуд, убийство и тому подобное. Но гораздо чаще бывают житейские ситуации, где приходится из разных зол выбирать меньшее. И, несомненно, меньшим злом будет, если упомянутая хозяйка дома пригубит вина и съест ложку салата с майонезом (а объедаться или напиваться грешно и не во время поста), чем если она откажется устраивать для родных новогодний стол и тем, кстати, спровоцирует их праздновать Новый год вне дома. В такого рода вопросах сильнейшие должны следовать за слабейшими, и во всём должно быть рассуждение.

Но если мы ничем не связаны, то Новый год можно отмечать так же, как и всякий христианский праздник: помолиться, причаститься Святых Христовых Таин, а уже потом сесть за праздничный, но постный стол.

Как поститься в гостях?

В Мясопустную родительскую субботу положено апостольское чтение, в котором говорится: *Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести. Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, — то не ешьте* (1 Кор. 10, 27–28).

Вот пришли мы в гости к людям, знающим, что мы соблюдаем посты, и знающим, что день постный, но хозяева, презирая церковные уставы, уговаривают нас: «Да ладно, ты же в гостях, ничего страшного разочек пост нарушить». Тут нас сознательно соблазняют, и соблазн усиливается нашим чревоугодием и человекоугодием, поэтому в данном случае пища, чистая сама по себе, становится «идоложертвенным», о котором апостол Павел сказал: «Не ешьте».

Но вот другая ситуация, внешне похожая. Мы в гостях у вовсе нецерковных людей, которые от души угощают нас, не имея намерения соблазнить, а просто не зная о наших правилах. Тут отказаться значило бы смутить их. А если мы при этом в резкой форме укорим хозяев, то сами окажемся соблазнителями. Ведь они, видя нашу гордость и бестактность, могут решить, что такими сделала нас Церковь Божия, которая на самом деле не виновата в том, что мы в пост разгуливаем по светским гостям и пренебрегаем наставлениями святого апостола Павла.

О БРАКЕ И БЛУДЕ

Тело человека — храм Святого Духа

Почему Церковь так щепетильно относится к половой жизни человека? И, кстати, не только Церковь, но и все мировые религии с древнейших времён и до наших дней брак благословляют, а блуд очень строго осуждают, вплоть до ветхозаветных установлений о смертной казни за прелюбодеяние и половые извращения. У царя Давида было 12 законных жён, и это не только не вменялось ему в вину, потому что полигамия в те времена была законной формой брака, но и не препятствовало ему быть святым пророком. А за единственное совокупление с чужой

женой Бог покарал его смертью рождённого от этого прелюбодеяния младенца. Законы и обычаи с тех пор изменились, но суть не изменилась: брак благословляется, а блуд неприемлем.

На вопрос, почему такая строгость, ответ находим у апостола Павла, который пишет: *Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа* (1 Кор. 6, 19). Соответствующее должно быть отношение к телу, как к храму Божьему. Как храм-здание требует к себе особого отношения (не всякому можно в него войти, не всё можно в нём делать, и тому подобное), так и храм-тело человека.

Во времена гонений на Церковь безбожники устраивали в зданиях разорённых храмов и гаражи, и кинозалы, и склады удобрений. Материальные стены это позволяли, но негоже было так поступать. И так же негоже, с религиозной точки зрения, без благоговения, бесчинно относиться к телу человека и использовать его просто для удовлетворения похоти. (Похоть, конечно, всегда и ко всему примешивается, но это предмет для покаяния, а не для возведения в норму или даже идеал.)

Отсюда строгие табу у всех народов относительно половой жизни. И сокровенной она должна быть, не потому что плоха, а потому что священна: через неё рождается человек в мир. И весь этот путь рождения, включающий знакомство, ухаживание, предбрачное общение семей, свадьбу, интимную близость супругов, зачатие, вынашивание плода, роды и воспитание ребёнка — всё это проникнуто глубоким символизмом. О символах в супружеской жизни можно было бы много говорить, но не достаёт сердечной чистоты. Это *для чистых все чисто* (Тит. 1, 15), а нам — связанным греховными страстями — небезопасно направлять своё похотливое внимание на интимную жизнь людей. Скажем только о некоторых символах.

Брак — образ Небесного Царства

Брак — это образ и символ Царства Небесного, единения Христа с Церковью. Как Церковь у Христа одна и Он не устраивает Себе иной Церкви, так и муж должен быть верен жене. И как Церковь хранит верность единому Христу, так и жена должна свято хранить верность мужу.

До пришествия в мир Сына Божия, пока не было на земле единой Церкви, Тела Христова, многожёнство бывало даже у праведников. Но многожество, как образ многобожия, хотя и бывало у язычников, никогда не признавалось и не признаётся теми, кто верует в единого Бога: не только христианами, но и иудеями и мусульманами.

А безбожию свойственно вообще разрушать брак, что мы и наблюдаем в действительности.

Мужское и женское желания

Мужское и женское взаимное желание — момент образа Божьего в людях. Бог хочет спасения человека, хочет излить на него свою благодать, чтобы человек принёс духовный плод. И образом этого является в человеке мужское желание оплодотворять, творить, созидать, учить — вместе с женским желанием принимать семя и плодоносить.

А образом гордой сатанинской потуги заместить собой Бога оказывается незаконная мужская похоть (её проекции на душевный план: самочинное творчество, потуги учить от себя, благотворить от себя) и незаконная женская похоть (её проекции на душевный план: жажда самочинного восприятия творческой силы, стремление к благодатным дарованиям и духовным услаждениям).

Брачные обряды

Образом духовных явлений оказывается традиционный порядок благочестивого устройства земного брака, когда сначала выясняется, будет ли предложение принято,

потом оно делается и принимается, потом бывает подготовка к браку, сам брак и плоды брака — дети.

Брачное предложение — это образ благовестия Христова, которое может быть принято душой (и тогда она невеста Христова) или отвергнуто. Поэтому не случайно, что предложение исходит от жениха и принимается невестой, а не наоборот. По той же причине желательно выяснить заранее, будет ли предложение принято (так оно, судя по литературе, и делалось в прежние времена), чтобы не «разыгрывать» своими действиями отвержение душой Божьего призыва. Когда согласие девушки предуднано и брачное предложение сделано, тогда помолвка — это образ принятия душой призывающего гласа Божия.

Затем следует более или менее длительная подготовка к браку, как и в духовной жизни — ступив на путь Христов, человек не сразу достигает совершенства, образом которого является совершившийся брак, телесное соединение супругов. Дети, телесные плоды, — это образ плодов духовных, как сказано и у пророка Исаии: *Во чреве прияхом и поболехом, и родихом дух спасения* (Ис. 26, 18, в церковнославянском переводе).

Брак и блуд

Если устройство законного брака — это образ принятия и осуществления благовестия Христова, то действия блудника-соблазнителя аналогичны действиям бесов.

Сатана вместо благой вести засылает в душу человека греховный помысел, который нужно сразу отогнать молитвой и собственным волевым усилием. Точно так же и девушка, с которой заговаривает соблазнитель, должна решительно уклониться от опасного общения и в случае нужды звать на помощь. Если она этого не сделает, то возникнут, пока ещё в словах и мыслях, греховные отношения, что аналогично принятию человеком греховного

помысла. В обоих случаях это уже предмет для покаяния, но грех ещё не совершён делом, ещё не поздно остановиться. Если человек не останавливается, происходит то, что в законном браке было бы его вершиной, а в незаконных отношениях является глубиной падения. Вместо принятия благодати Святого Духа, что бывает, когда душа откликается на призыв Жениха — Христа и достигает совершенства, человек, поступивший по внушению греховных помыслов, совершенно теряет благодать и вместо духовных плодов пожинает плоды греха.

Блуд душой и телом

Многим людям кажется, что достаточно не совершать греховных поступков, а сердечное расположение не имеет большого значения. Но это отнюдь не так, и Библия даёт этому важный пример в истории гибели зятьёв патриарха Лота, отказавшихся вместе с ним покинуть Содом.

Перед тем, как уничтожить Содом и Гоморру, ангелы, обращаясь к Лоту, разрешили ему вывести всех родственников, а перечисление их начали как раз с зятьёв (см. Быт. 19, 12). Очевидно, зятья Лота телесно не участвовали в беззакониях содомлян, но душа их не гнушалась грехом, и они не бежали, несмотря на предупреждение о близкой гибели всего города грешников. Внешне не согрешившие, они в глубине души сочувствовали пороку и потому сами произнесли себе приговор — сопричли себя к содомлянам.

Содом — это было давно. А в наше время многие не только неверующие, но и верующие люди, христиане, смотрят так называемую «эотику». Людям кажется, что это пустяки, а ведь когда человек смотрит эротический фильм, он душой предаётся настоящему блуду, а часто — незаметно для окружающих — блудит и телом.

Но Богу отвратителен грех. В житии преподобного Силуана Афонского повествуется, что, когда он в юности

предавался греховной жизни, ему было видение — в его рот заползла змея, и он услышал голос Божией Матери: «Как тебе гадка эта змея, которая заползла тебе в рот, так и мне гадко видеть, что ты делаешь».

Особенный вред от грехов делом

Как ни вредны и опасны страстные помыслы, грехи делом ещё хуже, потому что после такого грехопадения страсти чрезвычайно усиливаются. У преподобного Иоанна Лествичника читаем, что самым тяжким грехом считается ересь, но в то же время еретика, как только он покается, сразу причащают Святых Христовых Таин, а христианина, впавшего в телесный грех (блуд, убийство, грабёж и прочее), отлучают от причастия (после раскаяния!) на несколько лет. (Сейчас мы от причастия редко отлучаем надолго, но не потому, что легче относимся к греху, а потому, что мир вокруг нехристианский, и, подвергая малоцерковного человека длительному запрещению, мы рискуем просто оттолкнуть его от Церкви, а не помочь ему в деле спасения.)

Такое различие связано с тем, что мысленный грех мыслью же и врачуется. Как только исправилась мысль, грех исчезает, приходит в нормальное состояние и сам человек. А плоть наша имеет свою инерцию, и плотские грехи долго помнятся телом даже при желании исправиться и при покаянии. С этой памятью тела бывает несравненно труднее бороться, чем с греховной памятью души.

Поэтому всеми силами нужно избегать впадения в грех действием, быть особо внимательным и никак не соглашаться на всевозможные бесовские уговоры и соблазны — вот, мол, разок попробуй, ничего страшного, Бог милостив. Бог-то милостив, но расплачиваться за свои ошибки приходится иногда всю жизнь.

Особенно это касается блудной страсти. В той или иной форме и степени она есть у всех нас, но, если человек на деле впадает в блуд, страсть становится совершенно губительной, а борьба с ней — очень тяжёлой, иногда безуспешной.

Блудная страсть одна из самых опасных. Мы никогда не должны обольщаться помыслом, что уже избавились от неё. Бывает, что какое-то время она человека не беспокоит. Тогда нужно быть сугубо внимательным. Как только человек возмечтает о себе, что он уже очистился и не способен впасть в блуд, обычно в скором времени он в него и впадает.

ДУХОВНЫЕ ПОДМЭНЫ

Об истинном и ложном блаженстве

Незадолго до Своих крестных страданий Христос возвестил ученикам: *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины* (Ин. 14, 15–17). Это обетование Господа Иисуса Христа ученикам сбылось в день Пятидесятницы. *И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать* (Деян. 2, 4). Люди же, видевшие апостолов, упоенных Духом Святым, недоумевали. *А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина* (Деян. 2, 13).

Человек, исполненный Святого Духа, чувствует великое утешение (недаром Дух называется Утешителем) и даже бывает, по свидетельству святых отцов, настолько охвачен Божественной любовью, что забывает обо всём земном, и тогда его внешнее поведение может стать (хотя и необязательно) таким странным, что окружающим этот благодатствованный человек покажется не упоённым Духом, а опьянённым вином.

Впрочем, как бы он ни выглядел со стороны, такой человек, пребывая в единении с Богом, находится в истинном благодатном состоянии, к которому все мы должны стремиться и о котором молимся по несколько раз в день: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины... прииди и вселися в ны».

Однако необходимо различать благое стремление к самому Духу Утешителю и желание духовных утешений. Это можно пояснить житейским примером: если я сделал сыну подарок, то мне хочется, чтобы он, радуясь подарку, любил всё-таки не подарок, а меня самого. Вот и Бог хочет, чтобы я любил не утешения, а Самого Его — Утешителя.

Желание духовных утешений присуще всем нам. Даже когда человек умом отрицает Бога и сердцем противится Ему, всё же в глубине его души сохраняется, хотя часто неосознанная и тусклая, память о том, как хорошо было Адаму в раю. Не было забот, не было душевной тяжести, не было мук совести, тоски, скуки, одиночества. От всего этого и от многого другого хочется избавиться человеку, хотя бы на время. Всякому человеку свойственно стремиться к блаженству, которое прп. Варсонофий Оптинский называет целью христианской жизни.

Истинный путь, ведущий к вечному блаженству в Боге, — обычно долгий и трудный — состоит в исполнении заповедей Божиих. А есть путь ложный, хотя и более короткий, но приносящий временное греховное удовольствие: употребление алкоголя или другого наркотика.

Конечно, сердечный мир и радость в Духе Святом на этом пути не обретаются, но *вино веселит сердце человека*, как сказано в псалме (Пс. 103, 15). Истинно (от Духа Святого) или ложно (от спиртного), а веселится именно сердце. Принял человек наркотическое вещество — и

вроде бы вырвался из круга повседневных забот, ощутил радость и довольство, почувствовал прилив сил, раскрепостился. На самом деле он на короткое время впал в состояние, от которого предостерегает апостол Павел: *Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом* (Еф. 5, 18).

Происходит нечто, подобное фольклорной ситуации, когда супруг уехал в командировку, а жена скучает без мужской ласки. Она может или потерпеть и дожидаться мужа, сохраняя ему верность, а может заглянуть к соседу, чтобы тот ее приласкал. Всем понятно, что это прелюбодеяние, но так же поступает человек, поднимая настроение «рюмочкой водки». Не случайно одним словом «spiritus» называются и спирт, и дух. Алкогольное опьянение — это подмена упоения Святым Духом и, по существу, есть измена Богу.

Дело в том, что пьянство — это не только форма чревоугодия, как думают многие, а, осознанная или неосознанная, оккультная практика, в ходе которой адепт этой практики вводит себя в некое духовное состояние и обретает некую меру блаженства.

Последствия злоупотребления спиртным и другими наркотическими веществами ужасны, это всем известно, и никто с этим не спорит. Но сама по себе возможность искусственным путём довести себя до экстаза, избавиться хотя бы на время от скорбей многим кажется привлекательной.

Представим себе на минуту, что учёные, наконец, изобрели вещество, дешёвое, вкусное, безвредное, не вызывающее физической зависимости и при этом приносящее ещё большее удовольствие, чем все известные наркотики. Многие были бы рады такому изобретению. Можно даже задаться вопросом: почему до сих пор такое вещество не создано? Что нам не даёт, кто мешает сделать жизнь

на Земле как бы райской? Не даёт Бог. Это Он, желая ввести человека в истинный Рай, бережёт нас от подмены и противится исполнению нашего заветного похотения сделать жизнь сплошным бесплатным удовольствием. Как раз расплатой за пристрастие к удовольствиям, горькими их последствиями Бог и старается отвратить нас от стремления к так называемому кайфу.

Страшные последствия наркомании и пьянства суть проявления милости Божией к обезумевшему человечеству, побуждающие его отказаться от прометеевских попыток сводить с Неба духовный огонь, то есть приводить себя в состояния лжеблаженства. Согласно древнегреческому мифу, Прометей в наказание за свой «подвиг» был прикован к скале, и ежедневно прилетавший орёл заживо терзал его печень. Цирроз печени – имя орла, карающего человека за пьянство. Есть у Господа и другие грозные орлы, посылаемые Им, чтобы отвратить и очистить нас от греха, которого и должно избегать, а мы стремимся избежать только наказаний.

Конечно, Бог не противник человеческой радости как таковой, и Он дарует нам многие духовные, душевные и телесные утешения, которые мы можем принимать с благодарностью. Но именно с благодарностью, не забывая Бога. Если жених приносит невесте цветы, а она, приняв их, жениха не замечает, значит, она его не любит и она не истинная невеста.

Если мы хотим истинно соединиться со Христом (в этом наше от века предназначение), то мы должны больше радоваться Подателю благ, чем самим благам, и пользоваться ими с целомудрием и воздержанием. А от искания запрещённых Богом наслаждений, и особенно от искания состояний ложного блаженства, в том числе от опьянения (даже лёгкого!), да оградит нас страх Божий.

Лучше спасительное страдание, посланное Господом, чем подsunутое бесами губительное наслаждение, как бы оно ни было соблазнительно. Чем оно слаще, тем решительнее его нужно отвергнуть.

Согласие на безблагодатные утешения

Лишённый благодатного утешения человек оказывается перед выбором: искать благодати, надеясь в ней обрести утешение, или искать утешения, хоть какого-нибудь. Подобная коллизия случается и на бытовом уровне. Если жена изменила мужу и за это изгнана из дома, она терпит душевные и телесные лишения и оказывается перед выбором: или искать утешения на стороне и этим закрепить разрыв с мужем, или, отказавшись от всякой подмены истинного семейного счастья, умолять мужа о прощении.

Такой выбор стоял и перед всем человечеством после грехопадения: каяться или обходиться без Бога. Этот выбор был сделан: сначала надели фиговые листья, а изгнанные из рая пошли путём Каина, потомки которого стали основательно устраиваться на земле. Именно они построили первый город (Енох), придумали шатры для кочевья (Иавал), научились играть на музыкальных инструментах (Иувал), обрабатывать металлы (Тувалкаин). Об этом написано в 4-й главе книги «Бытие».

Так же и душа, согрешившая и лишившаяся общения с Богом и поэтому потерявшая благодатные утешения, может или все силы направить на избавление от греха, восстановление богообщения и вследствие этого вновь обрести утраченную радость, или постараться найти утешения, если не благодатные, то «хоть какие». И это согласие на «хоть какие» утешения закрепляет наш разрыв с Богом.

Духовное изгнание

Чем временные радости мешают стремиться к радости вечной? Поясним на примере. Ссылный, хорошо обжившийся на месте ссылки, не так будет склонен тосковать по родным местам, как тот, кто в ссылке обрёл только скорбь, неблагодарный труд и болезнь. Само страдание будет побуждать несчастного обращаться мыслью к утраченной отчизне и искать способы возвращения туда. А счастливый ссылный, пожалуй, и не захочет возвращаться, — само довольство, ощущаемое им на новом месте, будет способствовать постепенному ослаблению и исчезновению сначала тоски, а затем и памяти о родине.

Так это и относительно нашей истинной родины — рая, из которого все мы высланы в мир сей. Суетные мирские успехи и утешения, маня и привязывая к себе, соблазняют нас и отвлекают ум и сердце от Бога. Они помогают нам забыть о нашем духовном изгнании и примириться с отделённостью от Небесного Отца, тогда как страдания, напротив, указывают нам на утрату райского блаженства в перевозданном единстве с Богом и побуждают искать этого единства.

Пьянство и пастырство несовместимы

Возвращаясь к теме алкогольной подмены райского блаженства, заметим, что сказанное о пьянстве, хотя относится, конечно, ко всем христианам, но сугубо — к священнослужителям. И то, что пьянством согрешают слишком многие из нас, никого из нас не оправдывает и не должно успокаивать, *потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими* (Мф. 7, 13).

Ещё хуже, чем даже само пьянство, его почти всеобщее лукавое оправдание. Никто, конечно, ни с амвона, ни с преподавательской кафедры не скажет, что, мол, выпить — это замечательно, лишь бы начальство не заметило и

прихожане не возмутились. А в душе многие именно так и считают. Наказанием за это лицемерие нередко оказываются разбитые семьи самих священников, запрещение в служении, иногда лишение сана.

Но дело не во временных наказаниях, а в нашей вечной участи. Всякий христианин, тем более священнослужитель, должен стремиться к духовному трезвению, к памяти о Боге, к непрестанной молитве. В Евангелии мы читаем: *Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте* (Мк. 13, 35–37). Речь идёт не о телесных состояниях, а о духовных. У нас плохо получается духовно бодрствовать и трезвиться, но нужно каяться, бороться с сердечной спячкой, а пьянство совершенно противоположно духовному трезвению, его можно в этом отношении сравнить с добровольной сдачей в плен во время войны.

В книге «Левит» сразу после печальной истории гибели священников Надава и Авиуда читаем: *И сказал Господь Аарону, говоря: вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с тобою, когда входите в скинию собрания, чтобы не умереть. [Это] вечное постановление в роды ваши, чтобы вы могли отличать священное от несвященного и нечистое от чистого, и научать сынов Израилевых всем уставам, которые изрек им Господь чрез Моисея* (Лев. 10, 8–11). И в притчах Соломона сказано: *Не царям пить вино, и не князьям – сикеру, чтобы, напившись, они не забыли закона и не превратили суда всех угнетаемых* (Прит. 31, 4–5).

Как это было в ветхозаветные времена, так, по сути, осталось и сейчас: нетрезвый телесно человек не способен ни к духовному трезвению, ни к истинному рассуждению, не способен он и научать сынов Церкви (Нового Израиля) идти духовным путём.

Церковь не запрещает употребление спиртных напитков, мы и служим на вине, и благословляем вино для трапезы. Но за трапезой вино должно быть символом духовной радости, а не её подменой, не веществом для возбуждения наркотического веселья. Как же определить меру употребления вина за трапезой? Очень просто: пить столько, чтобы ничего не чувствовать. А если почувствовал «лёгкое опьянение» — это как «сосед пообнимал».

Опьянение всегда произвольно

Как ни странным может показаться, но человек не может опьянеть невольно. Невольно можно отравиться алкоголем, а не опьянеть. Признаки отравления алкоголем известны: сонливость, нарушение координации движений, нарушение речи; при более тяжёлой форме отравления возможно помрачение или даже потеря сознания, галлюцинации, рвота. Если человек нечаянно отравился алкоголем, то он, если сознание не совсем нарушено, постарается скорее лечь спать или, если нужно, обратится к людям за помощью.

В подобных ситуациях иногда оказываются священнослужители, которым приходится потреблять большое количество Святых Таин. Дело в том, что вещество вина в потире, даже когда вино стало Кровью Христовой, сохраняет свои физические и химические свойства. Поэтому священник может почувствовать сонливость или некоторые нарушения мышечной деятельности. В этом нет греха, хотя и нужно стараться избегать таких отравлений: искать помощников в потреблении Святых Таин или готовить их на проскомидии в небольшом количестве — это вопросы чисто практические и везде каким-то образом решаемые; проблема не острее, чем у священников, больных диабетом. Однако если священнику опьяненные симптомы отравления нравятся, то это уже назы-

вается «лёгкий кайф» и заслуживает глубокого покаяния.

Невольно отравившегося человека несправедливо называть пьяным. Пьяным следует называть того, кто описанные симптомы принимает с удовольствием или, тем более, нарочно старается их в себе возбудить. Аналогично, если благочестивую женщину в автобусе кто-то непристойно обхватил без всякого с её стороны повода, и она этому приставанию противится, — то женщина не виновата. Но если она получает от этого удовольствие или даже сама лезет в толчею в надежде на нечистые объятия, то согрешает блудом. Пьянство и есть духовный блуд.

Пьянство и алкоголизм

Следует различать пьянство и алкогольную зависимость. О пьянстве мы уже говорили, но есть пьяницы, которые, если захотят, могут без труда прекратить пьянствовать, как только осознают греховность пьянства или всерьёз испугаются за своё здоровье, а другие, бывает, и рады бы перестать пить, но связаны алкогольной зависимостью. Некоторые из таких людей с Божьей помощью полностью прекращают приём алкоголя, а некоторым это не удаётся: борются с собой, падают, поднимаются, но всё же опять падают и бывают близки к отчаянию.

Отчаиваться никому и никогда не следует. Но, если Бог попустил человеку стать алкоголиком, он должен прежде всего признать, что алкоголизм — наказание ему за легкомыслие, духовную леность и гордость, а признав, стать на путь покаяния, путь смирения, терпения, самоукорения и молитвы. Имея такое прочное основание, человек уже может и должен с Божией помощью прикладывать свои усилия к избавлению от пьянства. А если он не хочет смириться и жить духовной жизнью, а просто хочет избавиться от одной страсти, чтобы удобнее было предаваться другим, это не угодно Богу.

Как спастись закоренелому наркоману

Бывает, что человек, связанный укоренившейся греховной привычкой (алкоголизм, наркомания, рукоблудие и т. п.), искренно верует во Христа и хочет освободиться от своей страсти, но Бог, по особому Промыслу, не даёт ему силы. Есть ли у такого человека надежда на спасение? Есть, но при необходимом условии, что он не будет никого осуждать и будет без ропота, а лучше с благодарностью терпеть посылаемые Богом скорби.

Если пьяница, проснувшийся в сквере без ботинок и брюк, от души поблагодарит Бога за позор и лишение, или наркоман, заболевший СПИДом, примет как должное воздаяние предстоящую мучительную смерть, то они не лишатся милости Божией.

Молитва от пьянства

Принято молиться святому мученику Вонифатию об избавлении от страсти пьянства, потому что он долго вёл распутную жизнь, но потом покаялся и почти сразу принял мучительную смерть от рук язычников за исповедание Христа. Велика была цена свободы от страстей.

Когда мы молимся мученику Вонифатию об избавлении кого-то от страсти пьянства, мы как бы говорим Богу: «Господи, любой ценой, даже ценой жизни его и моей, спаси от власти греха и вечной смерти человека, за которого я молюсь». Но мы обычно не имеем этого в виду и вовсе не хотим ничем пожертвовать ради исполнения своих прошений. Потому так редко они и исполняются.

О НЕСТЯЖАНИИ

С чем придём на Страшный Суд?

В течение своей жизни все мы много чего приобретаем: и телесного, и душевного. Оно скапливается в наших домах, на наших счетах и в наших сердцах. Но в конце концов мы все придём на Страшный Суд — что из того, что мы приобрели, нам пригодится? Телесное не пригодится. Злое нас даже будет мучить и тянуть на дно преисподней. Но и доброе земное (только земное, не ради Бога) нам тоже ничем не поможет. Окажется, что зря мы приобретали и дорожили этим, а надо было собирать сокровища для вечности: милосердие, смирение, любовь.

Суэта засосала наш ум, как болото — незадачливого туриста. Болотные газы омрачили нас, и потому пустым и незначительным нам кажется то, что выходит за пределы земной суеты. Но это самообольщение возможно, лишь пока мы на земле, пока Бог ещё ждёт нашего покаяния. А на Страшном Суде покаяние уже невозможно, там — воздаяние.

Оставь, чтобы обрести

Исполнение даже всех наших земных желаний не может принести сердечного мира, потому что желания растут по мере их исполнения, и гонка эта безнадежна. В конце концов человек, всё приобретая, приходит в отчаяние. Жить становится так хорошо, что и не хочется. А отречение от всего ради Христа приносит сердечный мир и утешение — и временные, и вечные.

На вопрос апостола Петра: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?* (Мф. 19, 27), — Христос отвечает: *Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущей жизни вечной* (Лк. 18, 29–30).

Во-первых, надо остановиться на словах *мы оставили все и последовали за тобой*. Речь ведь идёт не о том, чтобы физически оставить свой дом и семью. Это не всегда бывало; есть много святых князей, воинов, простых мирян, которые внешне вели обычную жизнь, ведь призвание у людей разное. Кого-то Бог делает отшельником, посылает в пустыню, кого-то оставляет подвизаться в миру, кого-то возводит в архиереи и цари — всё это вещи внешние. А внутренне все люди одинаково должны всё оставить ради Христа, то есть отречься от всех страстей, от всех привязанностей ради заповедей Божиих, то есть ради любви ко Христу.

Но если человек всё оставит, то он не только в вечности, но уже и во временной жизни приобретёт во много раз больше. Имеются в виду не только духовные дарования, но и то, что, очистившись от страстей и исполнившись любви к Богу и ближним, человек оказывается окружённым любимыми, родными людьми. Это пока мы погружены в свою злобу, в свою ограниченность, в свои страсти, мы окружены чуждыми нам индивидами.

Воздаяние больше потери

Мы таинственным образом составляем единство, так что, молясь за ближнего, себе приносим не меньшую пользу, а обращаясь ко Христу: «Помилуй меня», — испрашиваем благословение всему миру. Так же и в телесном. Если жертвуем для ближнего чем-то земным, то Господь воздаст больше, чем мы потеряли, или — ещё лучше — воздаст духовно.

Мы напрасно состязаемся друг с другом, ведь всё доброе — в руках Божиих, и мы сами ничего не можем себе ни прибавить, ни убавить, а только можем или своей заботой о временных благах отвергать вечные, или, полагаясь во всём на волю Божию, получать от Него всё

самое лучшее. Быть милостивым — это всегда приобрести, если мы не отказываемся получать вечные блага вместо временных.

Зависть — страсть потаённая

Пока в сердце человека есть гордость, есть в нём и страсть зависти, но она не всегда заметна. Зависть ощущается, только когда кто-то обладает тем, чего я вождедею, но не имею. Такие совпадения бывают не всегда. Если не имею и не вождедею, то не завидую. И если имею то, что вождедею, не завидую. И если никто не имеет того, что вождедею, я тоже не завидую. Поэтому не всегда люди чувствуют зависть.

Чтобы разобраться в вопросе по существу, рассмотрим пример. Если всех людей одинакового общественного положения наградят медалями, а одного из них — грамотой (считаем, что медаль почётнее), он почувствует зависть. Почему? Ведь грамота тоже почётна? Почётна, но в сравнении с медалью — унижение. И у него будет страдать чувство собственной значимости.

Не чувство собственного достоинства, когда человек сердечно помнит о том, что он — сын Небесного Царя по благодати, а коренящееся в гордости чувство значимости, важности, желанности, чувство превосходства перед другими людьми. Оно ядовито сладостно и всем присуще, кроме людей истинно смиренных, исполняющих заповеди о любви к Богу и ближним.

Гордому, если чего-то недодали, значит, его чувство собственной значимости задели, подали знак, что он маленький, нехороший, незначительный. А хочется ощущать (пусть не быть, но ощущать) себя великим, прекрасным и для всех вождеделенным.

Или вот ещё случай. Два человека ухаживают за девушкой, она за одного из них выходит замуж. Другой не только

будет страдать, но ещё и завидовать. Если бы она ушла в монастырь, он страдал бы, но не завидовал. Потому что не было бы момента предпочтения ему соперника.

В первом случае «виновато» начальство, во втором — девушка. Но ведь на самом деле без Божьей воли ничего не происходит, значит, «виноват» перед завидующим Бог. Это важно всем нам помнить, что, завидуя людям, мы всегда восстаём против Самого Бога. Дьявол, Каин, предавшие Христа на распятие иудеи... и мы.

Что же делать? Делать нечего, нужно бороться со своими страстями. Чем меньше мы будем привязываться к суетным земным вещам, тем меньше будет почвы для зависти (то есть богоборчества) с нашей стороны. Чем глубже я понимаю, что земные знаки почёта сами по себе ничто, что важно исполнять своё дело хорошо, важно волю Божию творить, а земная награда не есть истинное благо, тем меньше зависть будет меня мучить, тем успешнее я буду с Божьей помощью с ней бороться. Чем больше я уповаю на Бога в своих земных делах, чем сильнее моя вера в то, что Бог любит нас и для каждого устраивает то, что ему полезно, тем меньше у меня будет поводов для зависти.

До сих пор мы говорили о зависти на житейской почве, когда кто-то оказался предпочтён нам в земных почестях, деньгах, «делах сердечных». Здесь, кстати, есть своя градация. Бывают настоящие житейские радости (рождение ребёнка, счастливый брак, любимая работа) и бывают настоящие житейские скорби (тяжёлая болезнь, смерть близких, например). Зависть, конечно, остаётся завистью, но когда у одного человека ребёнок родился, а у другого умер, тут, по крайней мере, не скажешь, что завидовать нечему. Однако сплошь и рядом люди томятся от зависти, что кто-то имеет более престижную машину, или юбку, или дом большей этажности. Эти

вещи нас не только к Царству Божьему не приближают (это само собой), но и земного-то счастья не дают.

Кроме земного счастья есть, однако, и Божии духовные дарования. Их не назовёшь суетными благами. Почему же не назовёшь? Если Божии духовные дарования присваивать себе, относиться к ним не как к силе Божьей, которая через нас, и в нас, и на нас, преображая и очищая, действует, а относиться как к Богом данным, но своим дарованиям, они становятся в наших суетных душах суетными и вредными. Потому-то Бог обычно особенных духовных дарований нам не даёт или даёт, но от нас же прикровенно, чтобы мы своей гордыней не превратили Божии дары в душевный яд.

А если говорить о вечной участи человека, то вечная участь каждого из нас — исключительно в его собственных руках. Бог всем, всё, в каждый момент времени посылает самое полезное для спасения его души. Тут никогда нечему завидовать. Смириться перед Отцом Небесным, принять от Него всё с благодарностью — это может каждый, в этом никто не обижен.

Сребролюбие — разные смыслы

Сребролюбие в узком смысле — это пристрастие к деньгам; в чистом виде, как у скупого рыцаря в трагедии Пушкина, оно встречается редко. Ведь в нашем естестве, даже падшем естестве, нет ничего такого, что нуждалось бы в накоплении денег. Вот чревоугодие имеет основание в естестве — у нас есть необходимость в питании. Блудная страсть тоже коренится в естественном влечении, хотя и извращает его. Гнев против ближних — это извращение данной Богом человеку энергии, которую следовало бы направлять против греха.

А о деньгах ничего такого не скажешь. Большинство из нас любят деньги не сами по себе, а потому что они,

во-первых, дают нам надежду на приобретение вещей; во-вторых, дают надежду на поддержание высокого статуса в обществе; и в-третьих, мы надеемся, что с помощью денег и в дальнейшем будем обеспечены материально, обеспечены уважением окружающих и будем уверены в своём благополучии на будущее. Вся суть в этом безбожном уповании. В широком смысле, сребролюбие — это упование на внешние вещи, а не на Бога.

Ведь Кто для меня поистине источник блага, Тот и есть мой Бог. А во что я верю как в источник благ, то и есть мой идол. Потому-то и сказал апостол Павел, что *корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10), а любостяжание прямо назвал идолослужением (см. Кол. 3, 5).

Что такое «лишнее»?

В пристрастии к земному обычно упрекают богатых. Однако дело не в количестве денег, вещей и прочей собственности. А в том, что все мы, независимо от доходов, имеем лишнее. Как определить «лишнее»? Это всё, что мы приобретаем не по благословию Божьему, а по страстям.

Вот человек покупает себе стальную ложку, а не алюминиевую, потому что стальная удобнее. И это просто покупка ложки. А если стальная ложка нужна как знак превосходства над людьми, у которых все ложки алюминиевые, то это уже приобретение лишнего.

Человек кладёт деньги на счёт в банке. Это обычное житейское дело. Но в какой мере он надеется, что отложенные деньги предохранят и защитят его от каких-то невзгод, в такой мере не надеется на Бога. И эти деньги — пусть в размере минимальной зарплаты — оказываются ему в осуждение.

Нестяжание в миру

Как можно быть нестяжательным в миру? Конечно, живя не в общежительном монастыре и не в пустыне, мы не можем совсем не иметь собственности, но и в миру, и в пустыне нестяжательный одинаково благодарит Бога, как за приобретение, так и за потерю.

Бедность и богатство — дар и испытание

На первый взгляд, ясно, что богатство — это дар человеку, а бедность — испытание. В земном отношении так оно и есть, с этим и неверующий согласится. Но, с точки зрения вечности, не наоборот ли? Не дар ли бедность, которая, если человек её примет с благодарностью и возложит всё упование на Бога, откроет ему Небесные врата? И не испытание ли богатство? Иногда святые его решительно отвергали. Иногда принимали со страхом Божиим и употребляли по воле Божией. Но любовь к богатству, надежда на богатство — в этом всегда нужно каяться, с этим нужно в себе бороться.

Духовный смысл собственности

Кстати, скажем о духовном понимании собственности. Собственность — это далеко не в первую очередь возможность удовлетворять всё более растущие хотения свои и членов своей семьи. Собственность — это, в первую очередь, поле ответственности, это некая часть мира Божьего, которая вручена Богом человеку-собственнику, чтобы он заботился о ней и за неё отвечал.

Вот почему так опасно несправедливое приобретение: человек захватывает то, что Бог ему не давал, и таким образом противится Божьей воле. Праведное же приобретение — это исполнение воли Божьей. И в оборот материальные средства должны пускаться тоже тогда и так, как это угодно Богу. Если обладатель богатства будет

правильно понимать смысл своего обладания, он станет в молитве, в сердечном единении с Церковью искать ответ на вопрос, как употребить свою собственность, чтобы это было угодно Богу.

Что-то Бог благословит пустить в дальнейший оборот, что-то — направить на свои нужды и нужды своей семьи, что-то благословит отдать бедным, что-то — на церковь, что-то — употребить ещё иным образом. Во всех случаях такой человек будет «богатеть в Бога» (см. Лк. 12, 16–21) и пребудет в мире со своей совестью.

О ГОРДОСТИ И СМИРЕНИИ

НЕ СУДИТЕ И НЕ ОСУЖДАЙТЕ

Иной суд Божий, иной человеческий

Заповедь «Не судите» — не просто запрет, это и указание на то, что мы лишены полноты истинного ведения, что от нас скрыта глубина человеческих сердец. Мы видим поверхность, мы судим внешность, а в Священном Писании сказано: *Приступит человек, и сердце глубоко* (Пс. 63, 7).

Надо ещё учитывать, что у каждого своя мера: что для одного человека может быть восстанием, для другого — падение. Вот, например, двое пришли в театр оперетты: один — некультурный бомж, а другой — монах. О монахе даже неприятно так думать, а некультурный бомж, может быть, вдруг решил: «Брошу пить, буду жить достойно». И на оторванные от выпивки рубли он купил билет в театр — этому радоваться надо, это, может быть, шаг к духовному возрождению.

Кроме того, надо отличать саму действительность от того, что мы думаем о ней. Человек иногда поступает как враг Христов, например: глумится над святыней, дерзко проявляет бесстыдство и тому подобное. Но думать про него, что он враг Христов, — греховное осуждение. Потому что один Бог знает, каков человек на самом деле. А мы не способны распознать реальное внутреннее устройство окружающих нас людей и себя самих.

Бывает, что человек явно и тяжко согрешает делом, а в сердце уже тянется к Богу и начал в душе каяться, хотя внешнее поведение по инерции пока остаётся прежним.

Также и в другую сторону. Внешне бывает всё благообразно, а сердце человека предано греху, и он не впадает в явные беззакония только потому, что пока не представился случай. Человек может спасти утопающего, но делать это ради тщеславия, из ложного стыда перед людьми. Он рискует своей жизнью и, может быть, даже гибнет, спасая другого человека; все его хвалят и восхищаются им, а Бог даже не знает его. Иной суд Божий, иной человеческий.

Именно из-за того, что вечное Божие определение о каждом конкретном человеке скрыто от нас, Церковь не лишает христианского напутствия перед смертью никого из раскаявшихся грешников, в том числе и людей, приговорённых к смертной казни за несомненно совершённые ими тяжкие злодеяния.

Но, предполагая, что люди могут внешне согрешать, а в сердце уже стремиться к Богу, не нужно вдаваться в самооправдание. О себе нужно правильно понимать, что если я грешу делом или словом, то и сердце у меня не в порядке. Если у закоренелого грешника «сердце в порядке», он подобно евангельскому благоразумному разбойнику не оправдывает себя а, безропотно терпя свой крест, непрестанно молится Богу.

Естественная склонность и свобода образа Божьего

Известно, что многие не только физические, но и психические свойства личности могут, хотя бы как склонность, передаваться по наследству. Но это не отнимает у человека свободы. Если человек родился, скажем, в семье потомственных алкоголиков и преступников, то понятно, что у него будет склонность и к преступлениям, и к алкоголизму, но при этом человек сам может этому противиться, может с этим бороться, каяться в этом — и Бог примет его. А может быть, даст ему силы, и он вопреки порочным

склонностям и соблазняющим обстоятельствам не впадёт в тяжкие грехи.

А тем, кто оказался в благоприятных обстоятельствах, не нужно обольщаться. Когда человек родился в хорошей семье с хорошей наследственностью, с хорошим открытым характером, по натуре добрый, потому что все предки у него были добрые, и радушные, и душевно тёплые, и приятные, и он живёт — все ему рады. А когда он придёт на Страшный Суд, неизвестно, что получится. Ему было дано так много, а как он этим распорядился? И если он хорошей наследственностью распорядился плохо, то с него будет за это спрос.

Так что не надо отчаиваться тем людям, которые у себя или своих близких видят какие-то душевные или телесные болезни, трудности в характере, даже порочные склонности, у которых наследственность плохая. Бог смотрит на сердце, судит сердечное расположение человека, а не что-нибудь другое. Ни отчаиваться, ни оправдывать себя не нужно, а нужно молиться, терпеть и никого не осуждать.

Мнительность не безобидна

Все мы в той или иной мере связаны страстью, которая называется мнительностью. Доверяем своим впечатлениям, пережёвываем их, делаем выводы, пережёвываем выводы и так далее. При этом мы очень часто просто по-человечески обманываемся: нам кажется, что к нам хорошо относятся, а на самом деле нет. И наоборот.

Каждый пусть поразмыслит, достаточно ли мы знаем самих себя-то, можем ли мы в своих-то мыслях и чувствах разобраться: когда мы грешим злобой, а когда ревнуем о правде Божией? Когда любим ближнего по заповеди, а когда нас влечёт к нему страсть? Тем более мы не можем знать, что делается в сердцах других людей.

Безосновательные подозрения порой нам нашёптывают бесы, а кое-чему они нас уже обучили, и мы сами, по дурной привычке, слишком придирчиво копаемся в том, кто как к нам относится, осуждаем, обижаемся, понапрасну огорчаемся. Нередко из-за этого расстраиваются отношения между супругами, друзьями, товарищами по работе. Мнительность небезобидна.

Суд над ближними — узурпация Божественной власти

Все мы — за редчайшим исключением — так привыкли нарушать заповедь Божию «Не судите», что это нам кажется не таким уж и большим грехом. Между тем, увлекаясь помыслами суда над ближними, мы пытаемся занять Престол Божий, уподобляясь самому дьяволу, который именно за это низвергнут с Небес.

Одно дело — наши житейские грехи: скажем, два простых человека подрались. А если они попытаются свергнуть законного главу государства и захватить власть, это будет государственным преступлением, за котороелагается суровое наказание. Вот так и мы, когда берёмся судить ближних, то уже не просто мелко грешим, а совершаем тяжкое преступление против Бога и подвергаем себя заслуженному гневу Божию.

Вот представьте. Идёт человек по улице и видит, что кто-то грабит торговую палатку. Открывает уголовный кодекс, листает, смотрит, что за такой поступок грабителю полагается, скажем, три года заключения. Он хватается за грабителя, тащит к себе в подвал, там держит три года, соблюдая для захваченного грабителя положенный в лагерях режим. Что делает этот человек? Он сам совершает преступление, и его могут строго наказать за такие действия. Хотя вроде бы он поступил правильно, наказал грабителя по уголовному кодексу. Только вот он не имел

права этого делать. То же самое происходит, когда мы осуждаем других людей. Нам не вверено судить, нам даровано прощать, а суд — дело Божие.

Может ли христианин быть судьёй?

Самим Господом в Евангелии сказано: *Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены* (Лк. 6, 37). Получается, что христианину нельзя быть судьёй или, скажем, присяжным заседателем? На это следует заметить, что в нескольких местах Нового Завета о суде говорится не только в отрицательном, но и в положительном смысле.

Так, обращаясь к иудеям, которые осуждали Его за исцеление больных в субботний день, Христос сказал: *Не судите по наружности, но судите судом праведным* (Ин. 7, 24). Значит, возможен и праведный суд. Причём в этом случае Спаситель говорил не о Страшном Суде Божиим, а о человеческом рассуждении.

В Первом послании к Коринфянам апостол Павел укоряет их за то, что они подают друг на друга жалобы римским властям, но при этом пишет: *Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные [дела]? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более [дела] житейские?* (1 Кор. 6, 2–3). Конечно, святой апостол не одобрял, что христиане вообще судятся из-за житейских вещей: *И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеее тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?* (1 Кор. 6, 7). Но укоризна здесь относится к истцам, а не к самому суду.

Заповедь «не судите» призывает **не судить о внутреннем состоянии человека** по его внешним проявлениям. К сожалению, для всех нас такой суд очень привычен,

но это дурная привычка, потому что, пока мы судим ближних, мы сами подлежим строгому Божьему суду. А если не только судим, но ещё и осуждаем, то нам грозит осуждение на Страшном Суде. Поэтому со своей страстью к осуждению ближних каждому из нас необходимо бороться.

Но кроме суда над сердечным устройением человека и мысленным осуждением его на вечную муку, которые действительно греховны, есть ещё рассуждение об упомянутых апостолом Павлом «делах житейских». Разумеется, пустынный отшельник, отрешившийся от всего временного и погружившийся умом в глубину сердца в непрестанной молитве Богу, не должен отвлекаться от этого высшего делания ни на что земное. Он, кстати, и по врачам не ходит, и не зовёт полицию на помощь, если нападают разбойники. Удалившись от «дел житейских», он и не судит о них.

Но обычный человек, живущий среди людей, вступающий с ними в различные взаимоотношения, нуждающийся в защите от внешних врагов и от преступников, в лечении на случай болезни и прочее, и прочее — такой человек не должен уклоняться от рассуждения и вынесения оценок по различным житейским вопросам.

Скажем, дочка помогает маме по дому. Должна мама оценить её работу и вынести своё суждение (любящее и ласковое, но всё же суждение), хорошо дочка сделала или плохо? Должна. Если сын нагрубил матери, должен отец дать строгую оценку поступку сына и наказать его? Очевидно, должен. Мало того, если отец так не поступит, то согрешит.

Должен учитель оценивать знания своих учеников и применять поощрения и наказания? Должен (формы поощрений и наказаний мы сейчас не обсуждаем). Такого рода примеры можно умножать, и всё это примеры вполне допустимого и даже зачастую необходимого суждения,

суда, не нарушающего заповедь Божию. Причём люди — родители, учителя, начальники на работе — нередко допускают ошибки в своих суждениях, но это не значит, что они не должны вообще рассуждать и оценивать.

Аналогично и в борьбе с преступностью. Бывает, люди поступают настолько плохо (убивают, насилуют, грабят, например), что общество обязано не только увещевать их, но и силой противостоять злу. Поэтому Бог благословил быть в государстве правоохранительным органам и судебным учреждениям. При этом бывают, конечно, судебные ошибки; бывает, к сожалению, что судьи сами нарушают закон; наконец, законы, как и всё на земле, не совершенны. Но всё же лучше несовершенные законы и несовершенные судьи, чем совершенное беззаконие!

Согрешающим людям, в том числе судьям, нужно каяться в своих грехах, но сами суды — установление Божие, дар Божий немощному и падкому на грех человечеству, чтобы люди хотя бы страхом наказания удерживались от самых тяжких грехов. Судебная система не может очистить мир от преступлений, но она призвана препятствовать тому, чтобы преступление полностью восторжествовало в мире.

Греховное осуждение или благочестивое обличение

Как отличить греховное осуждение от благочестивого обличения? Внешне иногда трудно, а то и невозможно отличить, тем более что злое осуждение часто выражается очень мягко (из лицемерия), а братское или отеческое обличение, по простоте обличающего, — очень сурово. Различие здесь не внешнее, а внутреннее. Когда, желая спасения человеку, любя его, будучи готовым пострадать за него, говорим ему, пусть даже горькую, правду — это богоугодное обличение. А когда без любви,

с превозношением, без готовности пострадать ради спасения этого человека говорим ту же правду — это греховное осуждение.

Он плох, потому что я хорош

Невозможно возлюбить ближнего, кажущегося плохим, как самого себя, кажущегося хорошим.

Когда нас какая-то страсть не беспокоит, мы легко осуждаем ближних, мучимых этой страстью. Осуждаем, потому что не знаем самих себя. Знали бы, в каком мы сами состоянии, не было бы и охоты судить, потому что всякая нечистота, какая есть, она есть и в нас, только не всегда заметна. А если бы мы были святы, то были бы совершенно свободны от осуждения.

«Я стараюсь избежать греха и не в силах избежать его. Много ли времени нужно бесам, чтобы овладеть моей душой, возбудив в ней безудержные похотения? Только Бог меня хранит от смертных грехов, попуская малые падения, чтобы я смирился. За что же мне судить кого-нибудь?» — так все мы должны рассуждать.

Все перед всеми виноваты?

Замечательную мысль, высказанную Достоевским в «Братьях Карамазовых», что «всякий из нас пред всеми во всём виноват», хорошо поясняет старинная история о десяти мудрецах, которые собрались провести вечер за чаркой вина.

Они договорились, что каждый принесёт вино с собой в сосуде, чтобы слить в единый кувшин и вместе черпать из этого кувшина. При этом один из мудрецов подумал, что если он принесёт вместо вина воды, никто не заметит подмены. Но так же подумали и другие мудрецы, и вместо вина в их общем кувшине оказалась вода.

Все мы призваны Богом на духовный пир и должны

принести в сосудах своих сердец вино Божественной благодати, а несём вместо этого воду суеты и пустоты, а то и отраву греха или самогон ложной духовности. Мы не знаем большинства тех, кто вместе с нами вынужден пить то, что получилось, но неужели мы друг перед другом не виноваты за то, что привносим в сотворённый Богом мир?

Косая совесть

Совесть — Богом данное духовное зеркало, в котором мы можем видеть свои недостатки и грехи, чтобы каяться в них и исправляться. Но в зеркале мы видим себя, если смотрим на него прямо. А если поставить зеркало косо, то будем видеть не себя, а других. Так мы по большей части и делаем: перекосив свою совесть, рассматриваем недостатки людей.

Это само по себе доставляет нам нечистое услаждение, а кроме того, на фоне, по нашему разумению, грешников мы кажемся себе лучше. Этим тоже услаждаемся. Если не повернём с Божией помощью зеркало совести прямо, если, отвергнув осуждение ближних, не обратимся к покаянию, то обречём себя на вечную муку.

ПРОСТИТЕ, И ВАМ ПРОСТИТСЯ

Сам прости — потом проси прощения

Если мы с кем-то поссорились, то, прежде чем предлагать мир другому, нужно самим обрести мир, а иначе ссора, скорее всего, только разовьётся. Ведь если я сам не прощаю обидчика, моя просьба о прощении не будет искренней.

Подобно и в наших отношениях с Богом. Замечательно на эту тему высказался блаженной памяти митрополит Антоний Сурожский, что, прежде чем просить прощения

у Бога, нам надо сначала самим Его простить. Звучит парадоксально. Но ведь источником всего, что со мной происходит, является Бог. Люди, и бесы, и все обстоятельства – только орудия Промысла Божьего. Поэтому мы на Бога сильно обижены, Он нередко не по-нашему делает, порой не даёт того, чего мы просим. Так что сначала надо простить Бога и принять то, что Он посылает, а потом уже просить у Него прощения.

Обида в сердце оскверняет молитву

Господь сказал: *Когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши* (Мк. 11, 25). Если мы во время молитвы предаёмся обиде, а тем более если увлекаемся мечтами о мщении, то делаем свою молитву неприятной Богу, она превращается в грех. Обида в сердце разрушает наше единение со Христом, и она не даст нам войти в Царство Небесное. Ведь там все пребывают в любви и единении. Как же мы туда войдём с нашими укоризнами?

Почему так важно прощать?

Прощать жизненно важно, потому что Сам Христос сказал: *Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 14-15).

То, что мы сердимся и обижаемся друг на друга, – это, конечно, проявление нашей гордости, а гордость – корень всех зол и всех страстей, от неё одним махом не избавишься. Но, рассердившись и обидевшись, мы потом опоминаемся. Так вот, опомнившись, христианин должен сознаться себе, что он впал в грех осуждения, тотчас усиленно покаяться в нём, решительно простить обидчика и молиться о том, чтобы сердце совершенно очистилось

от обиды. Нам всегда нужно помнить, что в Царство Небесное войдёт много покаявшихся обидчиков, но не войдёт никто с обидой в сердце.

Почему бывает трудно просить прощения?

Когда человек уже осознал свою вину, но не может обратиться с духом и попросить прощения, это значит, ему представляется, будто его поведение должно быть всегда идеальным и что все так и ожидают от него идеального поведения. В этом случае человеку, конечно, трудно до невозможности сознаться перед другими, что он в чём-то виноват, и попросить прощения. Смиряться надо, но это задача всей жизни, а искренне просить прощения, если в чём-нибудь провинились, это нужно было бы уже сегодня.

Повод помириться

Очевидно, что просить прощения и самому прощать нужно сразу, не дожидаясь никаких поводов. Но ради нашей немощи в Церкви сложились на этот счёт некоторые добрые обычаи и правила. В частности, удобный повод для примирения – Прощёное воскресенье.

Помню, когда я был ещё алтарником, поссорился с одной бабушкой-прихожанкой. Я сейчас даже не помню, и неважно, кто из нас был больше неправ, но я, как человек более пылкий, раньше успокоился и пытался помириться, а она не хотела. Но в Прощёное воскресенье я подошёл к ней, сказал: «Прости меня», и она меня простила. Всё-таки в этот день все настраиваются на нужный лад.

Обязательно нужно примириться с ближними перед причащением Святых Христовых Таин. Ведь когда мы в сердце кого-то осуждаем, это делает нас неприятными Богу. И пока мы искренне не покаемся, причащаться нельзя. Хотя грех осуждения и обиды, на поверхностный

взгляд, небольшой и, казалось бы, не может сравниться ни с блудом, ни с убийством, ни с грабежом, но перед Богом нераскаянная ненависть не лучше убийства.

«Солнце да не зайдёт во гневе вашем»

Условие прощения наших согрешений очень несложное: если мы простим, то и нам простится. И простить надо не только на словах, а и в сердце. Порой же доходит до того, что мы имя Божие используем как ругательство. Слышал такой диалог. Рассерженная старушка кричит другой: «Ну, спаси тебя Господи!» А в ответ: «Нет, это тебя спаси Господи!»

Преподобный авва Дорофей пишет: «Иной не прощает день, другой — два, иной — неделю и более — все такие суть под адом». Человек должен прощать сразу, ведь сказано апостолом Павлом: *Солнце да не зайдёт во гневе вашем* (Еф. 4, 26).

Обольщаться не надо. Сколько бы мы поклонов ни клали, сколько бы мы ни жертвовали на церковь, это ни во что нам не вменится, если не будем прощать. *Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом* (Иак. 2, 13). Поэтому будем надеяться на милосердие Божие, но и сами будем милосердны.

Оставь нам, как и мы оставляем

По несколько раз в день каждый христианин произносит над собой суд, когда читает молитву «Отче наш»: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». То есть, если я прощаю, то и меня прости, а если я не прощаю, то и меня не прощай. Вывод неожиданный, но вполне справедливый: кто же нам мешает простить своих обидчиков? Каждый из нас имеет перед собой чашу благословения (если хочет простить) и чашу проклятия (если не хочет простить) — можно выбрать любую.

Конечно, вполне очиститься от злопамятности даже при всём желании бывает непросто, могут годы и чуть ли не вся жизнь уйти на это. Ну, что ж, надо бороться, каяться в своей гордыне, молиться за себя и за обидчика, главное — себя не оправдывать.

Борьба за полноту прощения

Зачастую бывает так, что человек понимает и согласен, что необходимо простить, старается простить, а полноты прощения не ощущает. Сердце не прощает. А поэтому и помыслы осуждения из осуждающего сердца исходят, по слову Самого Спасителя (см. Мф. 15, 19). Отчаиваться не нужно, но надо каяться и смирать свой помысел.

Когда нам будет ясно, как дважды два — четыре, что нам некого и не за что прощать, это и будет очевидным знаком того, что мы всех простили. Внешне нужно, конечно, стараться, не дожидаясь, пока достигнешь совершенной святости, со всеми вести себя прилично, чтобы не соблазнять окружающих и этим не усугублять свою греховную вину. Но надо помнить при этом, что перед Богом важно только внутреннее.

Справедливость — не в нашу пользу

Всем нам тяжело переносить несправедливость относительно себя, и мы склонны искать справедливости. В этом есть некоторая мера правды, потому что несправедливость, конечно, хуже справедливости. Но и со справедливостью лучше быть поосторожнее.

Вот простой житейский пример. Часто школьники бывают в обиде на учителя, когда им кажется, что он им занизил оценку. Скажем, если девочка ответила, по её мнению, на пятёрку, а получила лишь четвёрку, её это очень возмутит. Но, если та же девочка вообще не выучит урока, а просто спишет у подружки и получит высокий балл, она

уже не будет возмущаться неправдой. Большинство из нас так вели себя в отрочестве, мало что, по сути, изменилось и в зрелом возрасте.

Когда люди бывают к нам несправедливы: не воздают должного за наши добрые дела, или ни за что обижают, или клеветают на нас, — и мы хотим справедливости, давайте вспомним, за все ли наши злые дела (в особенности — за мысли и чувства) мы получили воздаяние? Вообще, если бы нас судить по справедливости, то уже сейчас нужно было бы всех опускать на дно преисподней. *Якоже порт нечистья вся правда наша* (Ис. 64, 6), — писал пророк Исаия. Поэтому лучше не будем искать для себя справедливости в этой жизни. И тем более, не дай нам, Бог, получить справедливое воздаяние в вечности! Лучше будем просить у Бога не справедливости, а милости.

Праведной десницей по левой щеке

Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (Мф. 5, 39), — сказал Господь. Правой рукой бьют по левой щеке, а левой — по правой. За наши злые (левые) дела наказывает нас праведная десница Божия, а за добрые (правые) дела Бог попускает нападать на нас сатане (слева) для нашего смирения. Поэтому, когда нас бьют по правой щеке (то есть мы невинно страдаем), вспомним, как много совершено нами за всю жизнь плохих дел, как много принято греховных помыслов, как много нечистых желаний продолжает гнездиться в сердце, и смиренно подставим Богу левую щеку, сознавая, что, если бы мы имели и тысячу щёк, их не хватило бы, чтобы принять все заслуженные нами удары.

О любви к врагам

В Евангелии сказано: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и моли-*

тесь за обижающих вас и гонящих вас (Мф. 5, 44). Кажется противоестественным любить врагов, но это потому, что наше естество — падшее, ненормальное. Если человек всеми своими мыслями и желаниями обращён к земному, то есть к суетному, временному или, тем более, к собственно греховному, тогда, конечно, любовь к врагам невозможна.

Но, когда человек приобщится Божественной любви, он этой любовью будет любить всех: и злых, и добрых. Для него это будет так же естественно, как естественно матери любить своих детей, хотя они вовсе не всегда её радуют.

Если нас кто-то оскорбил и мы при этом не предаёмся злым помышлениям, а молимся и за себя, и за обидчика, то дух осуждения отступает и Бог нам дарует сердечный мир. Потому что Бог наш милостив. Когда мы умоляем Его о помощи, Он нам помогает, а когда мы молимся за своих обидчиков, мы этим уподобляемся Христу. Он ведь Сам молился за Своих врагов — мучителей и убийц, распявших Его на кресте.

Но любить врагов вовсе не означает оправдывать чьи бы то ни было злые дела, подражать им или потакать. Хотя обидчики своими злыми поступками помогают нашему спасению, но себе они своей злобой вредят, поэтому нам нужно молиться Богу, чтобы Он их исправил, привёл к покаянию.

Чего желать врагам?

Совсем не обязательно желать врагам здоровья и успехов в работе и личной жизни. Желать этого ни для себя, ни для других людей мы не обязаны. Но желать грешнику покаяния, исправления, спасения — это долг каждого христианина. Когда же человек желает другому вечной муки, это бесовское устроение.

Пример такого устройства показан в «Гамлете». Когда дядя Гамлета, убийца его отца, в какую-то минуту раскался в своём злодеянии, Гамлет, собиравшийся его в этот момент убить, передумал, потому что решил: если я его сейчас убью, он попадёт в Царство Небесное, дождусь, когда будет в другом состоянии, чтобы пошёл на вечные муки. И убил потом, и сразу сам погиб. Гамлет — неоднозначная фигура, хотя и считается положительным героем.

Действительно положительный пример приведу не из литературы, а из жизни. У одного человека дочка лет шести лежала в больнице. Подробности не помню — много лет прошло с тех пор, но помню, что там лежали другие мальчики и девочки, и они над ней надругались. Естественно, когда отец об этом узнал, то пришёл в ярость и жаждал отомстить. Но он был человек верующий и после эмоционального всплеска стал молиться, размышлять и осознал, что сатана духовно надругался и над его дочкой, и над теми детьми, которые надругались над ней, и если он сейчас будет предаваться ненависти к тем детям да ещё мстить им, то таким образом сатана надругается и над ним, и это будет его, сатаны, сугубая победа. А если все они покаются, сатана потерпит поражение. Тогда он стал искренне молиться и о своей дочке, и о тех детях, и душа его обрела мир. О судьбе тех мальчиков и девочек я не знаю, но дочка его выросла хорошим верующим человеком.

Друг предал — как может восстановиться дружба?

Надо различать суждение о человеке, личные взаимоотношения с ним и скорбь, которую он мне причиняет. Что касается личных отношений, то они могут и не восстановиться. Например, если один друг предал другого,

то предателя нужно по заповеди Божьей простить и не осуждать, но дружба может и разрушиться, и в этом не будет греха. У нас есть заповедь возлюбить ближнего, как самого себя, но нет заповеди о дружбе. Или, к сожалению, бывает, муж жене изменил, она его простила, но даже если семья сохранится, в их отношениях, возможно, уже никогда не будет былой искренности, доверительности, простоты.

Суд над предавшим другом нужно предоставить Богу по заповеди: «Не судите». А скорбь, которую друг мне причинил, нужно принять, как из рук Божиих, потому что ничего не происходит без Промысла Божьего. И таким образом, мы простим, и Бог нас простит.

О ЗЛОБЕ

Зло бесплодно

Есть притча, замечательно иллюстрирующая бесплодие злобы даже в сравнении с земной корыстью.

Два односельчанина возвращались с ярмарки: бедный — пешком без ничего, а богатый — с возом добра. Богатому захотелось посмеяться над бедным, и он предложил ему весь свой воз вместе с лошадей, если тот всю дорогу до дома будет ползти на четвереньках. Бедный согласился, и так они прошли полдороги. Тогда богатому стало жаль своего добра, и он предложил бедному отменить договор, но тот в свою очередь потребовал, чтобы богатый оставшуюся половину дороги полз на четвереньках за возом. На том и порешили, а когда приехали в свою деревню, то спросили друг друга: «А зачем же мы с тобою ползали?»

Их сделки, на первый взгляд не лишённые разумности, результатом имели бесплатное хождение на карачках, потому что платили односельчане не за вечное или хотя

бы временное добро, а за злое удовольствие от унижения ближнего.

Враги сами себе

Злоба делает нас врагами самим себе, так что мы порой готовы даже пострадать, лишь бы ближнему не было хорошо. Есть такая притча. Царь сказал человеку: «Проси. Я исполню любое твоё желание, но соседу сделаю вдвое». И человек, подумав, ответил: «Государь, прикажи вырвать мне глаз».

Пристрастие к злобе

Почему же мы предаёмся злобе, раз от неё нам одни беды? Дело в том, что злые слова, злые мысли, гнев доставляют человеку какое-то извращённое удовольствие. В этом бывает стыдно сознаться даже самому себе, поэтому обычно человек, как будто искренне, не замечает в себе этого тайного удовольствия. Но, если бы его не было, никто бы и не предавался гневу и злобе.

Что значит быть гонимым за правду

Великая милость Божия к человеку — когда он сподобится пострадать за исповедание Христа или за исполнение заповедей Божиих. *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5, 10). Но всегда ли мир нас ненавидит именно за нашу веру и добродетели, а не за нашу злобу, наше ханжество, наши нелепые и греховные поступки? Большая разница: быть гонимым за правду или за свои собственные грехи. Если я кого-то в гневе обругал безбожником и человек меня возненавидел, то эта ненависть вовсе не награда мне за исповедание веры, а наказание за злобу и нераскаянность.

Помню, одна женщина жаловалась мне, что дочь с ней перестала разговаривать. А причина оказалась в следую-

щем. Дочь пришла в гости к матери, а та в это время читала акафист и не открывала дочери дверь, пока не окончила. Она так поступила, потому что считала, что нельзя прерывать беседу с Богородицей (так она оценила своё молитвословие) ради общения с дочерью. Но дочь, долго простояв у двери, не оценила такого усердия матери.

Мы должны стараться не раздражать ближних и не вводить их в искушение. Вот если исполнимся любви к Богу и ближним, а они по Божьему попущению восстанут на нас, а мы не обидимся на них и не возропщем на Бога, тогда к нам будут относиться слова Спасителя: *Блаженны изгнанные за правду.*

Во гневе — молчи

Иногда бывает необходимо сделать кому-то замечание. Старшие даже обязаны делать замечания младшим, иногда и наказывать должны. Но не раньше, чем пройдёт гнев на этого человека. Пока мы сами находимся в искушении, ничего не нужно ни говорить, ни делать.

Иногда оправдывают свой гнев на человека тем, что он уж очень плохо поступил. Не нужно оправдываться. Гнев — это страсть того, кто разгневался, его она и губит. Независимо от поведения других людей.

Хорошо бы вообще не гневаться на людей. Но если человек кается в своей гневливости, то постепенно смиряется и приобретает духовный опыт. Если же мы гневаемся и оправдываем свой гнев, это гораздо хуже самих по себе гнева и злобы.

Наш кроткий Бог

Господь скромен и кроток. Он не имеет ничего общего с нами, когда мы злобствуем, и тихо отступает от нас. Так бывает и в человеческом общении — тонкий, благородный человек чуждается грубой среды.

Конечно, Бог призывает к покаянию, создаёт обстоятельства, смиряющие нас. Всегда готов принять Своих блудных детей. Но насильно никого не переделывает. Если мы не захотим исправиться в этой временной жизни, то так навечно и останемся со своей злобой.

Как бороться со злобой?

Есть общий святоотеческий совет, как бороться со злобой, да и вообще со страстями.

Во-первых, нужно стараться удержаться от действия по страсти. Бывает, нет душевных сил, а бывает, какую-то силу Бог даёт. В меру данной Богом силы нам и нужно, и очень полезно постараться удержаться от действия по страсти. Например: хочется кого-то отругать — промолчи; хочется с кем-то пококетничать — уйди; и тому подобное.

Во-вторых, отцы советуют разгневаться на страсть. Конечно, энергия гнева и дана человеку Богом, чтобы противостоять греху: отгонять демонов, укрощать страсти, иногда — во исполнение воли Божией — и грешника сокрушить. Но «разгневаться на страсть» не всякому посилено. Разово это может получиться — ну и хорошо. Но иметь такое делание в качестве постоянного может только человек, весьма преуспевший в молитве и смирении. Иначе бесы посмеются над ним. Тут необходима осторожность.

В-третьих, нужно конечно молить Бога о помощи.

В-четвёртых, рекомендуется делать противоположное страсти. То есть, например, когда хочется кого-нибудь обругать, вместо этого сделать ему что-нибудь приятное и помолиться за человека, против которого закипела злоба. Чем такое противоречивое поведение отличается от лицемерия? Если признавать свою приятную улыбку при сердечном смущении за благочестие, то это будет лицемерие. А если я укорю себя за страсть, но стараюсь

не подать виду окружающим, чтобы их не смутить, то это не лицемерие, а борьба со страстью. Тщеславие здесь тоже, конечно, примешивается — и это тоже предмет для покаяния.

О ТЩЕСЛАВИИ

Чем так плохо тщеславие?

Не всем, может быть, понятно, чем так плохо тщеславие. Человек делает добрые дела, и ему хочется, чтобы люди его за них хвалили — что тут такого? Почему Христос, обличая гордых иудеев, говорил: *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?* (Ин. 5, 44). Здесь тщеславный назван даже неверным. Почему? Ответ на этот вопрос находим в Послании святого апостола Иакова: *Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4, 4).

Вот и представим себе для примера, что во время Великой Отечественной войны по Москве среди бела дня стал бы разгуливать человек с нацистским орденом на груди. Недолго он погулял бы. Даже если бы этот орден был им заслужен какими-то добрыми человеческими качествами (например, смелостью, самоотверженностью и т. п.) — всё равно, знак славы, принятый от врага, был бы знаком неверности. Так же и тщеславие, то есть сердечное желание славы от суетного и в своей суете противящегося Богу мира, свидетельствует о неверности человека Богу.

Доброе дело — искать славы от Бога. Если же не Бог, а только люди нас прославляют, такой безбожной славы нужно избегать. А когда мы не в силах избежать суетной мирской славы, то нужно её стыдиться и уж ни в коем случае не радоваться ей и тем более не гнаться за ней.

**Тщеславием
обесценивается наше добро**

Гордый человек не способен видеть свою добродетель без самодовольства и превозношения. Поэтому бесы тщеславия стремятся обратить наше внимание на наши добрые дела; например, влагают помыслы, что вот, мол, я много тружусь ради Господа, все свои силы и всю свою душу отдаю Церкви, и т.д. и т.п. А как только мы согласимся с такими помыслами, так и получаем, по слову Спасителя (см. Мф. 6, 16), временную и суетную *награду свою* за добрые дела, вечную же пользу, которую могли бы от них иметь, теряем. Что моль для одежды, то тщеславие для добрых дел.

Бывает, что нас хвалят не помыслы, а люди. Спорить с ними из-за этого не стоит, а то будут хвалить ещё и за скромность, но в душе нужно считать похвалу искушением и просить у Бога помощи в борьбе с тщеславием.

Если же мы не только услаждаемся самохвалением, но ещё и осуждаем кого-нибудь, то полностью губим все наши духовные приобретения. Как бы ни были замечательны и приятны людям наши добрые дела, сколько бы мы ни возносили молитвословий и совершали других внешних подвигов, осуждение нами ближних делает нашу добродетель в духовном плане бесплодной. Это потому, что увлечшийся гордыней человек плотно замыкает себя в своей самости, и простор Царства Небесного остаётся вне его.

Мы спасаемся не делами — спасаемся одной только милостью Божией. К ней и должны быть обращены наши сердца, а не к собственным, пускай и добрым, делам.

**Помыслы хвалят —
мягко стелют, да жёстко спят**

Если мы принимаем хвалящие помыслы и не каемся в них, то за этими на первый взгляд неважными искушениями

последуют искушения плотские. Если не опомнимся — то греховные поступки, а затем и тяжкие падения. Господь попускает нам их, чтобы смирить нашу гордыню. Лучше, конечно, не доводить дело до падения, а просто смиряться по-хорошему.

Пристрастие к почёту

Когда люди обращаются к нам за советами или ещё в какой-то форме проявляют своё уважение, это приятно питает чувство самодовольства. Тщеславное сердце охотно принимает и удерживает в себе помыслы о собственной значительности, опытности, даже мудрости и особой благодатности.

Привыкнув к почёту, мы, если нам его вдруг недодают, начинаем раздражаться, завидовать тем, кому, как нам кажется, перепал причитавшийся нам почёт. Мы привязываемся к тщеславной отраве буквально как курильщик к табаку. И с этой душепагубной зависимостью нужно, конечно же, бороться, ни в коем случае себя не оправдывая.

В действительности, когда человек всем сердцем обращён к Богу, люди к нему сами тянутся, Бог располагает их сердца к такому человеку. А если мы склонны упиваться человеческой славой, то Бог по Своей милости лишает нас её, чтобы мы смирились. (Бывает, конечно, что Он и смиренного оставляет в неизвестности, но смиренный не скорбит от этого, а радуется.) Если же мы любим человеческую славу и Бог нас не лишает её, то стоит задуматься: не оставил ли Он нас, видя наше решительное нежелание исправляться.

Горе человеку, имя которого выше дел его

Тщеславие — общая наша беда. Оно расхищает сердце человека, оставляет нас духовно бесплодными. Известен

рассказ о девушке, которая творила много добрых дел, и все её за это хвалили. После смерти девушка явилась в видении своей знакомой — явилась плачущей и несчастной. Знакомая спросила: «Почему тебе так плохо, ведь ты жила добродетельно?» Та ответила: «Жила-то я добродетельно, но все меня уважали и хвалили, а я принимала эти похвалы».

Преподобный Варсонофий Великий говорил, что горе тому человеку, имя которого выше дел его. Эту же мысль, укоряя самого себя, не раз повторял преподобный Макарий Оптинский. Святые отцы старались скрывать свои добродетели, избегали славы и похвал. А мы, наоборот, стараемся изо всех сил, чтобы люди думали о нас лучше, чем мы есть на самом деле.

Отчасти мы правы. Если бы мы вдруг увидели себя и окружающих без прикрас, такими, каковы мы в действительности, то от стыда воскликнули бы *горам: падите на нас!* и *холмам: постройте нас!* (Лк. 23, 30). Это был бы уже Страшный Суд.

Нам непосильно бремя дарований

Заповеди Божии кажутся нам тяжкими, потому что их исполнению противятся наши душевредные привычки и желания. А вот духовные дарования привлекательны для нас. Как бы хорошо, скажем, иметь дар исцеления — исцелил бы всех знакомых и родственников! Или дар чудотворения — всех бы удивил! Только что потом делать с непомерно разросшимся тщеславием, которое как раз и любит питаться явными добродетелями и вообще всем, что выделяет нас из общей массы людей.

Или — ещё хуже — дар прозорливости. Бог может всякому человеку дать такой дар, и человек этот будет видеть всё, что происходит в душах людей. Но чтобы видеть это и не впасть в осуждение, не возненавидеть своих ближних,

нужна великая мера любви и смирения. Слава Богу, что мы не имеем этого дара, — он был бы непосильным бременем для нас.

А про заповеди Божии Сам Христос в Евангелии говорит, что они не тяжки. И не только не тяжки, не придают человеку, но даже поднимают, возвышают того, кто решается их исполнять.

Правильное отношение к Божиим дарованиям

Иметь духовные дарования и хотеть духовных дарований — вещи очень разные. Однажды к преподобному Пимену Великому принесли больного мальчика, но знали, что старец по смирению откажется исцелить его. Тогда монахи сделали вот что. Они начали по очереди благословлять мальчика, потом говорят Пимену: «И ты благослови». Он стал отказываться. Но монахи стали уговаривать его: «Неудобно — мы все благословили, ты тоже благослови». Пимен благословил — и мальчик тут же исцелился.

Преподобный Пимен был исполнен Божественной любовью, и любовь эта действовала в нём и через него и совершала исцеления. А тщеславия в преподобном Пимене не было, и он, веруя, что Бог может и без него исцелить, по смирению хотел устраниваться от совершения чуда.

Гордость — корень всех страстей

Гордость и тщеславие

Не все знают разницу между гордостью и тщеславием. Тщеславный в душе своей излишне заботится о том, как он выглядит перед людьми, а гордому иногда бывает всё равно, как о нём люди думают, ему достаточно того, что он сам о себе высокого мнения. Преподобный авва Дорофей рассказывает об одном монахе, который, по-видимому,

с полным равнодушием переносил оскорбления от со- братьев. На вопрос, что он помышляет в то время, когда братия его оскорбляют, тот монах ответил: «Я думаю, что это лающие псы». Что может быть хуже такого устройства!

Гордость надо ещё суметь распознать (в себе, а не в других; в других мы легко распознаём все страсти, кото- рых даже нет). «Признаки гордости суть уничижение или презрение ближних и нерадение об исповеди, а сама по себе гордость человеку неприметна», — пишет святитель Игнатий (Брянчанинов). Тут идёт речь о гордости как о специфической страсти, а так она — основа и источник всех страстей.

Источник всех страстей

Есть одна древняя восточная притча о старике, который пришёл к врачу, рассказал о своём недомогании и в ответ услышал, что причина недомогания — старость. Больной рассказал ещё о нескольких симптомах и услышал от вра- ча то же самое. Наконец, больной возмутился и восклик- нул: «Я надеялся услышать от тебя наставление, как мне лечиться. А ты обо всём твердишь только "от старости"!» На это врач ответил больному: «Уважаемый, уверяю Вас, что и раздражительность Ваша тоже от ста- рости».

Относительно телесных болезней врач из притчи был не совсем прав. Не все болезни вызваны старостью. Но у духовных недугов действительно один корень — гор- дость. Только гордость человека причина того, что им владеют сребролюбие, плотоугодие, тщеславие и все дру- гие страсти.

Превозношение — причина падений

Святой Иоанн Лествичник писал: «Где случилось паде- ние, там предварила гордость». Когда мы превозносим-

ся своими мнимыми или даже действительными добродетелями, Бог, чтобы привести нас в чувство, зачастую использует плотскую брань, как бич для нашего вразумления. «На то и щука, чтобы карась не дремал», — говорит русская пословица. На то и блудные искушения, чтобы самодовольство не убаюкало нас до вечной смерти. А если мы и от искушений не смиряемся, то попускается нам впадать в тяжкие грехи уже не мыслью, а делом, чтобы мы перестали пересчитывать в уме свои добрые, как нам кажется, дела, поступки и качества.

Сам же Господь хочет и готов помочь нам подняться. Но захотим ли мы принять Божию помощь — зависит от нас. Если мы находим причину своих грехопадений вне себя: кто-то нас соблазнил, обстоятельства как-то сложились — в общем, что-то внешнее явилось причиной, значит, урок не пошёл впрок. И, как говорил блаженной памяти Патриарх Алексий II, «непонятливым урок повторится».

На самом деле, нужно не искать виноватых, а признать причиной грехопадения только собственную гордость, не оправдывать себя, а искренне укорять, но и не отчаиваться. Тогда Господь явит нам Свою милость.

Гордимся — и теряем благодать

Гордость — это пьянство нищего. Как нищий, бывает, весь день понемногу собирает подаяние, а потом кто-то опаивает беднягу и у пьяного отнимает всё собранное, так и гордые помыслы, которые мы соблазняемся принять, лишают нас благодати, которую мы получаем от Бога, терпя скорби, подвизаясь в воздержании и совершая добрые дела.

Не обещай, а проси

В Евангелии от Матфея есть такие слова Спасителя: *не клянись вовсе... потому что не можешь ни одного волоса*

сделать белым или черным (Мф. 5, 34–36). Мы должны знать свою немощь и не обещать Богу ничего. Мы можем у Него только просить.

Если мы имеем какие-то дурные привычки, какие-то греховные немощи и хотим от них избавиться, то будет ошибкой, например, обещать Господу: всё, Господи, больше не буду пост нарушать. Само по себе хорошо, что человек хочет исправиться, а вот то, что он так обещает, это следствие его духовной неопытности. Впрочем, неопытность, если человек хочет смиряться, исправима с Божьей помощью, — один, два, десять раз ошибётся человек в надеждах на свои собственные силы, но познает свою немощь и уже не будет обещать, а будет просить Бога дать силы исполнять Его заповеди и церковные установления.

Кого за что благодарить?

Вера в свои силы порождает благочестивое на первый взгляд переживание, что исполнение заповедей и соблюдение, скажем, поста — это мои дары Богу. При таком настроении человек, если сделает что-то доброе, в сердце хвалит себя (да и как же не хвалить того, кто принёс дар Богу!). Тогда как на самом деле и полная свобода от страстей (духовное совершенство), и всякое, даже маленькое, доброе дело — это не наши дары Богу, а Божьи дары нам. Похвалы же заслуживает не тот, кому дарят, а тот, кто дарит.

Поэтому благоразумный христианин если сделает какое-то доброе дело, то благодарит за это Бога, а самохвальные помыслы обличает как ложные и старается покаянной молитвой отогнать их. Если же ему случится по Божьему попущению согрешить, то благоразумный христианин хотя и скорбит о совершённом им зле, но не отчаивается.

Когда человек, совершив грех, впадает в отчаяние, это не означает его великой ревности о добродетели, а означает, что он раньше услаждался гордыми мыслями и чувствами, а теперь, пав, лишился этой нечистой сладости и скорбит о таком лишении. А нужно ему, упившемуся ядовитым сиропом самомнения, испить горькую, но отрезвляющую чашу скорби от грехопадения; испив её, не задерживаться в грехе, восстать покаянием и за всё (за поущение пасть — тоже) благодарить Бога.

Гордость исполненным правилом

Вот типичное самоукорение человека перед причастием: «Я плохо подготовился: молитвы не все вычитал, в среду по забывчивости кусок рыбы съел». Всё вроде бы правильно... А если все молитвы вычитал и ел только растительную пищу, значит, хорошо подготовился? Значит, можно удовлетворённо признать: «Вот я прочитал все каноны, все молитвы, постился неделю и теперь, очищенный и достойный, приступаю к Святым Тайнам»?

На самом деле, конечно, нужно посильно исполнять установленные Церковью правила, без них невозможно устройство духовной жизни; самочинный отказ от них — проявление гордости. Безусловно, необходимо каяться в чревоугодии, невнимании к молитве, в лени. Но, и всё исполнив, никто из нас — рабов ничего не стоящих (см. Лк. 17, 10) — не делается достойным Причастия. Достойными мы становимся, когда в смирении приступаем к Святым Тайнам, когда видим свою удалённость от Бога, но жаждем приблизиться к Нему. От Причащения мы как раз и ждём духовных благ, как раз и надеемся соединиться с Богом, исправиться и очиститься.

А если человек считает себя достойным причастия, если думает: вот я хорошо подготовился, очистился, теперь могу в чистый сосуд своей души принять Святые Тайны,

то это признак духовной неопытности, самообольщения или даже бесовской прелести. Если с такими мечтаниями дерзнуть приступить к Чаше, то можно причаститься себе в осуждение, вызвать на себя гнев Божий.

Есть ли во мне гордость — как узнать?

Есть много людей, которые только говорят о себе, что они грешники. Есть немало таких, которые честно думают о себе, что они грешники. Наша гордость легко проверяется. Одни люди нас хвалят, другие оскорбляют. Если хвалящие приятнее для нас, чем оскорбляющие, то этим и подтверждается, что в наших сердцах пока ещё гнездится гордость, хотя мы и боремся с ней. Но очень мало людей, которые не только трезвым умом понимают, а в глубине сердца искренне переживают себя грешниками.

Путь к обретению смирения, по слову Варсонофия Великого, состоит в том, чтобы «принимать бьющего как греющего». Конечно, мы не способны сразу обрести такое устройство. Поэтому начинать надо с внешнего — не роптать на неприятности, которые Бог нам посылает, сдерживать свои греховные проявления и стараться не враждовать, не злиться, не обижаться на тех людей, которые причиняют нам вред или беспокойство.

Здесь уместно вспомнить описанную у Иоанна Лествичника жизнь преподобного Исидора, который, предавшись в полное послушание старцу, был поставлен при монастырских вратах с тем, чтобы падать в ноги каждому со словами: «Помолись обо мне, я бесноватый». Придя со временем в великую меру святости, преподобный незадолго до своей кончины поведал, что первые несколько лет он с огромным трудом исполнял послушание, а потом действительно почувствовал, что нуждается в молитвах ближних, и уже искренне просил молиться о нём.

Место Бога в наших сердцах занято идолом «Я»

Для душ наших очень полезно, когда люди нас ругают. Но мы этой пользы обычно не получаем, потому что ропщем на обиды. И это возмущение обидчиками проникнуто даже некоторым религиозным пафосом, ведь у каждого из нас в сердце есть святое место, предназначенное для Бога, но занятое вместо Бога идолом «Я».

Когда меня не почтили, не оценили, чего-то лишили или унизили, то этим не почтили и оскорбили моего идола. Сам я ему поклоняюсь и, естественно, жду того же от окружающих. Поэтому не желающий поклониться моему идолу — безбожник, отвергающий моё божество. Только зря мы так ревностно (иногда даже жертвенно) служим своей гордости: она и в этой жизни часто нас подводит, а в вечности просто погубит.

СМИРЕНИЕ ПРИВЛЕКАЕТ И ХРАНИТ БЛАГОДАТЬ

Начальное смирение

Истинное смирение — великая духовная мера, стремиться к которой будем всю жизнь, но смиренное признание того, что душа поражена грехом и по правде Божией заслуживает и вечной муки, и временных страданий, нужно уже сейчас. Это и есть необходимое начальное смирение.

На вопрос аввы Дорофея: «Отец мой! нет ещё того, чтобы я считал себя ниже всей твари, но когда испытываю свою совесть, нахожу себя заслуживающим того, чтобы считать себя ниже всей твари. Неужели и это поругание от демонов?» — преподобный Варсонофий Великий ответил: «Брат! теперь только ступил ты на правую стезю. Вот самая истина. Бог да приведёт тебя в ту меру, чтобы считать себя ниже всей твари».

Вот начало пути покаяния. Человек должен, испытывая свою совесть, признать себя ниже всей твари. Конечно, это только начало. Умом христианин познал истину, но чтобы смирилось сердце — до этого ещё очень далеко. Но если и этого нет, если человек, пусть даже верующий, не только сердцем чувствует, но и мысленно полагает себя лучше кого-то и заслуживающим чего-то, то этот человек на путь покаяния ещё не стал.

Смиряться, а не смиреннословить

О том, что нужно почитать себя за ничто, пишут в тех или иных выражениях все святые отцы, когда касаются вопроса о пути человека ко спасению. Но пытаться самому себя уговорить, внушить себе самоуничужение, приучить себя к мысли «я хуже всех» — это неверный путь. Всякое самовнушение непрочно и неглубоко, для обретения истинного сердечного смирения оно ничего не даёт. Внутри остаётся гордыня, а на поверхности души — корка из смиреннословия, которая только мешает человеку видеть свою гордость и, следовательно, способствует её разрастанию.

Путь покаяния, в самых общих чертах, состоит в том, что человек посильно старается исполнять заповеди Божии, безропотно терпит всё находящее и старается, насколько Бог даёт памяти, молиться. (Само собой подразумевается участие человека в церковных таинствах.) На этом пути и обретается спасительное смирение, а искусственные приёмы только мешают.

Благодать — благопризнательному сердцу

Святые имели благодать, но так про себя не думали, считали себя ничтожными и духовно нищими, что и делало их путь безопасным. «А кто думал иметь благодать, — пишет

преподобный Макарий Оптинский, — тот был водим гордостью и обольщался».

Но, если имели и ощущали действия благодати, почему нельзя было так думать? Преподобный Симеон Новый Богослов пишет: «Приходит благодать Божия в человека, хотя нечистого и скверного, но имеющего сердце истинно благопризнательное. А истинная благопризнательность есть то, чтобы сердцем признавать, что благодать есть благодать». Благой дар Божий, а не плод моих трудов. Истинно смиренный облагодатствованный человек несомненно (как дважды два — четыре!) знает и чувствует, что действие в нём Божией благодати не обусловлено ничем, кроме Божией любви. Ни его подвигом, ни молитвой, ни смирением — вообще ничем его. «Сам я пуст и нечист, и ничем не заслуживаю действующей во мне Божественной благодати», — так не только в мыслях, но и в глубине души видит он себя.

Кто о себе думает, что он человек духовный и поступает всегда, как должно, таким своим гордым думанием уже согрешает, даже если внешне безукоризнен. Но это ещё гордость житейская, а ведь бесы не стыдятся внушать нам, что мы святые, приблизились к Богу. Принятие таких помыслов означает, что мы приблизились не к Богу, а к пропасти гибели.

Видеть мерзость запустения в сердце

Сказал Господь: *Гофе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф. 23, 27). Так и мы внешним благочестием красим гробы своих душ, вместо того чтобы заглянуть внутрь и увидеть на святом месте мерзость запустения. А ведь ясно из Евангелия (см. Мф. 24, 14–30), что когда

увидишь мерзость запустения на святом месте, то есть в своём сердце, тогда близко пришествие Христово.

Смотри вперед, а не назад

Если мы, оглядываясь на прожитую жизнь, видим, что становимся всё лучше и лучше, что сегодня побеждаем страсти, которые побеждали нас вчера, то нужно не радоваться, а опасаться — не сошли ли мы с правого пути. На правом пути человек всё глубже познает свою греховность и одновременно милость и силу Божию. Всё глубже познавать надо, а сравнивать (оглядываться на прожитую жизнь, чтобы гордиться своим преуспеянием) не надо, как и апостол Павел писал: *Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14).

Как принести духовные плоды

Сказал Господь: *Кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5). И значит, любое дело, даже, по-видимому, доброе, если совершается человеком без Божественного соучастия, оказывается ложным, даже, можно сказать, антихристовым делом. Так как антихрист — это тот, кто «вместо Бога».

Однако понимание того, что мы сами без Бога ничего хорошего сделать не можем, должно быть опытным, а не только книжным. Если человек прочитал где-то, что он сам ничего хорошего сделать не может, и опустил руки: ну не могу и не буду ничего делать, то это пагубное нерадение, а вовсе не спасительное смирение.

Мы все свои силы должны положить на то, чтобы потрудиться над своей душой, должны стараться делать добро, поступать по заповедям, приучать себя к молитве.

И вот когда на опыте убедимся, что ничего как следует у нас не получается (а у Бога через нас получается), когда познаем свою немощь (и силу любящего Бога), когда ощутим полную безвыходность своего положения (если Бог Сам не вмешается), тогда поймём, что поистине нужно только одно — быть в единстве со Христом («пребывает во Мне, и Я в нём»), и тогда принесём много плода.

Побежишь

от искушения — лишишься спасения

Один молодой человек пришёл к старцу и сказал: «Отче, я помолился Богу, чтобы меня оставили страсти, и теперь я чувствую мир в душе». «Безумец, — ответил старец, — иди и молись, чтобы вернулись к тебе страсти! Пока они действовали в тебе, ты смирялся». И он пошёл, молился — и спасительные, смиряющие искушения вернулись к нему.

Если в нас замолчат страсти, мы можем возомнить себя почти святыми. Но чем эта «святость» кончится? Наступит Страшный Суд, откроется всё, как оно есть, а исправляться будет поздно. Вот почему не нужно бежать от искушений, они нам необходимы, через них мы познаём свою немощь, смиряемся и обретаем возможность покаяния и спасения.

Кротость и смирение Пресвятой Девы

Когда Архангел возвестил Пресвятой Деве, что Она станет Матерью Богочеловека, Мария не возгордилась, не подумала, что избрана на такое великое служение за особые заслуги и качества характера. Столь велико было Её смирение, что и мыслей таких в голову не пришло. И такова была кротость Пресвятой Девы, то есть покорность воле Божией, что Она не стала отказываться от непосильного для человека избрания быть Матерью Бога и только сказала: *Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему* (Лк. 1, 38).

Если бы мы на своих жизненных путях тоже руководствовались не гордыней, а желанием исполнить волю Божию, то за важные, значительные дела, которые нам доверены, принимались бы со смиренным сознанием своего недостойнства, со страхом Божиим, сознавая, что лучше послушно взяться за порученное Богом дело, чем своевольно отказаться от него под предлогом немощи. Не будучи же призваны Богом к великому и славному в мире сем, мы шли бы простым жизненным путём, благодаря Бога, а не завидуя тем, на кого возложены более тяжёлые кресты.

Ведь скромное положение в мире сем отнюдь не удаляет нас от Бога, вовсе не мешает молитве. Напротив, на низких послушаниях легче спастись. Именно поэтому святые отцы всегда старались избегать высоких послушаний, но искали самых низких. У нас же всё наоборот, потому что нами владеют падкие до высокого общественного положения страсти: тщеславие, сребролюбие и сластолюбие.

Труднее смиряться сильному, чем слабому

Многие считают, что мы люди маленькие, немощные, а заповеди писаны для сильных. Вовсе нет. Для того чтобы смиряться, ничего особенного не нужно. Смиряться как раз труднее сильному, одарённому человеку. У кого нет никаких особенных телесных, душевных или духовных дарований, тому смиряться легче. Поэтому Бог обычно и не даёт нам их, чтобы мы ими не искушались.

Трудно богатому войти в Царство Небесное

Есть пословица: «Одно "Господи, помилуй" в счастье больше сорока в несчастье». В счастье о покаянии плохо вспоминается, и мало таких, кто не только в бедности, но и в благополучии, и в богатстве сохраняет смиренный нрав.

Потому и сказал Господь, что *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие* (Мк. 10, 25). Речь идёт не только о богатстве материальном, но и о душевном (знания, таланты, тонкость чувств и т. п.) и даже — о духовном (различные благодатные дары кроме самой Любви).

Бедного при благом произволении смиряет сама его бедность. Богатому же — особенно благодатными дарами — смириться, можно сказать, невозможно. Потому апостолы и спросили с изумлением: *Кто же может спастись?* А Иисус им на это ответил, что действительно людям *это невозможно, но не Богу, ибо всё возможно Богу* (см. Мк. 10, 26–27).

Природное и истинное смирение

Надо различать природное смирение и истинное смирение. Есть люди со спокойным характером, не любящие выделяться, не склонные к самоутверждению. С ними удобно общаться, такие качества ценятся. Но эта естественная скромность — данность, в ней нет никакой заслуги человека. Соответственно, и награды за неё ожидать не приходится. К тому же в таких людях природное смирение может иногда парадоксально уживаться с великой гордыней. А может, конечно, сочетаться и с подлинным смирением.

Но бывают люди грубые, капризные, неуживчивые, кичливые. С ними неприятно, и им самим от себя тяжело. Но те из таких людей, кто, падая и поднимаясь, с большим трудом и душевной мукой стараются исправиться, много приобретают для вечности. При этом чем хуже характер человека, тем больше бывает и награда в Царстве Небесном, если он поистине смирится.

Кстати, не нужно путать смирение с депрессией. Депрессия возникает или из-за чрезмерно завышенной

самооценки, когда человек недоволен обстоятельствами своей жизни и считает, что заслуживает лучших обстоятельств, или из-за болезненно заниженной самооценки. Депрессия бывает и собственно душевной болезнью, тогда нужна врачебная помощь.

А истинное смирение предполагает не завышенное и не заниженное, а трезвое видение человеком себя таким, какой он есть (без Бога — ничто, а с Богом — сын Божий по благодати), предполагает желание измениться (стать таким, каким меня хочет видеть Бог) и надежду на помощь и милость Божию. Истинное смирение одинаково возможно и для «хороших», и для «плохих».

Умались, чтобы возвыситься

«Смирение есть без труда спасение». Это мысль многих святых отцов. Даже крайне немощный человек, нарушающий многие заповеди, может достичь Царства Небесного, если он всё-таки перед Богом искренне смирится. Бог пошлёт ему скорби, которые сокрушат его сердце, и через смиренное терпение их он может спастись, даже не неся никаких особенных подвигов.

Конечно, не нужно нарочно поступать плохо, но бывает так, что человек хочет хорошего, а укоренившиеся привычки (наркомания, пьянство и т. п.) настолько овладели им, что он уже не в состоянии расстаться с ними до конца своих дней. Но если он смиряется, если благодушно и с благодарностью несёт все скорби, которые посылает ему Господь, то путь к спасению ему не закрыт. А без смирения даже внешне чистая жизнь никакой пользы для вечности не приносит.

Как сохранить благодать?

Смирением удерживается благодать. Никакого другого способа нет. Если же сосуды наших душ расколоты гор-

дыней и прочими страстями, то их бесполезно наполнять Божественной благодатью. Аналогично, если человек просит дать ему напиться, но принимает воду в кружку без дна, то вода пропадает без всякого смысла. Так, бывает, Бог по особому Промыслу посылает благодатные дары человеку недостойному, но всё это, как вода из дырявой кружки, проливается, потому что душа его не готова. Заботиться надо в первую очередь не о том, чтобы получить благодать, а о том, чтобы быть способным сохранить её. И единственное средство восстановить целостность духовного сосуда — смирение.

Падение и восстание апостола Петра

Апостол Петр имел от Бога великие знамения и дарования ещё при земной жизни Христа. Ещё до сошествия Святого Духа на учеников он уже Духом Святым исповедовал Иисуса Сыном Божиим. И всё-таки ему было позволено отречься от Христа, было позволено проявиться человеческой немощи, чтобы показать и самому апостолу Петру, и всем нам, что ни обилие духовных дарований, ни пылкая и искренняя дружеская привязанность, ни твёрдое намерение сохранить верность сами по себе не могут оградить нас от падений. Надёжная опора — только Бог, и обретается эта опора смирением. Смирился Петр — и его покаяние было принято, и он снова был возведён в апостольское достоинство.

Надёжен только Бог

Надежда на себя всегда обманывает; это и во внутренней жизни так, и во внешней. У человека везде связи, он обогатился, укрепился, всё у него, как говорят, схвачено. Потом падает ему на голову кирпич — и всё, и зря он на себя надеялся. Но так же и во внутренней жизни. У человека всё хорошо: он молится, посещает храм, со страстями

своими борется, духовно одарён — но если на это он возложил свою надежду, то находится в опасном положении.

У преподобного Иоанна Лествичника мы читаем про подвижника, который пришёл в такое высокое состояние, что кормил из рук леопарда, животные его уже не боялись, но он надеялся на свои добрые дела, на свои подвиги. И вот, когда он умирал, к нему подступили бесы, и бывшие там монахи слышали его спор с бесами, перед которыми умиравший пустынный вынужден был как бы оправдываться. И так в споре с бесами душа его оставила тело, и конец его, по словам преподобного Иоанна Лествичника, неизвестен.

Немощь — дар Божий

Во Втором послании к Коринфянам апостол Павел пишет: *Чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»* (2 Кор. 12, 7–9). То есть Господь сказал апостолу Павлу, чтобы он уже не молился об избавлении от своей немощи, а терпел её, потому что она дана ему в защиту от превозношения бывшими ему великими откровениями.

Переживание своей силы — это проявление гордости, оно приводит человека в ещё большую гордость. А переживание своей немощи, соединённое с ощущением силы и милости Божией, приводит человека к смирению. Но с нами происходит нечто странное: не имея великих дарований, мы не только гордимся всякой малостью, но гордимся и своими недостатками, грехами и чуть ли не самой гордостью. Так что нам не следует усиленно просить Бога об избавлении от скорбей, болезней и искушений. Ведь если святой апостол Павел благодарил за них, то тем

более мы, люди грешные, должны благодарить Бога за всё неприятное, раз оно для нас спасительно.

Смирение — дверь в Царство Небесное

Иные человеческие недостатки можно как-то возместить. Например, если человек душевно немощен, плохо постится, то Бог «подберёт» для него что-нибудь другое, пошлёт, скажем, ему тяжкую болезнь, так что он уже волей-неволей станет поститься. Если человек при этом будет Бога благодарить, то получит от болезни такую же пользу, как и от подвигов.

Если нам не хватает добрых дел и подвигов, нас может спасти смирение. Но терпение и смирение ничем заменить нельзя. Если человек предаётся гордости, ропщет, осуждает ближних, никакие труды и подвиги, никакие скорби, никакие болезни не оправдают его перед Богом. Невозможно гордому быть в Царстве Небесном.

«При скудости добродетели помогает нищета духовная, которую улаживает Сам Господь. Не можем взойти на высоту добродетелей, низойдём в глубину смирения», — писал преподобный Макарий Оптинский. Послушаемся любвеобильного преподобного отца. Гордость обманывает нас и влечёт на вечную муку, а смирение раскрывает нам духовные очи на самих себя, на мир Божий и на Самого Бога. Оно вводит нас в Царство Небесное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы с вами завершили цикл бесед о борьбе со страстями. Понятно, что дело не решается никакими беседами — нужен повседневный и постоянный труд каждого над своей душой. Нужно быть готовыми к нечаянным падениям, но, падая, будем подниматься. Об этом есть поучительный рассказ в отечнике: «Брат сказал авве Сисою: авва! что делать мне? я пал. Старец отвечал: встань. Брат сказал: я встал, и опять пал. Старец отвечал: снова встань. Брат: доколе же мне вставать и падать? Старец: до кончины твоей».

Бедствие нашего времени — недостаток опытных духовных отцов. Об этом бедствии сокрушался ещё свт. Игнатий (Брянчанинов) в XIX веке, а ведь это был век расцвета Оптиной и Глинской пустыни, век Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Феофана Затворника и самого святителя Игнатия. Что уж говорить о нашем времени!

Но Бог ни в какое время не оставляет Своих верных рабов! И нам даны особые дары, которых не было у подвижников многих прежних веков. Книги! Вот второе после непосредственного общения верного духовного чада с богопросвещённым духовным отцом дарованное нам Богом средство приобщения к святой традиции! То сокровище, которое когда-то преподобному Паисию (Величковскому) и его непосредственным ученикам приходилось с трудом разыскивать, приобретать порой за немалые деньги, переводить на церковнославянский язык и переписывать от руки, теперь доступно каждому из нас. И «Добротолубие», и «Авву Дорофея», и «Лествицу», и

жизнеописание самого преподобного старца Паисия можно приобрести в книжных магазинах и приходских лавках городских храмов, и каждый может их легко найти в сети Интернет.

Надо признать, что путь полного послушания духоносному старцу не характерен для нашего времени. Хотя святые не иссякнут в Церкви Христовой до конца веков, но дар прозорливости, дар подлинного различения духов, дар отвечать не на произносимые человеком слова, а на подлинные запросы его сердца — эти дары, и всегда бывшие редкими, стали в наше время совсем редкими.

Но чтение святоотеческих книг даёт христианину верный духовный ориентир. И если человек будет внимательно их читать с намерением применить святоотеческий опыт в своей жизни ради вечного спасения, то Бог или пошлёт ему в помощь опытного духовного отца (не обязательно прозорливого и во всех отношениях совершенного старца), или найдёт, как помочь этому человеку иначе.

Главное — наше желание идти путём отцов. Этот путь всегда был, есть и будет крестным, то есть путём скорбей, болезней, разочарований, иногда даже падений (по нашей немощи), но и восстаний (по милости Божией). Тот, кто решится взять на себя возложенный Христом крест и будет просить помощи у Бога, тот эту помощь обязательно получит.

Как получит? В главном она всем нам уже дарована в Церкви, в её таинствах. Кроме того, нас всё время направляют и поправляют посылаемые Богом обстоятельства жизни. И всем нам путь отцов указан, показан и подробно описан в святоотеческих книгах.

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные замечания	3
Чем мы будем заниматься?	3
Приёмы одни — цели разные. Развивать или умерщвлять ветхого человека?	5
А нужен ли христианину аскетизм?	6
Подвизаться нужно правильно	7
О любви и благодарности	9
Любовь — что это?	9
Во-первых, не «что», а «Кто»	9
Узнаешь любовь, когда полюбишь	9
С ревностью любит Бог	10
Неверная душа	11
Мы по-разному ждём встречи с Господом	11
Сначала Бог, потом — ближний	12
«Люби меня, как Бога»	12
Не по хорошу мил, а по милу хорош	13
«Для меня мир распят, и я для мира»	13
Блаженные радость и печаль	15
Станьте как дети	15
Так что же делать?	15
Не торгуйся с Богом	16
Возмещение ущерба в любви	16
Любящий не знает, чем гордиться	17
Заповеди — дар Любви	17
Страшный Суд всепрощающей любви	18
Чем больше любовь, тем страшнее суд	19
«Возьми своё и пойди»	20
Не подсчитывай добро	21
О благодарности Богу	22

Зачем Богу наши молитвы, хвала и благодарность? . . .	22
Забываем поблагодарить Господа	22
О самохвалении	23
И болезнь, и исцеление — от Бога	24
Святые благодарили за трудности	25
Бог сдерживает свою щедрость	25
Благодарить, а не роптать	26
Всё наше богатство — Господне	26
О становлении на духовный путь	28
О своеволии и послушании	28
С Богом — в одном направлении	28
Блаженство или мука — в нашей воле	28
Очищение или отсечение	28
Не доверяй гордому уму	29
Житейская опытность подводит	30
Уповать на Бога надёжнее, чем на себя	31
Если слепой ведёт слепого	31
Плотское и духовное рассуждение	32
Духовничество — образ Троицы	32
Ответственность старших и младших	33
Спасительный одр послушания	33
Духоносный наставник есть у каждого	35
Своеволие должно умереть, чтобы сердце оживо для молитвы	36
Отсечение своеволия в разных ситуациях	36
Неси крест свой — не берись за чужой	38
Послушливый услышит Бога	39
Если не хватает духу слушаться	39
О самооправдании	40
Самооправдание лишает оправдания	40
Справа и слева на мытарствах	41
«Ты ни холоден, ни горяч»	41
Лжеправедность хуже греха	42
Добро, зло и тёмный двойник	42
Лжепростота и лжесмирение	43

Бездна греха: не хотим ни увидеть, ни расстаться . . .	44
Об ускользящем времени	45
До вечности три этажа	45
Страшный Суд уже начинается	45
Нас губит пренебрежение вечностью	46
Островок времени	46
Суета суете рознь	47
Потерянное время	47
Духовный бизнес	48
Спасение как бы из огня	48
Подготовка к Страшному экзамену	49
Готовимся принять Великого Архидиакона	49
Время — дар. На что потратим?	50
Не ленись и не спеши	51
Дух праздности и дух уныния	51
Если отступать, то в порядке	51
Мерить себя по церковным уставам	52
Мы лежим и не поднимаемся	53
Упал — сразу вставай	54
Не отчаивайся	54
Самогрызение — признак гордости	55
Покаяние — на всю жизнь	55
Не торопись	56
Непрестанно грешить — непрестанно кайся	56
Очищение души — Святым Духом	57
Немощь не защита	58
Молитвенная помощь святых	58
О терпении	58
Нужно запастись мужеством	58
Человек познаётся в искушении	59
Ожидай ударов в слабые места	60
Потерпеть благое иго	60
Великодушие облегчает тяготу	61
В несчастьях сердце открывается Богу	62
К вредному стремимся, от полезного бежим	62
От чего бежать, а что терпеть?	63

Бог терпел и нам велел	64
Крест несоответствия	64
Крест — дар милости Божьей	65
Временное страдание ради вечной славы	65
Бог посылает скорби, потому что любит нас	66
Бог поступает с нами, как с сынами	67
Если не по-моему, значит, Богу так угодно	67
Терпеть надо умеючи	68
Ропот — хула на Бога	68
Выход из любого положения	69
«Носите бремена друг друга»	69
Душе нужно стать терпеливой	70
Молитва в духовной жизни христианина	71
Молитвенные меры	71
Долгим трудом или Божиим сверлом	71
Сердце — это где?	72
Как искать сердечную дверь?	73
Где я?	73
Ничего нет, нечего мерять	75
Устная молитва	76
Молитва без внимания — не совсем без плода	76
Фантазии и эмоции	77
Занятие молитвой	78
Молитва и занятие молитвой	78
«Непрестанно молитесь», а зачем тогда правила?	79
Непрестанно молитесь — это для всех	82
Молитвенные планы	83
Молитва по гаджету?	84
Аудио-молитва	84
О путях и методах	85
Отчего мало преуспевающих в молитве?	87
Для кого закрыт духовный путь?	88
Опыт «Откровенных рассказов странника» — для кого подходит?	89
Безумие — искать сверхъестественных видений	91

Молясь — молись	92
Как может молиться домохозяйка?	93
Кто призовет имя Господне?	93
О составлении молитв	94
Можно ли молиться не по книгам? И нельзя ли покороче?	94
Молитвы не придумываются, а даруются Духом Святым	96
На Бога надейся, а сам не плошай	96
О чём молиться Богу?	97
Почему Господь медлит с исполнением наших прошений	98
Не моя воля, а Твоя да будет	99
Может ли у человека быть любимая молитва?	99
«Отче наш» и «Трое Вас...»	101
Молитвы о всяких нуждах	101
Молитва не заговор. Все мы молимся, но не все перед Господом	102
О внимании при молитве и борьбе с помыслами	103
Наше сердце не может не плодить греховных помыслов	103
Морок помыслов и талант молитвы	104
Помыслы во время молитвы	105
Когда рассеиваемся хуже своей меры	106
Помыслы небезобидны	107
В аду нет молитвы	107
Бесы выманивают нас из сердца	108
Тактика помыслов	108
Тактика борьбы с помыслами	109
Не вспоминай злословие и блуд	109
О доверии своим помыслам	110
Не открывай сомнительным гостям	111
Не беседуй с бесами	112
Отгонять бесов нужно молитвой	114
Когда же успех?	114
Что нам мешает молиться?	116

ГРЕХОВНЫЕ СТРАСТИ И БОРЬБА С НИМИ	118
Смертельные объятия страстей	118
Страсти — источник страдания	118
Чья победа — зависит от нас	118
Мытарства — порождение наших страстей	119
Лишают нас свободы страсти	119
Маленькие и большие грехи	120
Добрые привязанности — добрые оковы	121
Временное всегда обманывает нас	121
Возненавидь, чтобы возлюбить	122
От своих страстей никуда не убежишь	123
О внешних делах ради внутренней жизни	124
Подвиг должен быть ради Бога	124
Ложка гордости в бочке добрых дел	125
Внешнее без внутреннего — мёртвому припарки	125
Заповедь и правило	126
И внешнее делать, и внутреннего не оставлять	126
Добрые дела смягчают душу	127
Добрые дела привлекают благодать	127
Кто имеет, тому прибавится	128
Не лицемерие ли — скрывать страсть?	128
Почему в храме так редко увидишь радостное лицо?	129
Мешает ли юбка спасению?	131
О духовном целомудрии	133
Сделать целостным сосуд души	133
Стыд и совесть	134
Одежда — символ благодати	135
Благоговение перед тайной	137
Откровение Ноя и хамство	140
Не верь снам — не промахнёшься	140
Тонкая духовная похоть	143
Обличение с любовью	144
О посте, чистоте и нестяжании	145
О посте и воздержании	145

Разные смыслы поста	145
Правильное отношение к посту	146
Постовая раздражительность	147
Расслабление после поста	148
Пост — покаянный, фарисейский и благодатный	148
Разные меры поста	149
Постный шоколад	149
Пост для больных	150
Пост и болезнь	151
Болезнь — наказание за нарушение поста?	151
Грех — для одного, для другого — подвиг	153
Музыка во время поста?	154
О воздержании в слове	154
Подражание отцам — с рассуждением	155
Пост перед причастием	155
Можно ли причащаться, если нарушил пост?	157
Семейные конфликты на тему поста	158
Как встретить Новый год не нарушив поста?	160
Как поститься в гостях?	160
О браке и блуде	161
Тело человека — храм Святого Духа	161
Брак — образ Небесного Царства	163
Мужское и женское желаниа	163
Брачные обряды	163
Брак и блуд	164
Блуд душой и телом	165
Особенный вред от грехов делом	166
Духовные подмены	167
Об истинном и ложном блаженстве	167
Согласие на безблагодатные утешения	171
Духовное изгнание	172
Пьянство и пастырство несовместимы	172
Опьянение всегда произвольно	174
Пьянство и алкоголизм	175
Как спастись закоренелому наркоману	176
Молитва от пьянства	176

О нестяжании	177
С чем придём на Страшный Суд?	177
Оставь, чтобы обрести	177
Воздаяние больше потери	178
Зависть — страсть потаённая	179
Сребролюбие — разные смыслы	181
Что такое «лишнее»?	182
Нестяжание в миру	183
Бедность и богатство — дар и испытание	183
Духовный смысл собственности	183
О гордости и смирении	185
Не судите и не осуждайте	185
Иной суд Божий, иной человеческий	185
Естественная склонность и свобода образа Божьего	186
Мнительность не безобидна	187
Суд над ближними — узурпация Божественной власти	188
Может ли христианин быть судьёй?	189
Греховное осуждение или благочестивое обличение	191
Он плох, потому что я хорош	192
Все перед всеми виноваты?	192
Косая совесть	193
Простите, и вам простится	193
Сам прости — потом проси прощения	193
Обида в сердце оскверняет молитву	194
Почему так важно прощать?	194
Почему бывает трудно просить прощения?	195
Повод помириться	195
«Солнце да не зайдёт во гневе вашем»	196
Оставь нам, как и мы оставляем	196
Борьба за полноту прощения	197
Справедливость — не в нашу пользу	197
Праведной десницей по левой щеке	198

О любви к врагам	198
Чего желать врагам?	199
Друг предал — как может восстановиться дружба? . . .	200
О злобе	201
Зло бесплодно	201
Враги сами себе	202
Пристрастие к злобе	202
Что значит быть гонимым за правду	202
Во гневе — молчи	203
Наш кроткий Бог	203
Как бороться со злобой?	204
О тщеславии	205
Чем так плохо тщеславие?	205
Тщеславием обесценивается наше добро	206
Помыслы хвалят — мягко стелют, да жёстко спят . . .	206
Пристрастие к почёту	207
Горе человеку, имя которого выше дел его	207
Нам непосильно бремя дарований	208
Правильное отношение к Божиим дарованиям	209
Гордость — корень всех страстей	209
Гордость и тщеславие	209
Источник всех страстей	210
Превозношение — причина падений	210
Гордимся — и теряем благодать	211
Не обещай, а проси	211
Кого за что благодарить?	212
Гордость исполненным правилом	213
Есть ли во мне гордость — как узнать?	214
Место Бога в наших сердцах занято идолом «Я»	215
Смирение привлекает и хранит благодать	215
Начальное смирение	215
Смиряться, а не смиреннословить	216
Благодать — благопризнательному сердцу	216
Видеть мерзость запустения в сердце	217
Смотри вперёд, а не назад	218
Как принести духовные плоды	218

СОДЕРЖАНИЕ

Побежишь от искушения — лишишься спасения . . .	219
Кротость и смирение Пресвятой Девы	219
Труднее смиряться сильному, чем слабому	220
Трудно богатому войти в Царство Небесное	220
Природное и истинное смирение	221
Умались, чтобы возвыситься	222
Как сохранить благодать?	222
Падение и восстание апостола Петра	223
Надёжен только Бог	223
Немощь — дар Божий	224
Смирение — дверь в Царство Небесное	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226

Духовно-просветительское издание

Протоиерей
Константин Островский

БЕСЕДЫ О БОРЬБЕ СО СТРАСТЯМИ

Тех. редактор — А. И. Стариченков
Редактор, корректор — Е. Ю. Рогова

Подписано в печать 07.04.2020.

Формат 60x90/16 Печ. л. 15

Тираж 4000 экз. Заказ № .

Интернет-магазин
православной литературы Синописисъ
knigipochtoi.ru
8 (800) 511 7972, +7 (999) 913 7972
synopsys-on@yandex.ru
по вопросам оптовых поставок
+7 (916) 254 65 24

Отпечатано в Акционерном обществе
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

В издательстве **СИНОПСИСЬ** вышли книги
протоиерея **Константина Островского**

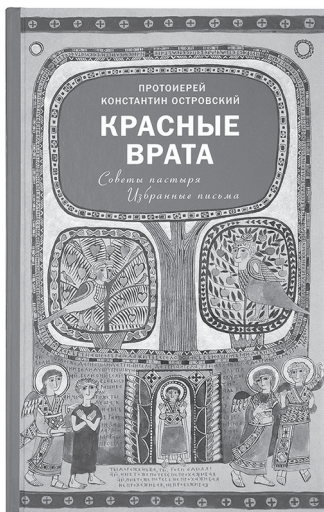
**На приходе и в семье: статьи, ответы
на вопросы, разные истории**

576 стр., бумага офсетная
Размер: 20,7 x 13,6 x 2,85 см
Переплет: твердый
ISBN: 978-5-905472-48-0
Тираж: 10 000 экз.

Автор интересно, на примере собственного опыта рассказывает, как воспитывать современного ребёнка православным христианином, даёт конкретные рекомендации, как организовать работу воскресной школы, как обустроить приходскую жизнь православной общины, даёт советы в непростом деле восстановления и реставрации храмов.

Есть разделы, в которых автор отвечает на вопросы верующих о духовной жизни.

Книга будет полезна молодым священникам, сотрудникам приходов, церковным педагогам, родителям, а также широкому кругу читателей.

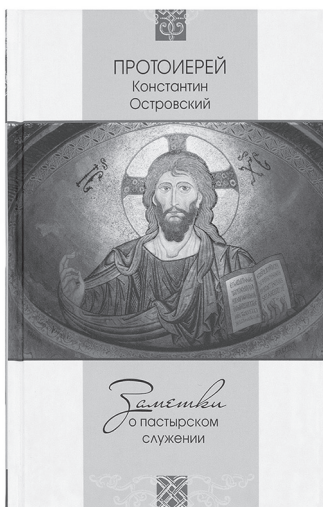
**Красные врата: советы пастыря,
избранные письма**

488 стр., бумага офсетная
Размер: 20,7 x 13,4 x 20,6 см
Переплет: твердый
ISBN: 978-5-905472-60-2
Тираж: 4 000 экз.

Книга протоиерея Константина Островского «Красные врата» составлена из двух частей, объединённых общей задачей: помочь православному человеку, ищущему духовный путь, обрести его.

В первой части книги, «Вхождение в Церковь», даются краткие наставления о молитве, о покаянии, об устройстве православной семьи и приходской общины.

Вторая часть, «Отец в удалённом доступе», составлена на основе писем пастыря прихожанам, по разным причинам оказавшимся вдали от родного храма.

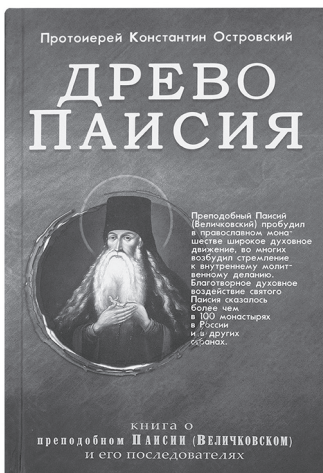
Заметки о пастырском служении

360 стр., бумага офсетная
Размер: 20,7 x 13,2 x 2,1 см
Переплет: твердый
ISBN: 978-5-6042761-6-7
Тираж: 3 000 экз.

Книга сложилась на основе заметок, использованных автором при подготовке и проведении занятий по пастырскому богословию со студентами Коломенской духовной семинарии.

Издание состоит из нескольких разделов. Первый посвящен пастырскому призванию. Во втором идет речь о молитве. Духовничеству, то есть пастырской помощи людям в их старании жить молитвенно и свято по заповедям Божьим, посвящен третий раздел. Затем идет раздел, посвященный созданию и деятельности приходской общины. В заключительном разделе говорится об устройстве домашней (в смысле семейной) церкви христианина и, в первую очередь, священника.

им, посвящен третий раздел. Затем идет раздел, посвященный созданию и деятельности приходской общины. В заключительном разделе говорится об устройстве домашней (в смысле семейной) церкви христианина и, в первую очередь, священника.

Древо Паисия. Книга о преподобном Паисии (Величковском) и его последователях

252 стр., бумага офсетная
Размер: 22 x 14,9 x 1,85 см
Переплет: твердый
ISBN: 978-5-6043595-3-2
Тираж: 5 000 экз.

Книга посвящена преподобному Паисию (Величковскому) и его духовному наследию. Преподобный Паисий не только сам достиг христианского совершенства, но своим примером и с помощью опубликованных им книг о молитве и борьбе со страстями указал деятельный путь ко спасению множеству своих учеников и через

них другим монахам и мирянам в России, на Украине, в Молдавии, Румынии, Греции и в других странах.

Содержание книги «Древо Паисия» можно назвать свободной компиляцией текстов: житий святых, жизнеописаний подвижников благочестия, повествований о монастырях.

Приобрести книги Вы можете в интернет - магазине издательства «Синописись»

knigipochtoi.ru
8 800 511 79 72